

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

СИМВОЛИКА ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ Н.А. НЕКРАСОВА
И А.А. АХМАТОВОЙ

КОФЕ В КУПЕ С ВИДОМ НА ШОССЕ

ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ ЛЮБВИ
В ЗРЕЛОЙ ЛИРИКЕ РЮРИКА ИВНЕВА

О МЕДВЕДЯХ, ОХОТЕ И ЛЮБВИ:
«МЕДВЕЖИЙ» СЮЖЕТ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ТОЛСТОГО

2018/ № 3

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2018 / № 3

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по Филологическим наукам: группы специальностей Литературоведение (10.01.00) и Языкознание (10.02.00).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: Literary Studies (10.01.00) and Linguistics (10.02.00).

ISSN 2072-8522 (print)

2018 / № 3

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Научный совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — д.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)
Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Российский университет транспорта (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. — д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2018. — № 3. — 194 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26173

**Индекс серии «Русская филология»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40718**

© МГОУ, 2018.

© ИИУ МГОУ, 2018.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Русская филология»

Ответственный редактор серии:

Лекант П.А. — д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Шаповалова Т.Е. — д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. — к.филол.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В.Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария); **Алексеева Л.Ф.** — д.филол.н., проф., МГОУ; **Аношкина В.Н.** — д.филол.н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Воропаев В.А.** — д.филол.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова; **Гусман Т.Р.** — д.филол.н., проф., Гранадский университет (Испания); **Киселёва И.А.** — д.филол.н., доц., МГОУ; **Колларова Э.** — д. философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия); **Копосов Л.Ф.** — д.филол.н., проф., МГОУ; **Леденёва В.В.** — д.филол.н., проф., МГОУ; **Моторин А.В.** — д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; **Нагорный И.А.** — д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет; **Норман Б.Ю.** — д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Беларусь); **Петров А.В.** — д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск); **Рацибурская Л.В.** — д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского; **Супрун В.И.** — д.филол.н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет; **Титаренко Е.Я.** — д.филол.н., доц., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского; **Шаталова О.В.** — д.филол.н., проф., МГОУ; **Шеншина В.А.** — д.филол.н., науч. сотр., Хельсинский университет (Финляндия); **Щедрина Н.М.** — д.филол.н., проф., МГОУ

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:

Moscow Region State University

— Issued 5 times a year —

Series editorial board «Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philological sciences, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.N. Avramova – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.N. Anoshkina – Doctor of Philological sciences, Professor, honored science worker of the Russian Federation; **V.A. Voropayev** –

Doctor of Philological sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University; **R. Guzmán Tirado** – Doctor of Philological sciences,

Professor, University of Granada (Spain); **I.A. Kiseleva** – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, MRSU; **E. Kollarova** –

Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia); **L.F. Koposov** – Doctor of Philological sciences, Professor,

MRSU; **V.V. Ledeneva** – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU; **A.V. Motorin** – Doctor of Philological sciences, Professor, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University; **I.A. Nagorny** – Doctor

of Philological sciences, Professor, Belgorod State National Research University; **B.Yu. Norman** – Doctor of Philological sciences, Professor,

Belorussian State University (Belarus); **A.V. Petrov** – Doctor of Philological sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk); **L.V. Ratsiburskaya** –

Doctor of Philological sciences, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; **V.I. Suprun** – Doctor of Philological sciences, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University; **E.Y. Titarenko** – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky;

O.V. Shatalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU; **V.A. Shenshina** – Doctor of Philological sciences, Helsinki University (Finland); **N.M. Shchedrina** – doctor of Philological Sciences, Professor, MRSU

V.A. Shenshina – Doctor of Philological sciences, Helsinki University (Finland); **N.M. Shchedrina** – doctor of Philological Sciences, Professor, MRSU

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Science council «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Doctor of Philological sciences, Professor, Principal of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph.D. in Philological sciences, Head of information and publication office of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph.D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Russian University of Transport

E.V. Klobukov – Doctor of Philological sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philological sciences, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2018. – № 3. – 194 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26173

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

© MRSU, 2018.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2018.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Арчугова Д.В.</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСЕМ С ПРАСЛАВЯНСКИМ КОРНЕМ РЕК- / РОК- В ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА.....	8
<i>Е.Л. Ачилова, В.П. Ачилова</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЙ В ВИРТУАЛЬНОЙ ИГРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	17
<i>Бринюк Е.В.</i> ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ КОНЦЕПТА «РОДИНА» СРЕДСТВАМИ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА В УЧЕБНОМ ИЗДАНИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	29
<i>Григорьева О.Н., Кадыоглу Э.</i> СИМВОЛИКА ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ Н.А. НЕКРАСОВА И А.А. АХМАТОВОЙ	38
<i>Гусейнов Г.-Р.А.-К., Мугумова А.Л.</i> ИСТОРИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА В ЭТНОАРЕАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ ЕГО РАННИХ (ДО XVIII ВЕКА) КОНТАКТНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ	49
<i>Маслова М.Н., Симашко Т.В.</i> ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ И СТАБИЛИЗАЦИЯ ФОРМ ВЫРАЖЕНИЯ ЕЁ КОМПОНЕНТОВ В СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ.....	62
<i>Правда Е.А.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫХ СРАВНЕНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПОЭТОВ.....	73
<i>Сафарова Дж.А.</i> КОМПОЗИТЫ-ГЕРМАНИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОСОБЕННОСТИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ	83
<i>Соколянский А.А.</i> КОФЕ В КУПЕ С ВИДОМ НА ШОССЕ.....	91
<i>Токарева Л.В.</i> СИСТЕМА ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	101

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Нижник А.В., Кольцова Н.З.</i> МУЗЫКА В ТВОРЧЕСТВЕ Г. ГАЗДАНОВА («БЕЗМОЛВНЫЙ КОНЦЕРТ» В «ВЕЧЕРА У КЛЭР» И «НЕМАЯ СИМФОНИЯ» В «ЭВЕЛИНЕ И ЕЁ ДРУЗЬЯХ»).....	111
<i>Кучин Вл.П.</i> ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ ЛЮБВИ В ЗРЕЛОЙ ЛИРИКЕ РЮРИКА ИВНЕВА	121
<i>Летаева Н.В.</i> ЛЕРМОНТОВСКИЙ ТЕКСТ В ПРОЗЕ М. АГЕЕВА	128
<i>Нагина К.А.</i> О МЕДВЕДЯХ, ОХОТЕ И ЛЮБВИ: «МЕДВЕЖИЙ» СЮЖЕТ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ТОЛСТОГО	135

Пуряева Н.Н. «БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ КАТАЛОГ РОССИЙСКИМ ПИСАТЕЛЬНИЦАМ» С.В. РУССОВА	146
Семенец А.В. ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ ПУСТЫНИ В РОМАНАХ А. КАРТЕР ...	153
Тан Дини. СТАНОВЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО ЛЕРМОНТОВЕДЕНИЯ	162

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ю.В. Архангельская МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ ФРАЗЕОЛОГИИ В XXI ВЕКЕ» (ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л.Н. ТОЛСТОГО, ТУЛА, 17–19 МАЯ 2018 Г.)	174
Никитин О.В. «...ЧЬЯ МУЗА ДО КОНЦА ДОБРУ И КРАСОТЕ НЕ ИЗМЕНЯЛА» (ЮБИЛЕЙ ПРОФЕССОРА Е.Н. КОЛОКОЛЬЦЕВА)	177

РЕЦЕНЗИИ

Киселева И.А., Поташова К.А. РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ Н.В. ТРОФИМОВОЙ «ИСТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» (М.: МПГУ, 2017, 83 С.)	189
--	-----

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

D. Archugova. THE SEMANTIC STRUCTURE OF LEXEMES WITH THE PROTO-SLAVIC ROOT <i>REK-</i> / <i>ROK-</i> IN THE LANGUAGE OF THE 18TH CENTURY	8
E. Achilova, V. Achilova. FEATURES OF FUNCTIONING OF ADDRESSES IN VIRTUAL GAMING COMMUNICATION.....	17
E. Brinyuk. FEATURES OF REVEALING OF THE CONCEPT “HOMELAND” BY MEANS OF THE CREOLISED TEXT IN THE EDUCATIONAL EDITION ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE.....	29
O. Grigorieva, E. Kadioglu. MEMORY AND OBLIVION SYMBOLS IN POETIC LANGUAGE OF N. NEKRASOV AND A. AKHMATOVA.....	38
G.-R. Guseinov, A. Mugumova. HISTORICAL AND FUNCTIONAL STRATIFICATION OF THE KUMYK LANGUAGE IN ITS ETHNOAREAL CONTEXT OF EARLY (BEFORE 18th CENTURY) CONTACT RELATIONS WITH THE RUSSIAN LANGUAGE	49
M. Maslova T. Simashko. CONCEPTUAL MODEL DEVELOPMENT AND STABILIZATION OF THE WAYS, WHICH SIGNIFY ITS COMPONENTS IN SPECIALIZED TEXTS	62
Pravda Y.A. FUNCTIONAL FEATURES OF CONJUNCTIVE COMPARISONS IN THE WORKS OF RUSSIAN POETS.....	73
J. Safarova. COMPOSITE GERMANISMS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE: FEATURES AND FUNCTIONING.....	83
A. Sokolyanskiy. COFFEE IN THE COMPARTMENT WITH A VIEW ON THE ROAD	91
L. Tokareva. SYSTEM OF EXPRESSIVE MEANS IN THE RUSSIAN LITERARY TEXTS.....	101

SECTION II. LITERARY STUDIES

A. Nizhnik, N. Koltsova. GAITO GAZDANOV’S MUSIC (“THE SILENT CONCERTO” IN “AN EVENING AT CLAIRE’S” AND “THE MUTE SYMPHONY” IN “EVELINA AND HER FRIENDS”).....	111
V. Kuchin. WAYS AND MOVES OF LOVE IN A MATURE LYRIC OF RYURIK IVNEV	121
N. Letaeva. LERMONTOV’S DISCOURSE IN PROSE OF M. AGEYEV	128
K. Nagina. ON BEARS, HUNTING AND LOVE: “BEAR” PLOT IN THE WORKS OF L. TOLSTOY.....	135

N. Puryaeva. BIBLIOGRAPHIC CATALOGUE OF RUSSIAN FEMALE WRITERS BY S. RUSSOV	146
A. Semenets. THE INTERPRETATIVE POTENTIAL OF THE SPATIAL IMAGES OF DESERT IN A. CARTER'S NOVELS	153
Tang Dingyi. FORMATION OF LERMONTOV STUDIES IN MOSCOW	162

SCIENTIFIC LIFE

Ju.V. Arkhangelskaya. INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "MULTi-PARADIGMAL CONTEXTS OF PHRASEOLOGY IN 21ST CENTURY" (TULA STATE LEV TOLSTOY PEDAGOGICAL UNIVERSITY, TULA, MAY 17–19, 2018)	174
Nikitin O.V. "...WHOSE MUSE SERVED THE GOOD AND THE BEAUTY TILL THE END?" (PROFESSOR E. KOLOKOLTSEV'S ANNIVERSARY)	177

REVIEW

I. Kiseleva, K. Potashova. REVIEW OF THE N. TROFIMOVA'S TEACHING GUIDE "HISTORY OF THE OLD RUSSIAN LITERATURE" (M.: MSPU, 2017. 83 P.)	189
---	-----

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.16'01:81'37

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-8-16

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСЕМ С ПРАСЛАВЯНСКИМ КОРНЕМ РЕК- / РОК- В ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

Арчугова Д.В.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу семантической структуры лексем с общим праславянским корнем *рек- / рок-* в русском языке XVIII в. Исследование истории корневых групп позволяет подойти к решению основной задачи современной исторической лексикологии – описанию русской лексики в целом как развивающегося явления, определению качественных (собственно семантических) и количественных изменений в словарном составе языка на всём протяжении его развития.

На основе лексикографических источников выделяются основные семы, формирующие лексико-семантические группы слов с корнем *рек- / рок-*.

Ключевые слова: семантическая структура, лексико-семантическая группа, сема, этимологически родственные слова, языковой анализ.

THE SEMANTIC STRUCTURE OF LEXEMES WITH THE PROTO-SLAVIC ROOT REK- / ROK- IN THE LANGUAGE OF THE 18TH CENTURY

D. Archugova

Moscow Region State University

10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the semantic structure of lexemes with the common Proto-Slavic root *rek- / rok-* in the Russian language of the 18th century. The study of the history of root groups allows us to approach the completion of the main task of the modern historical lexicology – the description of the Russian vocabulary in general as a developing phenomenon, the definition of qualitative (actually semantic) and quantitative changes in the vocabulary of the language throughout its development.

On the basis of lexicographical sources, the main semes that form lexico-semantic groups of words with the root of *rek-* / *rok-* are singled out.

Key words: semantic structure, lexico-semantic group, seme, etymologically related words, language analysis.

Изменение семантической структуры слова в истории языка – одна из актуальных проблем современной семиологии. Изучение семантической структуры слова предполагает рассмотрение семантики слова с учётом связей с другими словами внутри семантического поля. Под семантической структурой слова понимается совокупность лексико-семантических вариантов, находящихся друг с другом в отношениях семантической производности.

Слово как основная единица языка является объектом изучения не только лексикологии, но и морфемики. Исследование структурно-семантических особенностей лексем предполагает объединение данных трёх уровней: фонетического, морфемного и лексического с учётом специфики словообразования. «Единицы определённого уровня получают своё значение на основе их сопоставленности с другими единицами того же уровня, что делает возможным и необходимым их рассмотрение в определённом парадигматическом ряду (чаще – в целой системе парадигматических рядов). Установление некоторых тождеств и различий, существующих между единицами данного ряда, иначе говоря, установление того, в чём одна единица сходна и чем она отлична от другой единицы того же ряда, предполагает выделение некоторых элементов, являющихся элементами сходства и различия» [10, с. 11].

Морфемная структура слова может претерпевать различные изменения в ходе исторического развития языка. Важную роль в пополнении лексики современного русского языка играют корни слов. «В связи с изменением аффиксального окружения часто сильно видоизменяется внешний облик корня» [6, с. 25], в связи с чем нелегко определить, являются ли многие близкие слова однокоренными, входят они в одно словообразовательное гнездо или относятся к разным гнёздам. Следует принять во внимание разграничение словообразовательных и корневых гнёзд, предложенное А.Н. Тихоновым, который под корневым гнездом понимает общность однокоренных слов, состоящую из двух и более словообразовательных гнёзд, вершинами которых являются слова со связанными корнями, сохранившими в своей структуре определённую близость, но утратившие на данном уровне развития языка словообразовательные отношения друг с другом.

В XVIII в. в России образуется национальный язык, который отличается от языка великорусской народности «более усовершенствованным грамматическим строем, богатым словарным составом, нормированностью, стилистическим многообразием единиц книжного и разговорного характера» [1, с. 170].

Изучение той или иной языковой единицы в диахроническом аспекте невозможно без рассмотрения её семантики и структуры в русском языке

XVIII в. Существенной особенностью лексики является её подвижность. Стефан Ульман писал: «Словарь не поддается точному и исчерпывающему описанию при применении тех методов, которые используются при описании фонетических и грамматических средств языка. Фонетические и грамматические средства языка ограничены в количественном отношении и строго систематизированы; в значительной степени, хотя и не полностью они не подвержены внешним явлениям. Словарь же представляет собой расплывчатую массу бесконечно большого числа элементов; границы его зыбки и трудно определяемы: характернейшим свойством словаря является его способность бесконечно разрастаться за счёт новых слов и новых значений, которые поступают из самых разнообразных источников» [7, с. 18].

Рассмотрим семантическую структуру лексем с общим праславянским корнем *рек-/рок-* в русском языке XVIII в. на основе лексикографических источников [5].

Говоря о семантической структуре и анализе слов, нельзя не затронуть более подробно минимальную единицу плана содержания, сему, являющуюся основной и смыслообразующей.

Семантика этимологически родственных слов с данным корнем связана в основном с процессом говорения, что обусловлено их происхождением. Общая сема говорения развилась на славянской почве. Общеславянская лексема **rekti* имеет индоевропейский корень **rek-* / **rōk-* со значением ‘определять’, ‘располагать’, ‘устраивать’. Ср.: гот. *rahnjan* – ‘считать’, ‘полагать’, *ga-rçhsns* – ‘определение’, ‘решение’; др.-исл. *regin*, *rogn* – ‘божества’ (=

‘божественная сила, дающая совет’); др.-инд. *gasaṃyati* (с=рус.) – ‘создаёт’, ‘производит’, ‘делает’ [ср. хинди *рач’на* – ‘творить’, ‘созидать’, ‘сочинять’ (книгу), *рачайитâ* – ‘создатель’, ‘творец’, ‘автор’] [9, с. 109].

Вместе с тем определённые дополнительные оттенки основных значений позволяют нам выделить следующие лексико-семантические группы (ЛСГ) с корнем *рек-/рок-*.

ЛСГ с общей семой ‘речь’ является одной из самых многочисленных. Данная группа и в предшествующие эпохи содержит максимальное количество слов в сравнении с другими лексико-семантическими группами. В древнерусском языке на основе лексикографических источников [3; 4] слова в основном имеют 1-2 значения. В старославянском языке лексема *речь* имеет всего 2 значения.

В словаре русского языка XVIII в., однако, сама лексема *речь* не представлена в качестве самостоятельной.

Некоторые языковые единицы выступают как многозначные, например, *изречение*: ‘произношение’, ‘приговор, решение; волеизъявление’, ‘изъявление, проявление, выражение’ и др.: *Слёзы, текущая по ланитам его, были единым изречением его благодарности* (Иосиф (Б) 108).

Слова *наречие*, *наречный* выступают в значениях: ‘язык как средство общения’ («*На пирушке*» было великое множество молодых благородных обоего пола дворян, которые инако не разговаривали как новым Петербургским щегольским наречием), ‘слово, выражение’ и в значении ‘часть речи’.

Отметим, что у слов *наречение*, *срок*, *оброк*, *пророк*, *предрекать* и др., образованных от праславянского корня

**rek-* / **rok-*, общее, центральное значение говорения непосредственно взаимосвязано со значениями 'называть', 'оговаривать, обговаривать', 'обещать', 'прорицать' и др. «Этимологические словари славянских языков не указывают на родство слов *речь* (из праслав. **rekti* – 'говорить') и *река*, но эту близость допускал В.И. Даль: *речь* по отношению к *река* – "вероятно того же корня, но отшатнулось и стоит по себе"» [2, с. 51]. На наш взгляд, лексема *река* и её производные не входят в состав этимологического гнезда с корнем-доминантой **rek-* / **rok-*. Мы придерживаемся точки зрения П.Я. Черных, который отмечает, что общеславянское **rěka* восходит к индоевропейскому **roikā* (И.-е. база **(e)rei-*: **reiā-*: **rī-*, корень **er-*: **or-*: **r-* 'приходить в движение', 'устремляться'); на русской почве родственны слова: *реять*, *рой*, *ринуться* [11, с. 2, 108].

ЛСГ с единой семой 'называть': *нарекаіние*, *нарицание* (используется также в значении 'обвинение, упрёк, порицание'), *наречение*, *наречь*, *нареши*, *нарекать*, *нарицать*, *наричати*, *нарекиший*, *нареченный*, *нарекающий*, *нарицающий*, *нарицаемый*, *наричемый*, *нарицанный*, *наречься*, *нарешился*, *нарекаются* и *нарицаются*, *нарекишись*.

Отметим, что в этой группе значительное место занимают лексемы, появившиеся именно в Петровскую эпоху. В это время возрождается образование отвлечённых слов посредством аффиксов старославянского происхождения (продуктивными становятся образования на *-ение*, *-ание*, *-ние*, *-ие* и т. п.)

ЛСГ с единой семой 'оброк, плата, дань', в которую входят такие единицы, как *оброк*, *обоброчить*, *обоброчивать*,

обоброченный, *обоброчка*, *оброчение*, *оброчка*, *оброчник*, *оброчица* и др. Само слово *оброк* (ср.: др.-русск. *оброкъ* 'подать, обет, обязательство', русск.-цслав. *оброкъ* Ѡрѡкъ (Остром.), болг. *оброік* 'обещание, обет', сербохорв. *оброк* 'срок', словен. *obroіk* 'условие, срок', чеш. *obrok* 'издержки, расход за год') этимологически связано с праславянским корнем **rek-* / **rok-* (**ob-rokъ* от *реку*) [9, с.108]. В XVIII в. лексема *оброк* выступала в значениях: 'денежный или натуральный сбор, взимаемый помещиком с крестьянина'; 'налог, взимаемый в государственную казну деньгами или натурой с недвижимости, ремёсел, различных видов работ и т. п.'; 'подать, взимаемая победителем с населения захваченной территории, дань'; 'аренда'; 'жалованье за службу'; 'оплата, вознаграждение за что-либо'; 'расплата, отплата за что-либо'. Мы видим, что произошло семантическое отталкивание. Так, сема говорения, которая продолжает сохраняться в некоторых славянских языках ('обещание, обет'), не наблюдается в русском языке данного периода.

ЛСГ с общей семой 'судьба, предназначение', 'пророчествовать, прорицать' представлена словами: *лжепророческий*, *лжепророчество*, *лжепророчествовать*, *обречь*, *обрекать*, *обреченный*, *обречение*, *обреkanie*. Интересно, что в словаре русского языка XVIII в. не представлены в качестве самостоятельных такие лексемы, как *рок*, *пророк*, *прорицатель*.

ЛСГ с общей семой 'отрезок времени' («ср. с другими префиксами **jъzrokъ*, **rogokъ*, **sъrokъ* и др.» [13]). Лексема *срок* является одним из ярких примеров, когда «производное слово утрачивает свои семантические связи

с производящим элементом или развивается на основе имеющихся значений новые дополнительные варианты» [12, с. 161]. В этом случае наблюдается семантическое отталкивание, в результате которого расширяется семантическое поле данной лексической единицы. Данная группа представлена словами с префиксом *от-*, который сообщает данным лексемам значение переноса на какое-либо время: *отсрочить* ‘сделать отсрочку, перенести на более поздний срок’. К этой ЛСГ относятся такие слова, как *отсрочивать*, *отсрочивший*, *отсроченный*, *отсрочиваемый*, *отсрочиваться*, *отсрочение*, *отсрочивание*, *отсротчик* и т. д.

ЛСГ с общей семой ‘возраст’, ‘социальное положение’ представлена центральной лексемой *отрок*, которая является производящей для большого количества слов: *богоотроковица* в значении ‘богородица в отрочестве’, *отрочок*, *отроковица*, *отроча*, *отрочатка*, *отроческий*, *отрочий*, *отрочество*, *отрочествовать*, *отрочище*, *отрочищный* и др. Лексема *отрок* могла выступать в двух значениях: 1. ‘ребёнок’, 2. ‘слуга’.

В словаре русского языка XVIII в. выделяются отдельные лексемы с отрицательной коннотацией. К ним относятся такие, как *изурочить* ‘сглазить, наслать болезнь, испортить знахарством’, *опорочить* ‘испортить, изменить в худшую сторону’, *отрекание* ‘непризнание чего, отречение от чего’. В семантической структуре этих языковых единиц присутствует сема говорения (сглазить – похвалами, предсказаниями накликать плохое; отречение – объявлять, отказываться от чего-либо).

Наряду с лексико-семантической базой одним из составляющих основного словарного фонда является механизм этимологического гнезда. Расширение словарного состава путём этимологических гнёзд следует рассматривать в грамматике, потому что этимологическое гнездо – явление грамматическое, хотя результаты этого процесса получают своё место в лексике. Однако задачей изучения этимологических гнёзд является не изучение семантики отдельного слова, а изучение семантики слова в связи с его строением. Именно поэтому в рассмотрении этимологического гнезда изучаются целые серии (ряды) одинаковым образом построенных слов. В семантике слова для этимологии важна не его конкретная индивидуальность, а то общее, что отражено в его строении: словообразовательное (derivационное) значение.

В XVIII в. активно пополняется словарный состав языка. Этот праславянский корень выступает важной единицей обогащения словарного состава языка благодаря своей словообразовательной продуктивности.

Словообразовательно-этимологическое гнездо с корнем-доминантой **rek-* / **rok-* в истории русского языка представляет определённое структурное образование однокоренных слов, где «каждый его элемент (слово) занимает в нём предусмотренное системой языка и закреплённое в норме место. В основе строения гнёзд лежит принцип иерархии, принцип последовательного подчинения одних единиц другим ... члены словообразовательного гнезда являются семантически и структурно зависимыми друг от друга» [6, с. 31]. При рассмотрении слова

как единицу языка становится интересным вопрос отграничения разных слов от вариантов одного и того же слова. Грамматические моменты не меняют содержания слова в отличие от лексических. Когда грамматические различия переходят в лексические, мы видим разные слова, а не варианты слова. «При определённых (различных) обстоятельствах словообразовательные аффиксы как бы десемантизируются при одном и том же корне ..., но не выпадают из общей словообразовательной функции» [8, с. 133].

Большое количество производных слов от праславянского корня **rek-* / **rok-* образуется по продуктивным словообразовательным моделям морфологическим способом.

Суффиксальный и префиксально-суффиксальный способы активно используются при образовании прилагательных и глаголов от данного корня: это слова с лексическим значением 'говорить, сказать': *возреци, изрече́ние, изреічь, изреций, изрекаіть, изрицаіть, изречеі́нный, изрекиий, изрекий, изрекаю́щий, изрекии, изрекая*. В данную группу включены слова старославянского происхождения, которые относятся к высокой, книжной лексике.

В ЛСГ с единой семьей 'оброк, плата, дань' наблюдается пополнение лексического состава за счёт единиц, образованных префиксально-суффиксальным способом. Слова с префиксом *без-* выступают в значении 'не обложенный оброком, на прежнем оброке': *безобро́чный, безобро́чно, безпереобро́чно*. Слова с приставкой *пере-* – в значении 'наложить новый оброк': *переобро́чить, переобро́ченный, переобро́чивание, переобро́чка*.

Одним из способов деривации является сложение основ. В словаре русского языка XVIII в. представлен круг единиц, образованных этим способом. Это лексемы с первым элементом *веле*, *красно*, *высоко*, *ласко* (положительная коннотация): *велеречи́вый, велеречи́во, велеречи́вость, велеречие, велеречить, красноречи́вый, красноречи́во, красноречие, красноречно, ласкоречи́вый*. Данные лексемы употребляются в значении 'красноречи́вый, многоречи́вый, умеющий хорошо, красиво говорить'. Слова с начальным корнем *высок-* и *выш-* выступают в значении 'выражающийся высокопарным слогом': *высокорече́нный, высокоречи́вый, высокоречи́во, высокоречие, вышере́ченный*. В противоположность выступают сложные слова с первым элементом *зло*, *мало*, *много*. Так, слова с начальным *зло-* выражают значение 'злословить, злословие': *злоречи́вый, злоречи́во, злоречи́вость, злоречие, злоречить, злоречный*. Слова с начальными *мало-* и *много-* в значениях 'малословный, неразговорчивый' и 'многословный': *малоречи́вый, малоречие, многорече́нный, многоречи́вость, многоречи́вый, многоречи́во, многоречие, многоречить*. Заметим, что *многословный* выступает как синоним со словами *пустословный, болтливый*. Все эти сложные слова являются старославянскими по происхождению и относятся к книжной лексике.

В стилистическом отношении состав гнезда с праславянским корнем **rek-* / **rok-* в языке XVIII в. представлен не только нейтральными и книжными лексемами, как, например, в старославянском и древнерусском языках. Появляются лексемы, которые фиксируются словарём как 'просто-

речные'. К таким словам относятся *на-роком, ненароком: А ведь я дал деньги, ведашь ты, а чорт те знает, ужь не на-роком ли ты позабыл?* [5]

Таким образом, проведённый языковой анализ позволяет утверждать, что праславянский корень **rek-* / **rok-* обладает высокой потенцией к образованию однокоренных единиц, в которых реализовывались разные семы. Историческое развитие лексического значения слов с данным корнем идёт по пути увеличения семантического пространства его функционирования. В отличие от семантической структуры данного корня в древнерусском и старославянском языках, появляется большое количество многозначных слов. Многозначность свидетельствует о неограниченных возможностях языка, так как богатство словарного

состава языка заключается не только в количестве слов, но и в разнообразии их значений, в способности лексем получать новые семантические оттенки. Употребление слов в переносном значении также говорит о разнообразии значений с данным корнем. «В истории русского языка образуются новые слова с древними по своему происхождению корнями. И сила начального впечатления возникает в слове вновь» [11, с. 53].

Слова с корнем *рек-* / *рок-* в языке XVIII в. имеют экспрессивно-стилистическую окраску. Широкий круг языковых единиц, составляющих разные лексико-семантические группы, свидетельствует о ключевом значении данного корня в истории русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войлова К.А., Леденёва В.В. История русского литературного языка: учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017. 499 с.
2. Мечковская Н.Б. Язык и религия: лекции по философии и истории религий. Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 352 с.
3. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 тт. М.: Русский язык, 1991.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1975. Выпуск I (А–Б). 372 с.
5. Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука, 1992. Вып. 7.
6. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х томах. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ, 2003.
7. Ульман Ст. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология // Новое в лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. Вып. II. 686 с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.
9. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1993. Т. 2. 560 с.
10. Шаталова О.В. Отталкивание как фактор семантической дифференциации лексем с корнем *бы-* в русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. № 1. С. 161–163.
11. Шаталова О.В. *Ценить* и *каяться*: к вопросу о реконструкции праславянского корня **kai-*: **koi-* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 3. С. 50–56.

12. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. Изд. 4-е. М: ЛЕНАНД, 2017. 280 с.
13. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1984. Вып. 23. С. 8.

REFERENCES

1. Voilova K.A., Ledeneva V.V. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [The history of the Russian literary language]. Moscow, Yurait Publ., 2017. 499 p.
2. Mechkovskaya N.B. *Yazyk i religiya: lektzii po filosofii i istorii religii*. [Language and religion: lectures on philosophy and the history of religions]. Moscow, Agentstvo "FAIR" Publ., 1998. 352 p.
3. *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the old Russian language (11–14 centuries)]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1991.
4. Barkhudarov S.G., chief ed. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975. Iss. 1. 372 p.
5. Sorokin Yu.S., chief ed. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1984–1991. Vol. 1–6; St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, no. 7.
6. Tikhonov A.N. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka v 2-kh tomakh* [Word-formation dictionary of the Russian language in 2 volumes]. Moscow, Astrel, AST Publ., 2003.
7. Ullman St. [Descriptive semantics and linguistic typology]. In: *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1962. Iss. 2. 686 p.
8. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1986. Vol. 2. 672 p.
9. Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical-etymological dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1993. Vol. 2. 560 p.
10. Shatalova O.V. [Repulsion as a factor of semantic differentiation of the lexemes with root бы- in Russian language]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: "Russkaya filologiya"* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2007, no. 1, pp. 161–163.
11. Shatalova O.V. [To appreciate and to repent: to the question of the reconstruction of Proto-Slavic root *kai-: *koi-]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: "Russkaya filologiya"* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2017, no. 3, pp. 50–56.
12. Shmelev D.N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [The problems of semantic analysis of vocabulary]. Moscow, URSS Publ., 2017. 280 p.
13. Trubachev O.N., ed. *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical Fund]. Moscow, Nauka Publ., 1984, no. 23, pp. 8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Арчугова Дина Витальевна – аспирант кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета; учитель русского языка и литературы ГБОУ школа № 2057;
e-mail: dina88-88@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dina V. Archugova – postgraduate student at the Department of Slavic Philology, Moscow Region State University; teacher of the Russian language and literature of the State Budget Educational Institution School No. 2057;
e-mail: dina88-88@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Арчугова Д.В. Семантическая структура лексем с праславянским корнем *рек-* / *рок-* в языке XVIII века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 8–16
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-8-16

FOR CITATION

Archugova D.V. The semantic structure of lexemes with the Proto-Slavic root *rek-* / *rok-* in the language of the XVIII century. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 8–16
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-8-16

УДК 811.161.1'373.2:[316.77:004.5]

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-17-28

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЙ В ВИРТУАЛЬНОЙ ИГРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.Л. Ачилова, В.П. Ачилова

Таврическая академия Крымского федерального университета

имени В.И. Вернадского

*295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, д. 4, Республика Крым,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье описан арсенал обращений в коммуникации участников игрового форума, исследованы их функции. Установлено, что чаще всего обращениями служат разговорные слова с дружественным или фамильярным оттенком, обозначающие группу людей и одновременно являющиеся идентификаторами участников в системе «своих». Обращения, кроме основной номинативной функции, одновременно выполняют вокативную, побудительную, социально-регулятивную, эмотивную и оценочно-характеризующую функции.

Ключевые слова: виртуальная коммуникация, форум, обращение, адресат, адресант.

FEATURES OF FUNCTIONING OF ADDRESSES IN VIRTUAL GAMING COMMUNICATION

E. Achilova, V. Achilova

Vernadsky Crimean Federal University

4, Vernadskogo prospekt, Republic of Crimea, Simferopol, Russian Federation, 295007

Abstract. The article describes the functions of addresses and describes their arsenal in the communication of participants in the game forum. It is found that most often addresses are spoken words with friendly or familiar shade, denoting a group of people and at the same time being identifiers of participants in the “their” system. Addresses, in addition to the main nominative function, have also vocative, motivational, socially-regulative, emotive and evaluative-characterizing functions.

Key words: virtual communication, forum, address, addressee, addresser.

На современном этапе развития человека, общества, науки и техники многие известные языковые феномены приобретают новые черты, требующие анализа и описания. В частности, с развитием и распространением виртуального общения актуальным становится изучение языка пользователей сети интернет.

Обращение как лингвистическое явление неоднократно становилось объектом интереса и разносторонних исследований языковедов. Так, описаны средства адресации в разных языках, выдвинуты гипотезы грамматического и семантиче-

ского аспектов обращения (В.Е. Гольдин, А.М. Серебренников, И.Н. Кручина, А.В. Полонский, Е.В. Клобуков и др.), представлен анализ обращения в русле функционального и социолингвистического подходов (Н.И. Формановская, Л.П. Рыжова, Е.А. Айсакова, И.А. Стернин и др.), детально проанализирована роль обращений в сфере речевого этикета (Н.И. Формановская, Л.А. Введенская, Т.С. Жукова, О.Н. Миронюк и др.). Однако возникновение различных форм виртуальной коммуникации заставляет по-новому взглянуть на известные языковые явления, в частности, на обращение.

Целью статьи является анализ обращений в новой сфере коммуникации – на интернет-форуме.

Объект изучения – обращения в неформальном общении участников игрового форума.

Предметом исследования стали семантические, функциональные и структурные характеристики обращений.

Под обращением понимают «слово или сочетание слов, называющее лицо (реже предмет), к которому адресована речь» [8, с. 227].

Как известно, межличностная коммуникация – это разностороннее, многофункциональное взаимодействие, которое включает в себя установление и поддержание контакта, обмен информацией, а также регулирование отношений между коммуникантами. Описанное взаимодействие строится на основании этикетных норм, связанных, в том числе, и с речевым этикетом.

И.А. Стернин под речевым этикетом понимает «совокупность правил речевого поведения людей, определяемых взаимоотношениями говорящих

и отражающих вежливые отношения между людьми» [9, с. 76].

По мнению Н.И. Формановской, наиболее обширной зоной этикетных речевых воздействий собеседников являются обращения, с помощью которых создаётся официальность или неофициальность общения, устанавливаются социальные и психологические роли коммуникантов, а также характер их личных взаимоотношений [10, с. 71]. Это означает, что при выборе обращения говорящий учитывает ряд факторов: официальность или неофициальность ситуации, степень знакомства с собеседником, отношения между коммуникантами, место и время взаимодействия. Кроме того, выбор средств адресации зависит от социального статуса собеседников, их возраста, пола, образования и культуры.

При всём многообразии исследований, посвящённых проблеме обращения, актуальным представляется вопрос об особенностях функционирования обращений в условиях виртуальной коммуникации. Источником фактического материала послужил игровой форум <http://dota2.ru/forum/> (проанализирована лента в 500 страниц, содержащая почти 600 обращений).

Форум является одним из жанров виртуального общения. По структуре он представляет собой множество виртуальных страниц, строго разграниченных по темам. Одной из специфических характеристик форума как площадки для коммуникации является, с одной стороны, установка на конкретного адресата, а с другой – открытость и доступность текста для любого участника форума, т. е. полиадресатность.

Среди языковых особенностей общения на форуме исследователи прежде всего называют достаточно высокую концентрацию сниженной лексики (разговорной, просторечной, жаргонной и обценной, нередко с частичной эвфемистической зашифровкой) и отступление от орфографических правил. Графическая форма некоторых слов приближена к звуковой и похожа на транскрипцию. Это явление рассматривают не только как результат действия закона экономии речевых усилий или проявление языковой игры, но и как отражение своеобразной негласной конвенции интернет-пользователей: вполне уместно писать так, как говоришь; это позитивно воспринимается интернет-сообществом. Для структуры предложений характерны прежде всего эллипсис и перестановка частей высказывания, что свойственно устному общению. Знаки препинания могут опускаться или приобретать семантический характер. В процессе виртуальной коммуникации встречаются лексические сокращения и усечения. Для компенсации невербальных и паравербальных факторов используется своеобразная пунктуация, которой передают интонацию и темп речи. Высота голоса, как правило, передаётся выделением текста заглавными буквами. В некоторых случаях прописными буквами может выделяться значимая для отправителя информация. Зрительная информация может замещаться вставкой символов [1, с. 89–91; 5, с. 101].

Исследуя особенности «бытия» текстов с адресацией в интернет-коммуникации (ИК), А.А. Шмаков отмечает особую роль обращения, «поскольку оно является тестовым элементом, ко-

торый не только аккумулирует в себе образы коммуникантов, но и замещает самих коммуникантов в процессе общения, так как в ИК не релевантны традиционные для устной и письменной коммуникации характеристики» [11, с. 15].

Анализируемая виртуальная коммуникация характеризуется дистантностью, анонимностью (в профилях пользователей содержится минимум информации, которая в основном касается возраста и пола), неформальностью и происходит без учёта таких факторов, как социальный статус, степень знакомства и др., в связи с чем на первый план выходят культурный уровень, гендерная принадлежность собеседников, место и время общения, определяющие выбор вербальных средств, в том числе и обращений.

Анализ фактического материала показал, что в качестве обращений выступают преимущественно имена существительные, реже – субстантивированные прилагательные или причастия различных тематических групп в прямом или переносном значении.

В то время как в реальной коммуникации преобладают именные и фамильные обращения [7], в интернет-общении обращения по имени или отчеству единичны: *Борян* (на сайте есть имя пользователя Борис): «**Борян** там вообще не понятно»; *Николаич* (обращение к пользователю с аватаром Игорь Николаев): «Здорова **Николаич**, ждем 28-ого!». Вместо имён коммуниканты изредка используют ник-неймы: *@Bishka*, а также *Бишка* (запись транслитерацией): «Начинаем ритуал призыва.... **@Bishka** прийди!; Здорова **Бишка!!**»; *@DaniCh*: «**@DaniCh** Ало ты где»; *мистер @LiGHt_Epic*: «*Туше, мистер @*

LiGHt_Epic !»; уважаемый никей (Никей – это ник-нейм пользователя): «здравствуйте **уважаемый никей**, можно мы сделаем ваш стремный сет на пугну золотым». Часто обращаются участники форума по имени только к одному из основателей компании-разработчика игры DOTA 2 Гейбу Logan Ньюэллу (англ. *Gabe Logan Newell*) в различных орфографических, фонетических и грамматических вариациях. Преобладают обращения *Габен* («**ГАБЕН**, дай открыть 1 сундук») и *Гейб* («**Гейб!** Ты плохой (((((«), единичными являются обращения *Хабен* («**ХАБЕН**, там сундуки завозят, или как?»), *габе* («13 сундуков 0 rare, спс **габе**»), *габэнчик* («**габэнчик** не томи»), *гейбен* («когда там мои сундуки, **гейбен?**»), *гей'Б* («спасибо **гей'Б** за рику»), *мистер Габен* («**Мистер Габен ?** У меня монитор потёк жиром, когда я обнову увидел»), *мистер Ньюэлл* («Пора, **мистер Ньюэлл**, пора»), *Габи* («Спасибо **Габи!**»), *габэн* («**Габэн**, ты лучший»), *габенчик* («спасибо **габенчик**»), *Гобэн* («Спасибо **Гобэн**»), *дядь Габен* («Ну где мой сундук, **дядь Габен**»), *Габенушка* («Пора **Габенушка**, пора!»), *габэнушка* («**габэнушка** давай сундуки... а то горит знатно!»), *Гейбуня* («Спасибо, **Гейбуня**»), *Гейбушка* («**Гейбушка** <...>, я уже покупаю билет в Сиэтл!!!»).

Изредка в качестве обращений игроки используют прецедентные имена: *Ватсон* («Просто **АРИГИНАЛЬНА ВАТСОН!!!**»), *Билли* («Где пруфы, **Билли?**»), *Ванги* (ненормативное множественное число от Ванга) («**Ванги**, так как думаете, в четверг подвезут сундуки?»), а также мемы или производные от мемов: *Карл* («В конце сезона **Карл**, это в сентябре что ли?»), *лолоша* (Ололоша – популяр-

ный персонаж комиксов в интернете, олицетворяет ребёнка; от слова *ололо*, обозначающего смех) («окей **лолоша**, а как ты объяснишь то что они писали»); *лолир*, *лолер* (от англ. *laughing out loud* – lol; одно из базовых сокращений среди игроков, интернет-мем, используется в сетевом общении главным образом для выражения смеха в письменной форме, вызванного или шуткой, или нелепостью; здесь: *лолеры* – те, кто играет и в доту, и в League Of Legends) («**Шаришь разницу, лолир?**»; «Ах, да, **лолеры**, спасибо за бета тест **вуконга**»); *олдфагушка* (здесь: *олдфаг* – опытный игрок в компьютерную игру) («мне нельзя рисковать с 99, но думаю ты понял, **олдфагушка**»); *омник* (Omniknight – это один из героев игры) («Досвидули **мистер омник**»); *смурфик* (придуманные маленькие, в три яблока ростом, существа с голубым цветом кожи, ставшие героями комиксов, мультсериалов, видеоигр, которые должны вести себя смурфно, т. е. всем помогать, быть добросердечными, честными и никогда не быть злыми) («рад за тебя, **смурфик**»).

В интернет-коммуникации исследуемого форума преобладают личные существительные – как литературные, так и нелитературные названия, исконные и заимствованные – различных тематических групп.

В связи с тем, что участники общаются в неофициальной ситуации при отсутствии социальных статусов и объединены в сообщество с общими интересами и проблемами, они становятся в нём «своими». Это отражается, прежде всего, в отсутствии Вы-обращений, а также в преобладании обращений в форме множественного числа, апеллирующие к групповому адресату как

средство солидаризации, уменьшения дистанции между игроками.

Наиболее употребительными являются обращения, указывающие на возраст и пол. Это разговорное обращение в усечённой форме *ребят* («Чё, **ребят**, когда третий сундук?»), его полная форма *ребята* («Удачи **ребята**, я все таки пойду спать»); жаргонизмы *ребзи*, *ребзя*, *рибзо* («**Ребзи**, знайте своего врага в лицо, налетай!»; «**Ребзя**, на работе сидел, купил бюджетной цене, но получается не активировал его»; «Чё по сундукам **рибзо**?»), а также уменьшительно-ласкательные обращения *ребятки*, *ребятюлечки* («Кстати **ребятки**, как думаете что быстрее залетит»; «Эй, **ребятюличики**, у кого уже есть 225+ лвл?»).

Любят игроки форума использовать в качестве обращения транслитерированное слово *гайз* / *гайс* – от англ. *Guys* – парни, ребята («**Гайз**, будем сегодня ночью ждать сундучков?»; «**Гайс** че за обнова там?»), обыгрывают буквальное прочтение вариантом *гуйс* («**Гуйс**, а до какого числа сбор призовых?») или используют русскую флексию («**Гайзы!** еще подвезли предикшны на квалы!»).

Синонимичным и часто используемым является также разговорный вокатив *парни* («**Парни**, думаю сегодня будут!»), реже употреблена форма единственного числа *парень* («Удачи тебе **парень!**»), единичными являются разговорная уменьшительная форма *парнишка* («Так что, **парнишка**...») и просторечное *паря* («**Паря**, а может подождём 3-й сундук...?»).

В сообществе единомышленников вполне уместны разговорные обращения с дружеским или фамильярным оттенком *брат*, *бро* – усечённое от

англ. *brother* («не, **брат**, ты не один»; «**Бро** счастье рядом»), просторечные обращения *братан*, *братишка*, *братва* («да тебе **братан** просто дец как повезло!))))»; «Держись **братишка!** Я с тобой»; «здарова **братва**, только сейчас подключился»), жаргонизм *браток* («**браток** можешь не верить госпади»), эмоционально окрашенные обращения *братик* («**Братик** подсыпь пару левелов») и *братство* – единение, основанное на общности интересов («Эх у меня уже 5 утра и я сдаюсь, соре **братство** до завтра»).

Употребительными являются обращения, указывающие на характер социальных отношений: разговорный дружеский или фамильярный вокатив *дружиче* («тут **дружиче** все относительно») и просторечные доброжелательные вокативы *друг*, *друзья* («**Друг**, сундук в понедельник!»; «Ура **друзья**, ура! Ждём!»). Зафиксировано также обращение *френд* – с англ. *friend* – друг («сэнк ю **май фрэнд**). В значении 'друг', 'парень' употребляются и жаргонные обращения *чувак*, *чуваки*, *чувачёк* («**Чувак**, об этом писали абсолютно все, говорили, что состав нулевой»; «**Чуваки** дайте перевод стежи на *Razora*»; «Гори, гори, следующий понедельник, **чувачёк**»), *кент* («**Кент** – у тебя проблемы соре...»).

Просторечным является обращение *пацаны* («Не, **пацаны**, сегодня тоже не ждем»), встречаются также его игровые фонетические варианты *почаны* («когда 3 сундук **почаны**?»), *поцаны* («продавайте **поцаны**...»). К молодёжному сленгу принадлежат обращения *чел*, *челики* – усечённое от «человек» («**чел**, остается только надеяться»)); «**Челики** еще какие-нибудь сокровищницы давать будут?»).

В игровом сообществе популярны также обращения, обозначающие общественную среду, группу людей: *народ, люди, форумчане* («**Народ**, нужна помощь!»; «**Люди!** Дота 2 тест обновил!»; «Здравствуй, **дорогие (нет) форумчане**»), а также этикетные обращения *господа, товарищи*, этикетная функция которых в условиях неформального общения нивелируется («Ваши предположения по поводу отката инвентаря, **господа?**»; «**Товарищи**, а кто будет после Вуконга?»).

Значительно реже в качестве обращений использованы такие названия, указывающие на возраст и пол, как дядя, дяди и усечённая форма дядь («Ты кто вообще **дядя**», «Алё, **дяди**, у вокера и так есть крутой **сет**, дорогу виспу!», «ссылочку **дядь**»), мальчик, мучача, с испанского мучачо – ‘мальчик’, бойс, с англ. boys ‘мальчики’, уничижительное *школота* – ‘школьник’ («Компенд ещё только выйдет, ало **мальчик**», «Браво **мучача**, а то я уже запыхтелся, твоя очередь», «Хоть что-то трейдбл, **бойс?**», «Не знаешь – не позорься, **школота**»), мужики («Да некст ночью выпустят **мужики**, но спать не идите»).

Изредка, показывая своё превосходство, участники в качестве обращений используют названия родства *сын, дети мои, детишки мои* («а ты что такой дерзкий **сын**!»; «Не сегодня, **дети мои...**»; «ХАЙП ХАЙП ХАЙП **детишки мои!!!**»).

Изредка обращениями служат метафорически употреблённые названия объектов фауны *жаба* («АЛЕ, **жаба**, ей нужно ульту резать, а не урон»), *зайки* («Да **зайки мои**, идите спать»), *воробушек* («**Воробушек**, я уже покупаю билет в Сизтл!!!»), неодушевлённого

объекта *солнышко* («Жди меня **солнышко**»).

Интересным представляется тот факт, что в основном обращения направлены на собеседников мужского пола, хотя среди участников форума встречаются и представительницы женского пола, что обозначено в личном профиле. Зафиксированы единичные формы ироничных вокативов *бабуль, мудмуазель, господа и дамы, братья и сестры* («**Бабуль** спать иди а?»; «Короче <...>, **мудмуазель**»; «ждем **господа и дамы**»; «**Братья и сестры**, помолимся сундучному богу и принесем ему жертвы»). Предполагаем, что во время общения пользователи не заглядывают в профили собеседников с целью узнать пол, а ник-неймы участниц чаще всего гендерно не маркированы: TopQop, LastWord и под.

Кроме обращений к собеседникам, зафиксированы также единичные обращения к автору темы форума («**автор**, темку бы уже переименовал, ждем ток 3 сундук и легионку») и модераторам («**Модеры**, плиз, не удаляйте, будьте же вы людьми. :()»), а также риторические обращения к конкретным объектам: *сундучули* («**Сундучули досвидули, досвидули дули**»), *июль* («Здравствуй **июль**, а где наш сезон бовых кубков, который должен был начаться в июне?»), *вальве* [Вальве – название фирмы – производителя игры] («Отлично, **спасибо** вам **вальве**»).

Т.С. Жукова отмечает, что «обращение является одним из важных маркеров социальной ситуации, статуса, социальной роли, межличностных отношений участников коммуникации» [2, с. 33]. Обращение является средством выражения отношения к собеседнику и инструментом воздействия

на него. У разных исследователей описано различное количество функций обращения, названия их тоже варьируются. Основными являются такие функции обращения: номинативная (называние адресата), вокативная, или апеллятивная (привлечение внимания), контактная, или фатическая (поддержание контакта), побудительная (призыв к участию в речи), этикетная, или социально-регулятивная (обозначение статуса участников коммуникации, характера их отношений), эмотивная (выражение эмоций адресанта), оценочно-характеризующая (квалификация адресата) [3, с. 9; 2, с. 49]. В речи обращение может выполнять несколько функций одновременно, при этом та или иная функция становится первичной, а остальные – вторичными [2, с. 44–52].

Так, в уже процитированном определении обращения подчёркнута его функция называния адресата. Одновременно с ней реализуется и функция привлечения внимания, усиливать которую могут императивные междометия: «**Эй народ!** Как думаете этой ночью выйдут лаклесс и тровы...?»; «Э, **пацаны**, вот сегодня 100% будет»; «**Хей, треажурное братство**, есть инфа по сундукам\компендиуму?»; «**Алло, гайз**, это шо за сундук?»; «открой инвентарь доты, ало дядя»; «Ало, ждем этой ночью сундучки, **го гайс!**» («го» происходит от англ. «go» и применяется в интернет-среде как призыв к действию).

Функция призыва к участию в общении поддерживается побудительной или вопросительной модальностью высказываний, содержащих обращения: «**Парни** скиньте скрин ветки на легу»; «держи нас в курсе, **бро**»; «**Народ**

порадуйтесь за меня!!!»; «**Ребят**, как открыть конкретный сундук?»; «Ты че квотишь меня, **мальчик?**»; «что за мины **чувак?**».

Маркером сопутствующей социально-регулятивной функции являются этикетные формулы обращений: «**Пора, мистер Ньюэлл, пора**»; «**Мистер Габен?** У меня монитор потёк жиром, когда я обнову увидел».

Свои эмоции игроки выражают различными средствами. Во-первых, графически – повторением в обращении буквы, обозначающей ударную гласную, для визуального подчёркивания эмотивности: «**Пацаныыыы**, защитил диплом на 5»; «**Чееел!** Это подгон от Габена!»; «**Братиииииш** я тоже этого очень жду»;

во-вторых, эмотивными междометиями, сопровождающими обращения: «**Ура ребята**, НА 28 сундуке инвокер + мирана + андаинг»; «**Ура друзья, ура!** Ждём!»; «**Хм, ребят**, а на картинке то был яви видный Бейн?!»; «**боже гейб** что мне нужно сделать чтобы мне рар вытало?»; «**Гайз! Хайп, хайп, хайп!**» (хайп с англ. Нуре; здесь переводится прежде всего как возбуждение); «**КАЕФ РЕБЗИ**, похоже начинается ХАЙП»;

в-третьих, графическим подчёркиванием эмотивности междометий при обращениях: «**аааа. парни** где инфа что выйдет»; «**АААААА.... Габен** спс типе, <...>, я счастлив»; «**Гайзы!** еще подвезли предикшыны на квалы! **урааа!**»; «**ахахаха. Гейб**, прекрати»;

в-четвёртых, повторением обращения или употреблением синонимичных обращений: «Как всегда проснулся в надежде выхода 3 сундука.... **эх габен габен**»; «**Господа, аналитики, миллионеры**, сколько будут стоить

3 сундуки на старте продаж?»; «Гейбушка Воробушек, я уже покупаю билет в Сизэгл!!!»; «Тужся Габен! Тужся родненький! Еще немного! Уже первая край сундучка виден! Давай!!! Тужся родимый!»;

в-пятых, суффиксами: -ишк- (парнишка, братишка, братишки, детишки); -ик- (челики, челик, братик); -чик- (мальчик, габенчик); -ушк- (олдфагушка, Габенушка, Гейбушка); -к- (ребятки, зайки); -ар- (сундучары, очередняра); -ок- (браток, чувачёк); -ищ- (дружище); -яг-, -яженьк- (работяги, работяженьки); -ун- (Гейбуня); -ушек- (Воробушек); -юличк- (ребятюлики); -ул- (сундучули).

Безусловно, эти средства не изолированы, их взаимодействие можно определить как взаимодополнение с преобладанием того или иного средства.

Проведённый анализ обращений подтверждает позицию А.А. Шмакова о том, что «коммуникативная специфика русскоязычных диалогических форматов ИК как среды бытия текста с обращением определяется установкой интернет-коммуникантов на неформальное общение, которая на текстовом уровне отражается в использовании формул обращений с характеризующей функцией» [11, с. 9]. В условиях виртуальной коммуникации оценочно-характеризующая функция обращений играет особую роль, т. к., с одной стороны, создаёт виртуальный образ собеседника, а с другой – выявляет уровень интеллекта и культуры адресанта.

Следует сказать, что оценочно-характеризующая функция апеллятивов строится главным образом на основе комментариев, оставленных собесед-

никами, что обусловлено ситуацией дистантного общения. Так формируется восприятие адресата и отношение к нему, поэтому такие обращения, как правило, маркированы стилистически.

Среди оценочно-характеризующих обращений, используемых игроками форума, можно выделить несколько тематических групп. К первой группе мы отнесли обращения, распространённые определениями, дающими общую положительную характеристику как конкретному адресату, так и всему сообществу: *уважаемый* («здравствуйте уважаемый никей»), *дорогой / дорогие* («Дорогой человек»)) Мне хватает текущих доходов», «Здравствуйте, дорогие (нет) форумчане. Опишу вам свои мысли по поводу нового героя», *добрый / добрые* («Спасибо, добрый человек», «Люди добрые ответе на вопрос»), *мил* («СПАСИБО ТЕБЕ мил человек за тему эту в этом году!!!»).

Вторую группу составляют обращения, которые характеризуют умственные способности адресата и часто приобретают дополнительные модальные оттенки призыва, просьбы, одобрения, иронии и проч., выраженные в пояснительных словах к обращениям или в контексте: *глупыш* («тесачок на зоне оценит твои фантазии, глупыш. ультраправый...»), *глупцы* («обновляйтесь глупцы»), *олдфаг* («Вообще-то я про концепцию и внешний вид, олдфаг недоделанный»), *олдфагушка* («мне нельзя рисковать с 99, но думаю ты понял, олдфагушка»), *аналитики* («что аналитики, когда нам ждать трувики и лакиваси?»), *знатоки* («скажите знатоки, после того как истекает би возможно будет выполнить стезю на легу?»), *гений* («стоили столько в прошлом году если че, гений»), *остряк*

(«**остряк**, ты видимо тот у кого нет 225-го»), умник («А ты не можешь открыть первую доту в редакторе карт, **умник**»).

В третью группу входят обращения с характеристикой поведения или психологических черт адресата: плаксы, ноющие о лол («**Плаксы ноющие о лоле**, не забывайте плз , что весь лол существует только благодаря доте»), разрушитель мечтаний («ээээ , **разрушитель мечтаний**, хватит тут опровергать наши слова»), абюзер [игрок, тактика которого даёт возможность получать «халявные» победы] («ой **абюзер мамкин**, уже сейчас на траксу иммо подорожала»), бандиты («**Бандиты**, выгодно ли покупать имотки и распылять на лвл»), боец («**Боец!** Отставить сопли! Взбодрись отвечаю к концу этого клипа»), неверующий («Изгинь **неверующий**»), терпила («Долго думал? гыы, **терпила**, чефируй давай отсюда»), клоун («При чём тут “мамкины предсказатели”, **клоун?**»), работяги («Сколько суток не спите, **работяги?**»), работяженьки («ну шо когда сундучки ждать **работяженьки?**»).

Обращения-характеристики четвёртой группы направлены в адрес всех участников форума. Коммуниканты проявляют изобретательность в придумывании оригинальных обращений, связанных с игрой ДОТА 2. В большинстве случаев апеллятивы этой группы содержат положительную оценку адресатов с элементом иронии: фанаты Пит Лорда («Простите **фанаты Пит Лорда**»), житель 1к мемер («здорова **житель 1к мемер**»), треажурное братство («Хей, **треажурное братство**, есть инфа по сундукам\компендиуму?»), сундучное

братство («Ждите дальше, **сундучное братство**»), сундучары («Чё притихли **сундучары**, ждёте окончания региквал 28-го?»), очередняра («Удачи, **очередняра**. Отлетел в игнор лист»), абюзер («ой **абюзер мамкин**, уже сейчас на траксу иммо подорожала»), богачи д2ру («Подгоните плиз на врку, **богачи д2ру**»), лорды дота2ру («**Лорды дота2ру**, скажите пожалуйста, за 4 бакса в сундуке имот трейдбл или нет?»), бизнесмены («ну что, **мамкины бизнесмены**, продали сундуки за 500 рублей?»), миллионеры («...**миллионеры**, сколько будут стоить 3 сундуки на старте продаж?»).

В отдельную подгруппу, на наш взгляд, можно объединить оценочно-характеризующие обращения-словосочетания, содержащие компонент мамкин: «а ты и не продаш, **мамкин бизнесмен**», «ну что, **мамкины бизнесмены**, продали сундуки за 500 рублей?», «Лол. Фонд будет больше 25 лямов. Скриньте, **аналитики мамкины**», «ой **абюзер мамкин**, уже сейчас на траксу иммо подорожала».

По справедливому замечанию А.А. Мадаени и А. Гюдрати, «каждый говорящий каждый раз не создаёт новую словесную форму для называния адресата, а в зависимости от своей грамотности и ситуации общения воспользуется одной из возможных форм обращения» [6, с. 241]. Обращения с компонентом мамкин можно назвать «визитной карточкой» игроков ДОТА. Это значит, что потенциально арсенал апеллятивов остаётся открытым, позволяя игрокам творчески подходить к выбору обращения.

Пятую группу составляют обращения, содержащие характеристику внешности создателя игры (инфор-

мация и фото о нём размещены, в частности, в Википедии). Они имеют негативную и даже агрессивную коннотацию: *урод* («**габен** *готовь карман, завтра буду выбивать иновкера, урод!!*»), *жирдяй* («**деньги ЖИРДЯЙ** *это уже не пиксели за такое можно отхватить урод*»), *толстый* («**3 треш сета, спасибо толстый...** *я не сомневался*»). Понятно, что в этих случаях адресант реализует намерение обидеть или унижить оппонента, возвысив собственную персону.

Как видно из примеров, в интернет-коммуникации преобладают нераспространённые обращения. Для большего привлечения внимания и усиления оценки игроки изредка используют и характеризующие определения.

В основном обращения находятся в начальной позиции. По мнению исследователей, это создаёт необходимые условия для успешного осуществления намерений адресанта, «задаёт тон всему процессу коммуникации» [4, с. 83].

Таким образом, исследование позволяет сделать вывод о том, что в условиях неформальной виртуальной коммуникации выбор обращения имеет свою специфику. Отсутствие таких важных факторов, как социальный статус, степень знакомства и др., выводит на первый план культурный

уровень, гендерную принадлежность собеседников, место и время общения. Незнание имени адресата заставляет коммуникантов искать иные средства адресации. Мы установили, что виртуальные имена, ник-неймы, служащие способом самоидентификации для форумчан, в качестве обращений употребляются крайне редко. Чаще всего обращениями служат разговорные слова с дружеским или фамильярным оттенком *ребята* (*ребят, ребятки*), *народ*, транслитерированное слово *гайз* (*гайс*), обозначающие группу / сообщество и одновременно являющиеся идентификаторами участников в системе «своих». Характерно, что гендерно маркированные обращения типа *парни* (*парень*), *братан* (*бро, брат*), *дружиче*, *друг*, *чувак* и т. п. используются без учёта того, что в обсуждениях принимают участие и представительницы женского пола. В ходе работы мы выяснили, что обращения не только называют адресата, но и привлекают его внимание, призывают к участию в общении, обозначают его статус и содержат оценку, а также выражают различные эмоции адресанта. Преобладают нераспространённые обращения, занимающие начальную позицию.

Перспективным представляется дальнейшее изучение обращений с позиций гендерной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкова Е.А. Интернет-коммуникация как средство межкультурного общения: жанровые и языковые особенности // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 6. С. 75–98.
2. Жукова Т.С. Обращения в регламентированных сферах общения: становление новой нормы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 30 с.
3. Кожухова Л.В. Речевой акт обращения // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 48. С. 80–85.
4. Кожухова Л.В. Обращение как индикатор характера социальных и межличностных отношений: структурно-семантический и функциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2009. 22 с.

5. Колокольцева Т.Н. Интернет-жанры // Жанры речи. 2016. № 2. С. 96–104.
6. Мадаени А.А., Годратти А. Культурно-речевой фактор «обращение» как неотъемлемая часть деловых коммуникаций в русском и персидском языках // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 7–1. С. 241–243.
7. Морозова И.Б. Назови же меня по имени: антропонимы, прямое обращение и гештальт-анализ [Электронный ресурс] // Записки з ономастики. 2015. Вип. 18. С. 520–534. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/zzo_2015_18_52. (дата обращения: 28.02.2018).
8. Розенталь Д.Э. и Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1976. 544 с.
9. Стернин И.А. Коммуникативное поведение и межнациональная коммуникация // Этнопсихологические аспекты преподавания иностранного языка. М.: Московская медицинская академия имени И.М. Сеченова, 1996. С. 75–81.
10. Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет. М., 2005. 250 с.
11. Шмаков А.А. Бытие текста с обращением в интернет-коммуникации (на материале русскоязычных блогов и форумов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2014. 24 с.

REFERENCES

1. Biryukova E.A. [Internet communication as a means of intercultural communication: genre and language features]. In: *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 2014, no. 6, pp. 75–98.
2. Zhukova T.S. *Obrashcheniya v reglamentirovannykh sferakh obshcheniya: stanovlenie novoy normy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Treatment in the regulated spheres of communication: the emergence of new norms: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2015. 30 p.
3. Kozhukhova L.V. [Speech act of address]. In: *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Stavropol State University], 2007, no. 48, pp. 80–85.
4. Kozhukhova L.V. *Obrashchenie kak indikator kharaktera sotsial'nykh i mezhluchnostnykh otnoshenii: strukturno-semanticheskie i funktsional'nye aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Address as an indicator of the nature of social and interpersonal relations: structural-semantic and functional aspects: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Stavropol, 2009. 22 p.
5. Kolokol'tseva T.N. [Internet genres]. In: *Zhanry rechi* [Genres of speech], 2016, no. 2, pp. 96–104.
6. Madaeni A.A., Godratti A. [The cultural-linguistic factor “address” as an integral part of business communications in Russian and Persian]. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of the humanities and natural sciences], 2016, no. 7-1, pp. 241–243.
7. Morozova I.B. [Call me by name: anthroponyms, direct address and Gestalt analysis]. In: *Zapiski z onomastiki* [Notes from onomastics], 2015, iss. 18, pp. 520–534. Available at: http://nbuv.gov.ua/UJRN/zzo_2015_18_52. (accessed: 28.02.2018).
8. Rozental' D.E., Telenkova M.A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. Posobie dlya uchitelei* [Dictionary of linguistic terms. A Handbook for teachers]. Moscow, 1976. 544 p.
9. Sternin I.A. [Communicative behavior and international communication]. In: *Etnopsikhologicheskie aspekty prepodavaniya inostrannogo yazyka* [Ethnopsychological aspects of teaching a foreign language]. Moscow, Moscow Medical Academy named after I.M. Sechenov, 1996. pp. 75–81.
10. Formanovskaya N.I. *Kul'tura obshcheniya i rechevoi etiket* [The culture of communication and speech etiquette]. Moscow, 2005. 250 p.

11. Shmakov A.A. *Bytie teksta s obrashcheniem v internet-kommuniatsii (na materiale russkoyazychnykh blogov i forumov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The existence of the text with an appeal to Internet communication (on the material of Russian-language blogs and forums): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Omsk, 2014. 24 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ачилова Елена Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского;
e-mail: elena-achilova@yandex.ru.

Ачилова Вера Павловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры украинской филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского;
e-mail: achilovavp@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena L. Achilova – PhD in Philological Sciences, assistant professor at the Department of Interlingual Communications and Journalism, Taurida Academy (Academic Unit) of Vernadsky Crimean Federal University;
e-mail: elena-achilova@yandex.ru.

Vera P. Achilova – PhD in Philological Sciences, assistant professor at the Department of Ukrainian Philology, Taurida Academy (Academic Unit) of Vernadsky Crimean Federal University;
e-mail: achilovavp@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ачилова Е.Л., Ачилова В.П. Особенности функционирования обращений в виртуальной игровой коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 17–28
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-17-28

FOR CITATION

Achilova E.L., Achilova V.P. Features of functioning of addresses in virtual gaming communication. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 17–28
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-17-28

УДК 81'42: 811.161.1 (075.8)

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-29-37

ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ КОНЦЕПТА «РОДИНА» СРЕДСТВАМИ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА В УЧЕБНОМ ИЗДАНИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Бринюк Е.В

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125468, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению специфики функционирования креолизированных текстов, с помощью которых раскрывается содержание концепта «РОДИНА» в учебных изданиях по русскому языку как иностранному. Проанализирована роль вербальных и невербальных элементов креолизации как средства предъявления данного концепта обучающимся. Разработана классификация тематических блоков, отражающих содержание концепта «РОДИНА» в пространстве учебника по РКИ. Сделана попытка систематизировать основные лексические единицы, составляющие данный концепт. Используются следующие методы исследования: методы подсчёта, анализа, синтеза, наблюдения, сравнительно-сопоставительный метод.

Ключевые слова: креолизированный текст, концепт, родина, русский язык как иностранный, вербальные и невербальные элементы креолизации.

FEATURES OF REVEALING OF THE CONCEPT “HOMELAND” BY MEANS OF THE CREOLISED TEXT IN THE EDUCATIONAL EDITION ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

E. Brinyuk

Moscow Region State University

10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation

Financial University under the Government of the Russian Federation

49, Leningradsky prospect, Moscow, 125468, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the specifics of the functioning of creolized texts, with the help of which the content of the concept “HOMELAND” is revealed in educational publications on Russian as a foreign language. The role of verbal and non-verbal elements of creolization as a means of presenting this concept to students is analyzed. The classification of thematic blocks reflecting the content of the “HOMELAND” concept in the space of the Russian language textbook as a foreign language has been developed. An attempt has been made to systematize the basic lexical units that make up this concept. The methods: method of calculation, analysis, synthesis, observation, comparative method.

© СС ВУ Бринюк Е.В., 2018.

Key words: creolised text, concept, homeland, Russian as foreign language, verbal and nonverbal elements of a kreolization.

В современной лингвистике большое внимание уделяется проблеме формирования межкультурной коммуникации, а также взаимодействию языка и культуры. Это связано с развитием международных отношений России с другими государствами. Возрастает интерес иностранных граждан к изучению русского языка и получению высшего образования в нашей стране.

Основной задачей в процессе обучения РКИ становится не только усвоение грамматической структуры языка, но и знакомство с культурой, традициями, обычаями, менталитетом, особенностями вербального и невербального поведения народа-носителя. Решая данную задачу, современные учебники по русскому языку как иностранному должны содержать лингвокультурную, лингвострановедческую и социокультурную информацию о России для эффективного вовлечения иностранцев в процесс межкультурной коммуникации. Следовательно, возникает потребность в полноценном анализе лингвистического материала, предъявляемого в учебном издании по РКИ, с целью выявления особенностей раскрытия концепта «РОДИНА», усвоение содержания которого должно помочь иностранному обучающему понять, что значит для носителей русского языка чувство родного, родины (малой и большой), возможно, и сравнить с имеющимися в их менталитете.

Изучению природы различных концептов в лингвистике посвящены работы Н.Д. Арутюновой [6], В.И. Карасика [13], В.В. Леденёвой [14], Д.С. Лихачёва

[15], В.А. Масловой [17], Ю.С. Степанова [20], В.Н. Телия [21] и др.

В настоящее время интерес к рассмотрению данной области продолжает расти. Это связано, прежде всего, с тем, что любой концепт является составляющим элементом национальной картины мира, единицей концептосферы, массового сознания, сформированного культурной средой определённого времени, отражает мировоззрение и мировосприятие того или иного народа.

Так, по мнению Ю.С. Степанова, концепт представляет собой «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека ... то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё ... тот “пучок” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово» [20, с. 43].

В современных лингвистических исследованиях, основанных на изучении не только произведений художественной литературы, но и учебных изданий, а также текстов средств массовой информации, отмечаем возрастание интереса к концепту «РОДИНА» «в силу его этнической маркированности и востребованности для формирования гражданственности и новой национальной идеи» [11, с. 6].

На основе анализа словарных статей с вводящим (заголовочным) словом *родина* выделим ядро данного концепта, не пренебрегая историческими девиациями. Сравнение показало следующее. Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля

слово *родина* отождествляется с родной землёй, местом рождения человека: «Родина – родимая земля, чьё место рождения; в обширном значении – земля, государство, где кто родился; в тесном – город, деревня» [12, с. 11]. Как отмечается в этимологическом словаре русского языка М. Фасмера, это значение встречается впервые в XVIII в. в творчестве Г.Р. Державина.

На современном этапе, по-нашему мнению, актуальными являются следующие толкования: «Родина – 1. Страна, в которой человек родился и гражданином которой является; 2. Место происхождения кого-, чего-л., возникновения чего-л.» [8, с. 1125] и «Родина – 1) Место, страна, где человек родился; где впервые сложился, возник этнос. 2) Место возникновения, открытия или изобретения чего-либо» [18].

Для изучающего русский язык важно, что по происхождению слово *родина* является общеславянским, но в каждом из родственных языков получило специфическую семантизацию. В русском языке родина – это «отечество», в словацком, чешском и украинском – «семья», в болгарском – «родина, место рождения», а сербохорватском – «обилие плодов» [22, с. 491].

Концепт «РОДИНА» в русском языке вербализуют члены тематических групп и синонимических рядов, включающих фразеологизмы, коллокации, и все репрезентанты обладают общностью гиперсемы: *родная страна, отечество, отчизна, отчий край, край отцов, родная сторона, родные палестины, место возникновения чего-либо, колыбель* [10, с. 331], см. также антоним – *чужбина* [10, с. 489]. Таким образом, возникает оппозиция *свой (родная страна, родные края и т. д.) –*

чужой (чужая страна, чужие края и т. д.).

Следует отметить, безусловно, разные способы и средства репрезентации концепта «РОДИНА» в зависимости от характера аудитории, ориентированности дискурса, типа издания, в котором они используются. Так, в политическом дискурсе «визуальная репрезентация концепта «Родина» всегда несёт в себе значительную долю экспрессии» [7, с. 42]. Обращение к понятиям, связанным в русском сознании с родиной (например, в рекламе) применяется для определённого воздействия на адресата. А вот в учебниках по литературе для школьников понятие «родина» рассматривается «как непререкаемая ценность, нравственный идеал» [11, с. 5], который обеспечивает формирование ценностных ориентиров и моральных устоев обучающихся.

Иная репрезентация концепта «РОДИНА» в учебных изданиях по русскому языку как иностранному. Это связано со спецификой цели современных учебников: познакомить, служа дидактическим средством, студента-иностранца с культурой, традициями и особенностями страны изучаемого языка. Для выявления особенностей раскрытия концепта «РОДИНА» в учебных изданиях по РКИ мы обратились к анализу дидактического материала учебников В.Е. Антоновой [и др.] «Дорога в Россию» и Е.М. Марковой «Говорим, читаем и пишем по-русски».

Основной составляющей дидактического материала любого учебника по русскому языку как иностранному являются креолизированные тексты [9], «фактура которых состоит из двух

негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [19, с. 180].

Данный тип текста способен доносить до адресата необходимую информацию с определённым коммуникативным эффектом. Дело в том, что присутствие наглядного образа в пространстве любого учебного издания оптимизирует восприятие всего текста. Кроме того, по мнению Е.Е. Анисимовой, «иконические средства наряду с вербальными воспроизводят картину мира, шкалу ценностей, эстетические идеалы нации» [1, с. 93], с чем нельзя не согласиться. Следовательно, посредством невербальных элементов креолизации студент-иностранец знакомится с духовной и материальной культурой страны изучаемого языка, в сопоставлении со своей национальной картиной мира, в рамках диалога культур, что является основой для формирования межкультурной коммуникации в процессе обучения РКИ.

Проведя анализ дидактического материала указанных изданий, мы пришли к выводу, что концепт «РОДИНА» в учебниках «Дорога в Россию» [2–5] и «Говорим, читаем и пишем по-русски» [16] раскрывается средствами креолизованного текста и представлен следующими тематическими блоками:

1. Известные люди. Группа креолизованных текстов с данной тематикой связана с изучением биографии выдающихся деятелей культуры и науки России. В учебных изданиях представлены тексты для чтения, рассказывающие о жизни М.В. Ломоносова, А.П. Чехова, Д.И. Менделеева и др. В качестве иконического компонента

выступают портреты известных людей, фотографии знаковых для них мест в России, а также иллюстрации к известным произведениям литературы (например, в вербальный текст о жизни и творчестве П.П. Бажова вводятся изображения природы Урала, портрет русского писателя и картинки к сказке «Каменный цветок») [2–5].

2. Традиции и праздники. Креолизованные тексты этой тематической группы знакомят иностранцев с обычаями и устоями России. Данные блок раскрывает обучающимся особенности менталитета и образ жизни русского народа. Он представлен вербальным компонентом, а именно текстами для чтения: «С Новым годом! С новым счастьем», «Без блинов – не Масленица», «Праздник всех праздников» [2–5], «В гостях у русских», «Праздники в России» [16] и др. и иконическим, дополняющим содержание основного, вербального, компонента.

3. Достопримечательности. В тематическую группу входят вербальные и невербальные элементы креолизации, основной целью которых, по нашему мнению, является описание культурно-исторических памятников России. Для достижения данной цели в пространство учебного издания включаются тексты, посвящённые достопримечательностям городов нашей страны (Москвы, Волгограда, Казани, Костромы, Ярославля) [2–5]. Иконические компоненты, иллюстрирующие объекты культурного наследия России, сопровождают содержание вербального текста.

4. Природа и география. К данной группе относятся креолизованные тексты, которые знакомят иностранцев с особенностями климата, геогра-

фическим положением, природными ресурсами нашей страны. Невербальные элементы, такие как иллюстрации и фотографии, визуализируют информацию, которая передаётся вербальным компонентом креолизации (например, тексты для чтения «Природа России», «Климат России», «Чудо природы» и др.) [2–5].

5. История и современность. В данный тематический блок можно отнести, по-нашему мнению, вербальные и невербальные элементы креолизации, описывающие исторические факты и современное состояние России. Такую функцию выполняют тексты для чтения «Население России. Языки», «Из истории России», «Москва. Красная площадь» и др. [2–5].

Таким образом, в учебниках по РКИ концепт «РОДИНА» представлен в большинстве случаев креолизованными текстами с частичной креолизацией, где главным компонентом выступает вербальный текст, который дополняется, комментируется невербальным рядом.

Следует отметить, что в проанализированных нами учебных изданиях при раскрытии концепта «РОДИНА» происходит его «отождествление» прежде всего с Россией. В пространство учебников включаются задания для иностранцев, направленные на конструирование собственного монологического высказывания о своей родине (например, темы «Моя страна», «Мой родной город», «Праздники в моей стране»). Однако существует проблема, связанная с отсутствием в данных учебных изданиях должного количества лексем, помогающих обучающимся на русском языке допол-

нить содержание концепта «РОДИНА».

В связи с этим, по-нашему мнению, возникает необходимость использования в основных учебниках по русскому языку как иностранному креолизованных текстов, отражающих реалии стран иностранных обучающихся для полноценного межкультурного общения. Так, лексические единицы, раскрывающие содержание концепта «РОДИНА», целесообразно организовать как следующие группы:

1) географическое положение и административно-территориальное деление: *степь, аймак* (Монголия), *вулкан* (Япония), *пустыня* (Алжир), *водопад* (Венесуэла) и др.;

2) традиции и праздники: *карнавал* (Бразилия), *венецианские маски* (Италия), *китайские фонарики, велорикши* (Китай), *юрта, кочевники* (Монголия) и др.;

3) национальные виды спорта: *стрельба из лука, конные скачки* (Монголия), *сумо* (Япония), *капоэйра* (Бразилия), *кун-фу* (Китай) и др.;

4) достопримечательности: *Эйфелева башня* (Франция), *Великая китайская стена* (Китай), *Пизанская башня, Колизей* (Италия), *пирамида, сфинкс* (Египет) и др.;

5) кухня: *кумыс* (Монголия), *суши* (Япония), *паста* (Италия), *пахлава* (Турция) и др.;

6) животный и растительный мир: *сакура, бамбук* (Япония), *лошадь Пржевальского, сайгак* (Монголия), *панда, нарцисс* (Китай), *кенгуру* (Австралия), *слон* (Таиланд), *киви* (Новая Зеландия), *тюльпан* (Нидерланды), *оливковое дерево* (Греция), *лотос, верблюд, пальма* (Египет) и др.

В проанализированных нами учебниках содержится большое количество креолизованных текстов, посвящённых культуре, географическому положению, достопримечательностям и известным людям нашей страны. Это отражает специфику учебных изданий по РКИ, а именно решение задачи познакомить обучающихся с менталитетом, традициями, образом жизни русского народа и создать позитивное

отношение иностранцев к России. Однако считаем необходимым, включать в учебники и учебные пособия по русскому языку как иностранному креолизованные тексты, отражающие содержание концепта «РОДИНА» в ментальных представлениях студентов разных стран мира, добиться эффективного формирования межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Academia, 2003. 128 с.
2. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (элементарный уровень). 14-е изд. СПб.: Златоуст, 2016. 344 с.
3. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень). 11-е изд. М.: Центр международного образования МГУ имени М.В. Ломоносова; СПб.: Златоуст, 2017. 256 с.
4. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень): в 2 т. 9-е изд. СПб.: Златоуст, 2016. Т. I. 200 с.
5. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень): в 2 т. 7-е изд. СПб.: Златоуст, 2017. Т. II. 184 с.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
7. Архипова Ю.В. Визуальная репрезентация концепта «РОДИНА» в российском политическом дискурсе // Вестник Гуманитарного университета. 2015. № 3. С. 40–45.
8. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
9. Бринюк Е.В. Креолизация как средство раскрытия концепта «природа» (на материале учебника по русскому языку как иностранному) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 8–15.
10. Гаврилова А.С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50 000 слов. М.: Аделант, 2013. 800 с.
11. Гимаев Я.А. Актуализация концепта РОДИНА в школьных учебниках по литературе и в массовом сознании учащихся: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 19 с.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Терра, 1998. Т. 4. 864 с.
13. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сборник научных трудов. Волгоград–Архангельск: Перемена, 1996. 259 с.
14. Леденёва В.В. К характеристике концепта «ЗЕМЛЯ» в текстах М.Ю. Лермонтова // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова / ред. кол.: П.А. Лекант (отв. ред.), Н.Б. Самсонов (зам. отв. ред.), Н.А. Герасименко [и др.]. М.: ИИУ МГОУ, 2014. С. 145–148.
15. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия: литература и язык. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.

16. Маркова Е.М. Говорим, читаем и пишем по-русски (русский язык на курсах) (продвинутый уровень): учебное пособие. М.: ООО «Диона», 2014. 136 с.
17. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. 296 с.
18. Современный толковый словарь. Издательство «Большая советская энциклопедия», 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.baldator.ru/dictionary/modernbse> (дата обращения: 12.02.18).
19. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизированные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.
20. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
21. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 173 с.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.

REFERENCES

1. Anisimova E.E. *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Text linguistics and intercultural communication (on the material of creolized texts)]. Moscow, Academia Publ., 2003. 128 p.
2. Antonova V.E., Nakhabina M.M., Safronova M.V., Tolstykh A.A. *Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (elementarnyi uroven')* [Road to Russia: Russian language textbook (elementary level)]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2016. 344 p.
3. Antonova V.E., Nakhabina M.M., Tolstykh A.A. *Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (bazovyi uroven')* [Road to Russia: Russian language textbook (basic level)]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Center for International Education; St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2017. 256 p.
4. Antonova V.E., Nakhabina M.M., Tolstykh A.A. *Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (pervyi uroven')* [Road to Russia: Russian language textbook (first level)]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2016. Vol. I. 200 p.
5. Antonova V.E., Nakhabina M.M., Tolstykh A.A. *Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (pervyi uroven')* [Road to Russia: Russian language textbook (first level)]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2017. Vol. II. 184 p.
6. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [The language and the human world]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 896 p.
7. Arkhipova Yu.V. [Visual representation of the concept “MOTHERLAND” in Russian political discourse]. In: *Vestnik Gumanitarnogo universiteta* [The Review of Liberal Arts University], 2015, no. 3, pp. 40–45.
8. Kuznetsov S.A., chief ed., comp. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The big explanatory dictionary of Russian]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
9. Brinyuk E.V. [Creolization as a means of disclosure of the concept “nature” in the textbook on Russian as a foreign language]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2017, no. 5, pp. 8–15.
10. Gavrilova A.S. *Slovar' sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazyka. 50 000 slov* [Dictionary of synonyms and antonyms of the modern Russian language. 50,000 words]. Moscow, Adelant Publ., 2013. 800 p.

11. Gimaev Ya.A. *Aktualizatsiya kontsepta RODINA v shkol'nykh uchebnikakh po literature i v massovom soznanii uchashchikhsya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Actualization of the concept of HOMELAND in the school literature textbooks and in the mass consciousness of students: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2010. 19 p.
12. Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Moscow: Terra Publ., 1998. Vol. 4. 864 p.
13. Karasik V.I. [Cultural dominants in language]. In: *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty: sbornik nauchnykh trudov* [Language personality: cultural concepts: a collection of scientific papers]. Volgograd–Arkhangelsk, Peremena Publ., 1996. 259 p.
14. Ledeneva V.V. [Description of concept “EARTH” in the texts of M. Lermontov]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu so dnya rozhdeniya M.Yu. Lermontova* [Rational and emotional in Russian language: proceedings of the International scientific conference devoted to the 200 anniversary from the birthday of M. Lermontov]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2014. pp. 145–148.
15. Likhachev D.S. [The conceptsphere of the Russian language]. In: *Izvestiya RAN. Seriya: literatura i yazyk* [Izvestiya, Literature and Language Series], 1993, Vol. 52, no. 1, pp. 3–9.
16. Markova E.M. *Govorim, chitaem i pishem po-russki (russkii yazyk na kursakh) (prodvinutyi uroven')* [Speak, read and write in Russian (Russian language courses) (advanced level)]. Moscow, Diona Publ., 2014. 136 p.
17. Maslova V.A. *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2007. 296 p.
18. *Sovremennyi tolkovyi slovar'* [Modern explanatory dictionary]. Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1998. Available at: <http://www.baldatop.ru/dictionary/modernbse> (accessed: 12.02.18).
19. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. [Creolized texts and their communicative function]. In: *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Optimization of speech influence]. Moscow, Nauka Publ., 1990. pp. 180–186.
20. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. 824 p.
21. Teliya V.N. *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinit* [Connotative aspect of semantics of nominative units]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 173 p.
22. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1987. Vol. 3. 832 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бринюк Елена Витальевна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; преподаватель Департамента языковой подготовки, секции «Русский язык» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: EVBrinyuk@fa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Brinyuk – postgraduate student at the Department of the modern Russian language, Moscow Region State University; the teacher of Department of language

training, section “Russian language”, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: EVBrinyuk@fa.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бринюк Е.В. Особенности раскрытия концепта «РОДИНА» средствами креолизованного текста в учебном издании по русскому языку как иностранному // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 29–37
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-29-37

FOR CITATION

Brinyuk E.V. Features of revealing of the concept “homeland” by means of the creolised text in the educational edition on Russian as a foreign language. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 29–37
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-29-37

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-38-48

СИМВОЛИКА ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ Н.А. НЕКРАСОВА И А.А. АХМАТОВОЙ

Григорьева О.Н., Кадыоглу Э.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д.1, стр. 51, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается употребление слов с семантическими компонентами 'память' и 'забвение' в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой. Авторами обосновывается идея о том, что в любом художественном тексте реализуется общий эстетический принцип памяти, связанный с сохранением опыта, накопленного мировой культурой. Исследование показало, что в поэзии Некрасова и Ахматовой есть много общих символов памяти и забвения, которые позволяют понять глубинный смысл их произведений. Такими, например, являются образы брошенного цветка и уничтоженного письма как символы забвения. Однако в индивидуально-образной системе каждого автора отражается его личный опыт и особенности стиля. Выявленные в статье метафорические модели памяти могут послужить основой для дальнейших исследований поэтических текстов.

Ключевые слова: поэтический язык, символ, метафора, ассоциации, мотив.

MEMORY AND OBLIVION SYMBOLS IN POETIC LANGUAGE OF N. NEKRASOV AND A. AKHMATOVA

O. Grigorieva, E. Kadioglu

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the use of words with semantic components "memory" and "oblivion" in the poetic language of N. Nekrasov and A. Akhmatova. The authors support the idea that any fiction text realized the general aesthetic memory principle that connects with the preservation of the world experience accumulated by culture. The study showed that there are a lot of common memory and oblivion symbols in Nekrasov's and Akhmatova's poetry that allow to understand the deeper meaning of their works. Such as, for example, images of abandoned flower and destroyed letter are oblivion symbols. However, in individually-shaped system each author reflects his or her personal experience and speciality in style. Metaphorical memory patterns that were identified in the article can serve as a basis for further studies of poetic texts.

Key words: poetic language, symbol, metaphor, associations, motif.

Представление о памяти или её утрате выражается в русском языке в ряде устойчивых образов, которые запечатлены во многих фразеологизмах: *выско-*

читать из головы, стереться из памяти, дырявая голова, провал в памяти, быльём поросло, завязать узелок, зарубить на носу, всплыть в памяти, погрузиться в воспоминания, поток воспоминаний, оставить след, отпечататься, груз воспоминаний и др. О.Г. Ревзина называет память особым информационным устройством, в котором используются различные знаки [11, с. 12]. Если означаемое и означающее находятся в отношении сходства, то мы имеем дело с иконическими знаками. Одним из примеров такого воспоминания является образ. Если связь между означающим и означаемым основана на смежности, следует говорить об индексальных знаках. Это происходит в тех случаях, когда какое-либо ощущение (зрительное, слуховое, тактильное и др.), эмоция, деталь воспринимаются человеком как обозначение целого. Когда означающее и означаемое связаны между собой условно, по договорённости, возникают конвенциональные, или символические, знаки. Примерами могут служить крест на могиле, памятная доска, зарубки на дереве, узелки на память, старые письма.

Е.С. Кубрякова отмечает, что слово *память* особо выделяется среди слов, которые связаны с духовной жизнью человека, и является одним из ключевых слов в русской поэзии [6, с. 86]. На важную роль метафоры памяти в русской поэзии обращает внимание Е.В. Купчик в своей статье, посвящённой метафоре памяти в русской поэзии. Автор пишет, что память является традиционным мотивом в поэтических текстах, участвует в создании многих метафорических моделей, которые представлены в словарях

языка русской поэзии [7, с. 154]. Источником создания сложных символических образов в поэтических текстах являются традиционные метафоры (память-вместилище, память-след, память-вода, память-надпись и, с другой стороны, забвение-могила, забвение-пыль, забвение-травы, забвение-руины), причём каждый из авторов отдаёт предпочтение каким-то определённым мотивам. В поэтическом языке реализуется общий эстетический принцип памяти, связанный с сохранением опыта, накопленного мировой культурой. Как пишет Ю.М. Лотман, «культурная память ... сохраняет прошедшее как пребывающее» [8, с. 674]. Как указывает Брагина Н.Г. в книге «Память в языке и культуре», человек видит что-то, что отсылает его к образу, который хранится в памяти. Происходит превращение вещи в памятную вещь. *Памятная вещь* всё время вызывает воспоминания о ком-нибудь или о чём-нибудь [4, с. 249].

Поэзию Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой сближают особенное внимание к теме памяти и характер связанных с этой темой образных ассоциаций. Косвенным подтверждением этой близости могут служить и некоторые биографические детали. Когда Анна Ахматова отвечала на вопросы в анкете, предложенной К.И. Чуковским в 1920 г., она написала, что первым из поэтов, с творчеством которого она познакомилась и чьи стихи полюбила, был Некрасов [12, с. 347]. Целью нашего исследования было выявить тематические связи и образные пересечения в лирике Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой.

Характерными метафорами воспоминания выступают в лирике обо-

их поэтов рисунок и надпись. В ряду других у Н.А. Некрасова особо выделяется стихотворение «Я посетил твоё кладбище ...» (1856), в котором глагол *рисоваться* означает «вспоминаться». Следует обратить внимание на глагол *забыться*, который соотносится с пробуждением в душе лирического героя воспоминания. В значении этого глагола заложена, на наш взгляд, парадоксальная мысль: чтобы вспомнить кого-то, нужно забыть себя.

И образ твой светлей и чище

Рисуется душе моей

<...>

Забудусь, ты передо мною

Стоишь – жива и молода ... [10, т. 2, с. 32]

В нескольких произведениях Н.А. Некрасов использует метафору *скрижали памяти*:

Я в лицо тебе гляжу

И на памяти скрижали

Образ твой перевозжу («Слеза разлуки», 1840 [10, т. 1, с. 340]).

Скрижали – каменные доски с написанными на них десятью божественными заповедями (по библейскому сказанию). В переносном значении – «то, в чём или где сохраняются, отмечаются важнейшие установления, сведения о памятных событиях» [2]. Ср. *скрижали истории*.

Образ *скрижали*, наряду с не менее символическими образами *буквы* и *саркофага*, встречаются также в стихотворении Н.А. Некрасова «Колизей» (1839):

Угрюмое зданье! века пробежали,

Пока к разрушенью ты сделало шаг;

Ты крупная буква на тёмной скрижали

Прошедших столетий; ты им саркофаг [10, т. 1, с. 202].

Концептуальные метафоры памяти в их статическом и динамическом аспектах рассматривает Л.М. Бондарева. Автор выявляет некую метафорическую цепочку, которая ведёт от восковой таблички к письму, и далее через метафору библиотеки подводит к метафоре книги [3, с. 72].

Памятная надпись становится темой и содержанием нескольких стихотворений Анны Ахматовой, в которых слово *надпись* обозначено в самом названии. Это «Надпись на неоконченном портрете» (1911): *О, не вздыхайте обо мне, Печаль преступна и напрасна* [1, т. 1, с. 58]; «Надпись на книге “Подорожник” (1941)»: *Из той далёкой и чужой весны / Мне чудится смиренный подорожник* [1, т. 1, с. 492]; «Надпись на книге» (1940): *Почти от залетейской тени / В тот час, как рушатся миры, / Примите этот дар весенний* [1, т. 1, с. 479].

В поэтическом мире Анны Ахматовой рядом с высокими, торжественными образами часто оказываются простые, обыденные следы памяти. Наиболее показательно в этом отношении стихотворение «Есть три эпохи у воспоминаний ...» (1945). В первой его части воспоминания предстают как храм, под высоким сводом которого находится лирическая героиня: *Душа под сводом их благословенным, И тело в их блаженствует тени* [1, т. 2, кн. 1, с. 99]. Далее в одном образном ряду оказываются смех, слёзы, пятно чернил на столе и поцелуй – *печать на сердце*:

Ещё не замер смех, струятся слёзы,

Пятно чернил не стёрто со стола, –

И, как печать на сердце, поцелуй,

Единственный, прощальный, незабвенный ... [1, т. 2, кн. 1, с. 99]

Глагол *стираться* в значении «забываться» является общеупотребительным в русском языке, однако в поэзии Анны Ахматовой его внутренняя форма (удалять с поверхности) оживает, становится более отчётливой.

*Возникают, стираются лица,
Мил сегодня, а завтра далёк.*
(«Подражание И.Ф. Анненскому ...», 1911 [1, т. 1, с. 54])

*Но с души не стирается метка
Незначительной встречи с тобой.*
(«О тебе вспоминаю я редко», 1913 [1, т. 1, с. 163])

Пятно как метафора памяти встречается и у Н.А. Некрасова в стихотворении «Букинист и библиограф» (1877).

*Одно заметил я давно,
Что, как зазубрина на плуге,
На книге каждое пятно –
Немой свидетель о заслуге* [10, т. 3, с. 216].

Как плуг оставляет на себе память о встречах с землёй, так и книга хранит память о прикосновениях руки того, кто её читал когда-то.

Книга – немой свидетель прошлого – образует ещё одно метафорическое поле в творчестве обоих поэтов. Говоря о метафоре «память – книга», Л.М. Бондарева подчёркивает, что это не обычная книга, целостная и завершённая, а книга меняющаяся, непостоянная, и в этом заключается её сходство с памятью: книга-память формально завершена, но её можно бесконечно интерпретировать, по-разному истолковывать, изменения воспоминаний всегда непредсказуемы. Именно в этом кроется причина безграничности памяти. [3, с. 72] Этот

образ мы встречаем у Анны Ахматовой в стихотворении «Надпись на книге» (1940):

*И сада Летнего решётка,
И оснежённый Ленинград
Возникли, словно в книге этой
Из мглы магических зеркал,
И над задумчивою Летой
Тростник оживший зазвучал* [1, Т. 1, с. 479].

Следует заметить, что в поэзии Анны Ахматовой слово *Лета* (название реки забвения в древнегреческой мифологии) занимает особое место: *Хочешь мне сказать по секрету, / Что уже миновала Лету / И иною дышишь весной* («Поэма без героя», 1945 [1, т. 3, с. 99]); *Но возьму и за Лету с собою / Очертанья живые моих царскосельских садов* («Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли ...», 1957 [1, т. 2, кн. 1, с. 202]).

В произведениях Н.А. Некрасова ни разу не встречается этот образ. Его любимая река – Волга, она возникает в некоторых стихотворениях как напоминание о детских годах.

Вернёмся к образу книги у Анны Ахматовой. Последняя страница книги приравнивается автором к забвению.

*А в книгах я последнюю страницу
Всегда любила больше всех других –
Когда уже совсем не интересны
Герой и героиня, и прошло
Так много лет, что никого не жалко.*
<...>

*И даже «вечность поседела»,
Как сказано в одной прекрасной книге.* («А в книгах я последнюю страницу ...», 1943 [1, т. 2, кн. 1, с. 54]).

Строка *И даже «вечность поседела»*, по свидетельствам современников, отсылает к известному роману Марка Твена «Том Соьер». Загнутый

на странице книги уголок также является символическим знаком, а у Ахматовой – даже мистическим.

*Отчего же на этой странице
Я когда-то загнул уголок?
И всегда открывается книга
В том же месте. И странно тогда:
Всё как будто с прощального мига
Не прошли невозвратно года*
(«Подражание И.Ф. Анненскому ...», 1911 [1, т. 1, с. 54])

Время оставляет свой след на пожелтевших страницах старых книг и в конце концов уничтожает их.

*Теперь меня позабудут,
И книги сгнут в шкафу.
Ахматовской звать не будут
Ни улицу, ни строфу* («И увидел
месяц лукавый ...», 1946 [1, т. 4, с. 415]).

Как мы видим, забвение у Анны Ахматовой метафорически представлено и в глаголах, которые включают семантический признак «уничтожение»: *сгнуть, истлеть, истлевать, погребать, стираться*, которые приобретают отвлечённое, символическое значение: *Всё унеслось прозрачным дымом, / Истлело в глубине зеркал ...* («Тот город, мной любимый с детства ...», 1929 [1, т. 1, с. 417]).

Наряду с образом *тления*, верные спутники забвения у Анны Ахматовой – *паутина* и *пыль*: *Где есть паук и пыль на всём лежит, / Где истлевают пламенные письма ...* («Есть три эпохи у воспоминаний ...», 1945 [1, т. 2, с. 99]).

Пыль приравнивается забвению и в образной системе Н.А. Некрасова, что вполне согласуется с общеупотребительным в русском языке фразеологическим выражением *пыль веков*: *И слышу голос: «Слоем пыли / Давно покрыт прошедший век»* («Человек», 1838 [10, т. 1, с. 191]); *А дни летят ... Слой пыли*

гуще, шире / День ото дня на позабытой лире ... («Из письма к Е.А. Некрасовой», 1840 [10, т. 14, кн. 1, с. 29]).

Забывшая могила зарастает травой, и это неизбежный и жестокий закон жизни, о котором пишут оба поэта. Анна Ахматова выбирает в качестве «растительных» символов *крапиву* и *чертополох*:

За то, что дым сравнил с Лаокооном,

Кладбищенский воспел чертополох...
(«Борис Пастернак», 1936 [1, т. 1, с. 427])

*Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху*

Украсить её предстоит. («В сороковом году», 1940 [1, т. 4, с. 243]).

Как пишет Анна Зализняк, метафора забвения отражается в устойчивом фразеологическом словосочетании *быльём поросло* и его вариантах. *Быльё*, собирательное существительное от слова *быль*, имеет значение «травы». Травой зарастают могилы, за которыми никто не ухаживает: выросшая на этих могилах трава символизирует уничтожение памяти о тех, кто в них похоронен [5, с. 490].

В следующем отрывке в образе крапивы, превращающейся в розу, забвение трансформируется в память:

И крапива запахла, как розы, но только сильнее.

Было душно от зорь, нестерпимых, боровских и алых,

Их запомнили все мы до конца наших дней. («Небывалая осень построила купол высокий...», 1922 [1, т. 1, с. 393]).

«Трава забвения» является также излюбленным образом Н.А. Некрасова. В стихотворении «В.Г. Белинский» (1855) поэт с горечью говорит о том, что друзьям, которые собирались по-

ставить памятник на могиле своего товарища, лень помешала сделать это: *Могила заросла кругом: / Не сыщешь ...* [10, т. 4, с. 9].

В уже упомянутом нами стихотворении «Колизей» (1839) *мох и плющ* на развалинах символизируют полное забвение:

*Поросшие мхом, окаймлённые плющем,
Развалины древнего зданья стоят,
Ничем не напомним они о живущем,
О смерти на каждом шагу говорят*

[10, т. 1, с. 202].

В стихотворении Н.А. Некрасова «Детство» (1873) *поросшие травой* стены старинного храма говорят о забытом прошлом, о разрушении человеческой памяти:

*Эти остатки убогие
Преобразились в развалины
Странные, чудно красивые.
Дверь завалилась, обрушился
Купол; оторваны бурею,
Ветхие рамы попадали;
Травами густо проросшие,
В зелени стены терялись...* [10, т. 3, с. 121].

Противопоставленные в приведённом выше отрывке *развалины* и *убогие остатки* реализуют семантическую оппозицию *память – забвение*. Но в том же произведении *остатки* отождествляются с *развалинами*. Построена новая церковь, которая *заслоняет развалины старой: Но до остатков строения / Руки мирян не коснулись* [10, т. 3, с. 120].

В стихотворении «Колизей» *развалины* так же, как и *руины*, становятся памятником старины, предметом поклонения древней культуре:

*Чу! звон колокольный! иди на средину
Развалин печальных, к предвечному
в храм ...* [10, т. 1, с. 204].

Здесь словосочетание *обломки здания* включено в метафорический ряд *памяти, а не забвения*:

*Но – слава искусству и древним
умам! –*

*Ещё нам напомним и каждый об-
ломок*

*Способен об их исполинском тру-
де...* [10, т. 1, с. 202].

Так же и в поэтическом языке Анны Ахматовой осколки разбитого золотистого кувшина символизируют тоску лирической героини о прошлом, которое невозможно вернуть:

Все осколки собрала,

Не умела их сложить... («Алиса», 1911 [1, т. 1, с. 46]).

Удивительное совпадение обнаруживается в упомянутом выше стихотворении Н.А. Некрасова «Детство» (1873) и ахматовском «Надпись на книге» (1930–1939). У Некрасова читаем:

*Я провалилась в развалины,
Внутрь запустелого здания,
Где не бывала со времени
Службы последней...*

<...>

*Голос отца престарелого,
Пение гимнов божественных,
Вздохи и шёпот молитвенный
Слышались мне...* [10, т. 3, с. 122].

Лирическая героиня Анны Ахматовой также оказывается под тяжёлыми развалинами прошлого, проваливается в него.

Из-под каких развалин говорю,

Из-под какого я кричу обвала («Надпись на книге», 1930–1939 [1, т. 1, с. 457]).

Нередко у Анны Ахматовой встречается отождествление *памяти* с *домом*. Е.В. Малышкин отмечает, что всякое воспоминание локально, связано с определённым местом, и в этом

смысле сама память всегда бывает локальной [9, с. 105].

*Я прошлое в доме моём берегу,
Над прошлым тайно колдую*
(«Пришли и сказали: “Умер твой брат” ...», 1910 [1, т. 1, с. 27]).

Память выступает в образе хозяйки дома и в стихотворении Н.А. Некрасова «Незабвенная» (1839). У неё есть ключи от дома-сердца, где хранятся дорогие воспоминания:

*О память, память! образ нежный
Надолго в сердце заключи,
Запри его рукой прилежной
И брось ненужные ключи!..* [10, т. 1, с. 219].

Уничтожение дома приравнивается в поэзии Анной Ахматовой к забвению, а музей – к могиле, где обрели вечный покой вещи:

*От дома того – ни щепки,
Та вырублена аллея,
Давно опочили в музее
Те шляпы и башимачки* (Из цикла «Юность», 1940 [1, т. 4, с. 226]).

Покинутый дом также отождествляется с могилой в стихотворении Анны Ахматовой «Есть три эпохи у воспоминаний» (1945):

*В глухом предместье дом уединенный,
<...>
Куда как на могилу ходят люди,
А возвратившись, моют руки с мылом...* [1, .. 2, кн. 1, с. 99].

Здесь противопоставлены глагольные словосочетания *ходить на могилу* (помнить) и *мыть руки мылом* (хотеть забыть). Метафора могилы соединяет в себе и память, и забвение. Словосочетание *забытая могила* в современном русском языке уже не воспринимается как оксюморон. Лишь камень и крест могут противостоять забвению. В приведённых ниже примерах можно

увидеть поэтическую переключку времён:

*Пускай долговечнее мрамор могил,
Чем крест деревянный в пустыне,
Но мир Долгорукой еще не забыл...*
(Н.А. Некрасов. *Русские женщины*, 1872 [10, т. 4, с. 170]).

*И крест над могилой забытой стоял,
Белея, как призрак безмолвный*
(А.А. Ахматова. «Над черною бездной с тобою я шла ...», 1904 [1, т. 1, с. 6]).

Одной из самых привычных, устойчивых метафор памяти является слово *след*, которое обычно употребляется в сочетании с прилагательным *неизгладимый*. У Н.А. Некрасова *след* приравнивается воспоминанию, и таким образом это слово остаётся в границах ментальной сферы:

*Княгине памятны те дни
Прогулок и бесед,
В душе оставили они
Неизгладимый след* («Русские женщины», 1871 [10, т. 4, с. 128])

*На жизненной стезе
Оставив след загадочный и странный,
<...>
Погибла ты...* («Несчастные», 1856 [10, т. 4, с. 48]).

У Анны Ахматовой следы, оставленные на снегу, являются материальным воплощением памяти, такой же недолговечной, как и сам снег:

*Здесь мой покой навеки взят
Предчувствием беды,
Сквозь тонкий лёд ещё сквозят
Вчерашние следы* («Сад», 1911 [1, т. 1, с. 87]).

*Лыжный след, словно память о том,
Что в каких-то далёких веках*

Здесь с тобою прошли мы вдвоём
(«Хорошо здесь: и шелест и хруст ...»,
1922 [1, т. 1, с. 395]).

Противопоставление отвлечённого понятия в поэзии Н.А. Некрасова конкретному, вещественному в лирике А.А. Ахматовой можно увидеть и в том, как исчезновение следа трансформируется в метафору забвения. У Некрасова это умозрительное понятие, выраженное устойчивым оборотом со значением «меня забудут»:

Умру – и мой исчезнет след!

Надежда вся на музу! (Н.А. Некрасов. «Горе старого Наума», 1874 [10, т. 3, с. 145]).

У Ахматовой это след на снегу, его заметает снег, и эта вещественность, свойственная поэтике акмеизма, характерна для её поэтического языка:

*А вокруг погребальные звоны,
Да московские хриплые стоны
Вьюги, наш заметающей след*
(«Поздний ответ», 1940 [1, т. 1, с. 469]).

*Вспоминай же, мой ангел, меня,
Вспоминай хоть до первого снега.*
(А.А. Ахматова. «Не страшай меня грозной судьбой ...», 1959 [1, т. 2, кн. 2, с. 18]).

Значение долгого удерживания событий прошлого в памяти ярко проявляется в поэзии А.А. Ахматовой и Н.А. Некрасова в общезыковых метафорических глаголах *хранить*³ – не забывать, всегда помнить [6, с. 1453]; *сохранить*⁵ – удержать в памяти, не забыть [6, с. 1243]; *беречь*² – стремиться сохранить в первоизданном виде; не утратить (о чувствах, воспоминаниях и т. п.) [6, с. 72].

Приведём несколько таких примеров из стихотворений Анны Ахматовой: *И комната, где окна слишком узки, / Хранит любовь и помнит*

старину» («Вечерняя комната», 1911 [1, Т. 1, с. 45]); *Но образ твой, твой подвиг правый / До часа смерти сохраню* («О нет, я не тебя любила ...», 1917 [1, Т. 1, с. 304]) *А ты письма мои береги, / Чтобы нас рассудили потомки ...* («Столько просьб у любимой всегда!..», 1913 [1, т. 1, с. 114]).

Этим отрывкам созвучны многие некрасовские строки: *Во всём, как остаток великой картины, / Былого величья хранит она тень* («Колизей», 1839 [10, т. 1, с. 202]); *Может быть, не сохраню я / В бедной памяти моей / Ни очей, ни поцалуя, / Ни движений, ни речей* («Слеза разлуки», 1840 [10, т. 1, с. 340]); *О ты, чьих писем много, много / В моём портфеле берегу* («О письма женщины, нам милой!..», 1852 [10, т. 1, с. 112]).

Память – это мысленное возвращение в прошлое или из прошлого, поэтому у Ахматовой нередко с этим иносказательным значением используются глаголы движения, такие как *бежать, пробраться, уходить, проходить (пред глазами), идти*. Они обычно сопровождаются наречиями с пространственной или временной семантикой: *туда, медленно, давно, всегда, навстречу*.

Бежим туда, но (как во сне бываем) / Там всё другое: люди, вещи, стены, / И нас никто не знает – мы чужие [1, т. 2, кн. 1, с. 99]; *Рассталкивая года, / По январям и июлям / Я проберусь туда* (Поэма «Путём вся земля», 1940 [1, т. 3, с. 31]); *Из прошлого восставши, молчаливо / Ко мне навстречу тень моя идёт* («Царскосельские строки», 1921 [1, т. 1, с. 372]).

Последний пример соотносится с общеупотребительным устойчивым

глагольным словосочетанием *стоять перед глазами*.

Ещё один общий для Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой мотив, связанный с памятью, – это *мечь*. Даже в название оба поэта выносят это слово: ср. «Мечь» Ахматовой и «Мечь горца» Некрасова. «Музой мести и печали» называет Некрасов свою поэзию. Е.В. Малышкин пишет, что мечь может использоваться человеком как один из способов преодоления времени. Мечь направлена на то, чтобы вернуть прошлое и изменить его, она требует обязательного возмездия. «Это всегда шаг от выказанной слабости к «силе», но к силе, в которой длящееся подвергается искажению и деформации: мечь не возвращает прошлое, а закрывает его. Она, позволяя сгладить боль памяти, заставляет увязнуть в чуждом, в чужой длительности» [9, с. 74].

Мне какую готовишь мечь?

Ты не выпьешь, только пригубишь

Эту горечь из самой глубины – Это вечной разлуки весть (А.А. Ахматова. «Поэма без героя», 1942 [1, т. 4, с. 200]).

Где елей искалеченные руки

Взывали к миценью – зеленеет ель,

И там, где сердце ныло от разлуки, –

Там мать поёт, качая колыбель.

(А.А. Ахматова. «Прошло пять лет, – и залечила раны ...», 1950 [1, т. 2, кн. 1, с. 148]).

Замолкни, Муза мести и печали!

Я сон чужой тревожить не хочу. (Н.А. Некрасов. «Замолкни, Муза мести и печали!..», 1855 [10, т. 1, с. 182]).

Торжествует мстительное чувство,

Догорая, теплится любовь. (Н.А. Некрасов. «Праздник жизни – молодости годы ...», 1855 [10, т. 1, с. 162]).

Проведённое исследование показывает, что совпадение большинства символических образов у Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой совершенно очевидно. Наиболее характерные символы памяти в поэтическом языке Некрасова, о которых говорилось выше: *могила, саркофаг, колокольный звон, крест, письмо, книга, буква, скрижали, тень, пятно, отпечаток, подвал, руины, развалины, обломки, мечь*; в лирике и поэмах Ахматовой – это *могила, погребальные звоны, крест, письмо, книга, тень, пятно, след, подвал, дно, осколки, мечь*.

Метафоры забвения у обоих поэтов также очень близки по внутренней мотивации. В поэзии Некрасова забвение – *мрак, пыль, слой пыли, тернии* (заросли терновника), *мох, плющи, трава, зарастать*; в лирике и поэмах Ахматовой – *покров тьмы, пыль, чертополох, крапива, плесень, тлен, истлевать, развалины, обвал*.

Приведённые нами словесные символы памяти и забвения в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой являются ещё одним подтверждением того, что существует преемственность между литературными направлениями XIX и XX в. Если от символизма протягивается незримая нить к романтизму М.Ю. Лермонтова, то акмеизм во многом соотносится с реалистическими зарисовками А.С. Пушкина и Н.А. Некрасова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А.А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1998.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб: Норинт, 2006. 1536 с.
3. Бондарева Л.М. К метафорике памяти (статический и динамический аспекты) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. Вып. 4. С. 70–78.
4. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 520 с.
5. Зализняк Анна А. Концептуализация памяти и забвения в русском языке // Константы и переменные русской языковой картины мира / И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелёв, А.А. Зализняк. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 485–506.
6. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память // Логический анализ языка: Культурные концепты / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. С. 87–92.
7. Купчик Е.В. Метафора памяти в русской поэзии // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 1. С. 154–159.
8. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Семиосфера. СПб: Искусство-СПб, 2004. С. 673–676.
9. Малышкин Е.В. Метафоры памяти в истории философской мысли: дис. ... док-ра филос. наук. С-Пб 2015. 341 с.
10. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981–2000.
11. Ревзина О.Г. Память и язык // Критика и семиотика. 2006. Вып. 10. С. 10–24.
12. Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Искусство, 1979. 447 с.

REFERENCES

1. Akhmatova A.A. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1998.
2. Kuznetsov S.A., ed. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of Russian]. St. Petesburg, Norint Publ., 2006. 1536 p.
3. Bondareva L.M. [To metaphors of memory (static and dynamic aspects)]. In: *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2009, no. 4, pp. 70–78.
4. Bragina N.G. *Pamyat' v yazyke i kul'ture* [Memory in language and culture]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007. 520 p.
5. Zaliznyak Anna A. [Conceptualization of memory and oblivion in the Russian language]. In: *Konstanty i peremennye russkoi yazykovoi kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2012. pp. 485–506.
6. Kubryakova E.S. [On the same fragment of conceptual analysis of the word memory]. In: *Logicheskii analiz yazyka: Kul'turnye kontsepty* [Logical analysis of language: Cultural concepts]. Moscow, Nauka Publ., 1991. pp. 87–92.
7. Kupchik E.V. [The metaphor of memory in the Russian poetry] In: *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tyumen State University Herald], 2011, no. 1, pp. 154–159.
8. Lotman Yu.M. [Memory in the cultural lighting]. In: *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2004. pp. 673–676.
9. Malyshkin E.V. *Metafor y pamyati v istorii filosofskoi mysli: dis. ... dokt. filos. nauk* [Metaphors of memory in the history of philosophy: D. thesis in Philosophical sciences]. St. Petersburg, 2015. 341 p.
10. Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters] Leningrad, Nauka Publ., 1981–2000.

11. Revzina O.G. [Memory and language]. In: *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 2006, no. 10, pp. 10–24.
12. *Chukokkala. Rukopisnyi al'manakh Korneya Chukovskogo* [Chukokkala. Handwritten almanac of Korney Chukovsky]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 447 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорьева Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: lonogrig@yandex.ru

Кадыоглу Эсра – аспирант кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: essrakadioglu@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga N. Grigorieva – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of Russian language, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: lonogrig@yandex.ru

Esra Kadioglu – postgraduate student at the Department of the Russian language, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: essrakadioglu@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Григорьева О.Н., Кадыоглу Э. Символика памяти и забвения в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 38–48
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-38-48

FOR CITATION

Grigorieva O.N., Kadioglu E. Memory and oblivion symbols in poetic language of N. Nekrasov and A. Akhmatova. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 38–48
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-38-48

УДК 811.161.1/81 373.614

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-49-61

ИСТОРИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА В ЭТНОАРЕАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ ЕГО РАННИХ (ДО XVIII ВЕКА) КОНТАКТНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ

Гусейнов Г.-Р.А.-К.¹, Мугумова А.Л.²

¹Дагестанский государственный университет

367000, г. Махачкала, ул. Гаджиева, д. 43-а, Республика Дагестан,
Российская Федерация

²Дагестанский государственный педагогический университет

367003, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, д. 57, Республика Дагестан,
Российская Федерация

Аннотация. Со времён Золотой Орды в ранний (до XVIII в.) период своего развития кумыкский язык отличался от других нетюркских (нахско-дагестанских) языков региона более высоким уровнем своего функционального развития. Он также использовался вместе с тем в качестве основного средства межэтнического общения и русским населением края, появившимся здесь во второй половине XVI в. Цель статьи – выявить и сопоставить по степени интенсивности лексические следствия ранних (до XVIII в.) контактных взаимоотношений рассматриваемых языков. Было установлено, что, даже оказавшись в ситуации частичного двуязычия с русским языком, кумыкский оказал гораздо большее лексическое воздействие на русский язык, чем испытал с его стороны.

Ключевые слова: этноареальный контекст, историко-функциональный, русский язык, кумыкский язык, языки, взаимоотношения.

HISTORICAL AND FUNCTIONAL STRATIFICATION OF THE KUMYK LANGUAGE IN ITS ETHNOAREAL CONTEXT OF EARLY (BEFORE 18TH CENTURY) CONTACT RELATIONS WITH THE RUSSIAN LANGUAGE

G.-R. Guseinov, A. Mugumova

Dagestan State University

43-a Gadzhieva st., Makhachkala, 367000, Republic of Dagestan, Russian Federation
Dagestan State Pedagogical University

57 M. Yaragского st., Makhachkala, 367003, Republic of Dagestan, Russian Federation

Abstract. Since the Golden Horde in the early (before 18th century) period of its development, the Kumyk language differed from other not-Turkic (Nakh-Daghestan) languages of the region by its higher level of the functional development. It also was used as the basic means of interethnic dialogue and the Russian population of the region which have appeared here in the second half of 16th centuries. The objective of the article is to reveal and compare by the intensity degree the lexical consequences of the early (before 18th century) contact relations of the considered

languages. It has been established, that, as consequence, even in a partial bilingualism situation with Russian, Kumyk has had a much bigger lexical influence on Russian, than vice versa.

Key words: ethnoareal context, history-functional stratification, contact mutual relations, Kumyk, Russian, languages.

Рассматриваемая проблема ещё не становилась предметом специального углублённого анализа прежде всего в контактологическом и этноареальном отношениях. Поэтому главная цель статьи – выявить и сопоставить по степени интенсивности лексические следствия ранних (до XVIII в.) контактных взаимоотношений рассматриваемых языков.

При этом только для кумыкского языка вполне реально решение одной из подчинённых ей задач – выявление ранних русизмов, усвоенных в кумыкском языке до XVIII в., так как, в отличие от соседних восточнокавказских (нахско-дагестанских) языков (только аварского, лакского и даргинского), в которых зачатки арабграфичной письменности, восходящие к XV–XVI вв., получили в дальнейшем лишь ограниченное применение [24, с. 84], непрерывная традиция кумыкского литературного (письменного) языка восходит к более ранней эпохе Золотой Орды. При этом она обладала большим функциональным разнообразием и была связана с появлением, как и у других тюркских народов, художественной литературы на чагатайском (тюрки) языке. Речь, с одной стороны, идёт о творчестве скончавшегося в 1475 г. Умму Камала, первого известного на сегодняшний день кумыкского поэта – представителя тюркской суфийской поэзии и философии [4, с. 84–85], лингвистический анализ языка поэзии которого, как и другого кумыкского поэта последующего

времени – Аманхора (1660–1706), ещё ждёт своего исследования.

С другой стороны, речь идёт о таком известном памятнике кумыкской хроникальной прозы конца XVI в., как «Дербент-Наме», наиболее ранний, дошедший до нас вариант которого на тюркском (тюрки) языке относится к 1637 г. [31, с. 57] и является свидетельством функционального разнообразия в использовании последнего. О вероятной регламентации письменной формы народно-разговорного, собственно кумыкского языка свидетельствует осуществлённый, по данным Г.М.-Р. Оразаева [31, с. 59], в 1626 г. перевод «Дербент-Наме» на кумыкский язык, произведённый Абдулкасымом Абдуллой по просьбе выдающегося кумыкского государственного деятеля и полководца Султан-Мута. Другой факт аналогичного порядка, относящийся к рассматриваемому времени, – это письмо, написанное в 1578 г. кумыкским верховным правителем-шамхалом Чопаном турецкому Султану Мураду «на чистейшем кумыкском языке» [3, с. 142]. Всё это говорит о том, что уже с достаточно давних времён кумыкский письменный (литературный) язык функционировал, как и многие другие тюркские и иносистемные языки, особенно в эпоху средневековья, в ситуации диглоссии. Ей присуще стабильное сосуществование книжной (тюрки) и некнижной (собственно кумыкский) языковых систем, характеризующихся распределением

(дистрибуцией), как было отмечено, их функций.

Уже в начале рассматриваемого периода первые русские поселенцы – грбенские (терские) казаки (по данным фольклора, глубина их исторической памяти относится к XV в.) – появляются на Северо-Восточном Кавказе [9, с. 45–46], где областью их первоначального расселения, в т. ч. по данным кумыкских локализмов их говоров, становится Нижнее Притеречье [14]. По мнению некоторых историков, оно могло иметь место к середине XVI в. ввиду известности ещё в 1563 г. первого документального сообщения о казаках на Северном Кавказе [35, с. 260 комм. 2]. Известно также мнение о начале государственной службы вольных казаков с «Терека» в 1552 г., когда была взята Казань [10, с. 9], её относят и к более позднему (после 1578–1579 гг.) времени [8, с. 348].

Вследствие тесного территориального соседства, установившегося между русским и кумыкским населением, соседствовавшим с Терским городом (Терка, Тюменский город), построенным в 1588 г. в дельте Терека (ранее, в 1567–1571 и 1578 гг., он находился на р. Терек, где в устье, у впадения в него р. Сунжи, находился в 1590–1605, 1635, 1651–1653, 1670 гг. и Сунженский городок (острог) [21, с. 436–437]) можно говорить об определённой распространённости русского языка среди кумыкского населения. На это указывают данные турецкого путешественника XVII в. Э. Челеби [45, с. 115], согласно которым в кумыкском селении Эндирей, соседнем г. Терки (с допущением известного преувеличения) «всё население знает языки персов, грузин, черкесов, кумыков, руссов, лезгин».

Было бы, наверное, не преувеличением полагать, что ареально смежное зоне распространения носителей русского языка кумыкское население проживало в ситуации частичного двуязычия с их языком, и при этом нельзя не обратить внимания на данные, содержащиеся в кумыкскоязычном историко-краеведческом сочинении 1908–1916 гг. А.Г. Ибрагимова «Тарихи Кызларкала» («История Кизлярского города»). В нём говорится о вилайате Татархана, образовавшемся на месте кумыкского Тюменского владения в междуречья Кумы и Терека, достигавшего берегов Каспийского моря и существовавшего во второй половине XVII в. (до 1705 г.). Принято отождествлять его с возникшим в 1615 г. т. н. Терским вассальным княжеством, которое возглавлялось кабардинским князем Сунчалеем Янклычевичем (один из его населённых пунктов соотносят с мусульманской (Татарской) слободой г. Терки). Именно здесь, в этом вилайате, имел место не только примечательный, но и просто чрезвычайный факт: здесь, «кроме арабско-персидских, были и русские школы». Полагают, что знаменательно, речь может в данном случае идти о самой первой известной нам русской школе на Кавказе [32, с. 121–122, 171, 184 прим. 7, 191 прим. 22].

По данным А. Олеария 1638 г., «черкесы» из вышеупомянутых Терков «почти все умеют говорить по-русски» [20, с. 490]. Однако, согласно сведениям Н. Витзена, у жителей Терки язык, «общий с другими татарами и почти все умеют говорить по-русски». Но «языком и одеждой ... похожи на дагестанцев» [15, с. 9]. Но под «татарским» языком дагестанцев, как было установ-

лено сравнительно недавно, следует, в свою очередь, понимать кумыкский язык и соответственно под дагестанцами – жителей Татарской (см. выше) слободы Терков – кумыков, которым и был известен русский язык.¹

К их числу относятся и окочане – представители одного из кумыкских субэтносов [2, с. 89–90]. Они жили в одной из слобод, возникших в первой половине XVII в. в Терском городе, – Окоцкой [20, с. 331], жителям которой был известен разговорный русский язык. Не случайно, они в 1614–1621 гг. привозили в Москву разнообразные челобитные «от всех окоцких жилецких людей» [20, с. 347].

Однако, по данным на 1587 г., у окочан «грамоты татарским письмом и русским [последнее вставлено над строкой(!)] прочести [было] некому» [35, с. 14], т. е. им, в отличие от жителей Татарской слободы, не были известны письменные разновидности этих языков. Не случайно и в XVII в. челобитные окочан писались терскими подъячими [26, с. 99].

Именно сам факт наличия письменности, кумыкских памятников делового стиля позволяет, в отличие от других языков региона, хронологизировать в них русизмы. Причём показательным в данном отношении является то, что они обнаруживаются в оригиналах (тюркиязычных [33, с. 52–53]) писем XVII в., адресованных русским царям, не только князей

кумыкского Эндиреевского владения (1634, 1648, 1653 гг.), которое находилось в непосредственной территориальной смежности с Терками, но и шамхала Тарковского (1642 г.). Речь, в принципе, идёт об арабографичной деловой корреспонденции, в которой по преимуществу получили отражение термины социально-политического характера. Например, такие из них, как *вайвад*, *вайвада* ‘воевода’, *киназ* ‘князь’ (у голландского географа Витсена (1692 г.) в составе освоенных русскими языковыми средствами онимов ‘Шолохофф Кнасс’ и ‘Мендаров Кнасс’, между которыми с гор стекает Терек [15, с. 17]), *мужук* ‘мужик’, *киристан* ‘христианин’, *орус* ‘русский’, *городок* ‘городок’, *истерледж* ‘стрелец’ и др. Аналогичным образом передаётся русская ономастика в тех же документах: имена русских царей *Аликсай Михайлавидж* (*Михайлâвич* [33, с. 268]) ‘Алексей Михайлович’, *Михайла Федравидж* ‘Михаил Федорович’, а также имя и отчество астраханского воеводы *Михаил Петрович*, *Маскав* ‘Москва’. Полагают, что данные факты «свидетельствует о том, что заимствование в XVI в. не было явлением узколокальным или эпизодичным, а было довольно распространённым явлением» [30, с. 83]. Тем самым можно говорить о так и не развившемся вплоть до советского времени двуязычии с русским языком.

Русизмы отмечаются и позднее. К ним относятся: содержащая показатель кумыкского дательного падежа форма *кинâз Йуван Педравич-ге* ‘князю Ивану Петровичу’ (астраханский воевода), а также *вайвада* и *истерледж* в письме князей Эндирея (1654 г.) [33, с. 268 комм. 99–100, с. 269–270]. Обращает на себя внимание лексема *орус*

¹ См. подробнее: Гусейнов Г.-Р.А.-К. К истории отражения концептов «Дагестан», «дагестанцы», «дагестанские татары» и «кумыки» в русской и западноевропейской языковых картинах мира до начала XIX века // Материалы Международной научной конференции «Языковая семантика и образ мира». Казань, 2008. С. 64–67.

(см. выше) из грамоты 1657 г., отправленной в Москву из области Шибут, где ещё было известно кумыкское население, но куда уже начали к этому времени проникать носители чеченского языка¹.

Подобные русские лексические формы (ср. *диак* 'дьяк' и *Мэскэв* 'Москва'), встречаются и в (не в татаро-, а, возможно, тюркиязычных, на наш взгляд) документах русских посольств (1650–1654 гг.) в Грузию и Имеретию. Они были направлены правителям целого ряда княжеств Северного Кавказа (кроме собственно кумыкских *Комука* и *Қайдақа*, *Чиркэс* 'Черкесия' и *Дагыстан* 'Дагестан', контекст использования последнего из которых будет подвергнут в дальнейшем дополнительному рассмотрению), а также шаху Ирана Аббасу [43, с. 90–91, 104–105].

Кроме того, сам факт их написания на тюрки является ещё одним подтверждением большей, чем местные языки, функциональной развитости в регионе его кумыкской (северокавказской) разновидности, к числу особенностей которой, отличающей её от других – поволжской и среднеазиатской, не случайно относится «довольно большой пласт» русизмов [33, с. 58].

Можно полагать, рассмотренные ранее русизмы, которые уступают в отношении своей численности кумыкским и ногайским заимствованиям русского, стали принадлежностью письменной тюркиязычной (кумыкской) речи XVII в. в рассматриваемом ареале. В большинстве своём они уже утрачены, за исключением *орус* 'рус-

ский' и *мужукъ* 'мужик', как указывают данные «Русско-кумыкского словаря» [34, с. 530, 261].

Можно полагать, что о сравнительно высокой интенсивности русского словесного воздействия рассматриваемого периода, отразившейся в письменных памятниках, говорят и иные наддиалектные русские лексические формы общенародного кумыкского языка. Соответствующие русские словесные элементы обнаруживаются в одной переведённой ещё до революции кумыкской героической песне (йыре), посвящённой Султан-Муту (Султан-Махмуду), который был первым правителем кумыкского Эндиреевского княжества в период конца XVI–начала XVII вв., когда имели место многочисленные кумыкско-московские войны, в которых прославился этот знаменитый полководец.² В песне говорится не только о «белокурых (сари) русских» (*орус*), но и о командовавшим русским войском боярине, который был взят в плен. Этот соционим получил отражение и в другой героической казачьей песне-йыре (героями подобных песен являются кумыкские казаки, занимавшиеся набегами), передаётся в южнорусском акающем звучании, но с кыпчакской характерной для кумыкского языка заменой аналаутного б->м- [18, с. 40; 41, с. 262]: «... Женой-добычей стала для тебя бояр (*маярланы*) дочь ...» [27, с. 242].

К числу устных общенародных вариантов русизмов, усвоенных кумыкским языком до XVIII в., следует отнести кумыкское название одной из

¹ См. подробнее: Гусейнов Г.-Р.А.-К. Шубут (опыт историко-этимологического и этнографического анализа) // Вопросы тюркологии. 2007. С. 29–38.

² См. подробнее: Гусейнов Г.-Р.А.-К. К предистории распространения русского языка в Дагестане // Русский язык в истории и культуре народов Дагестана. Махачкала, 2007. С. 5–18.

разновидностей нарядного женского платья в кумыкском языке – *полуша*, которое шили из дорогого шёлка и бархата [13, с. 234–235] (> *полушаь* ‘женский полушубок’ в брагунском говоре терского диалекта кумыкского языка [29, с. 103]).

Источником этого наименования могло послужить русское название полушёлковой ткани из смеси шёлка с бумагой или шерстью XVI–XVII вв. – *полушелковица* в адъективной форме *полушёлковый* [40, с. 277–278]. Она изготавливалась в Турции на бумажной основе с крупным узором в XV–XVIII вв. [8, с. 9] и могла покупаться кумыками на больших базарах, которые проходили в XVII в. два раза в неделю в городе-крепости Терки у русских торговцев. У них также бывали в продаже изделия с Востока [1, с. 33–34]. Ср. русское по происхождению кум. браг. (говор терского диалекта) *шалкавай* ‘шёлковый’ при общекум. (лит.) *чилле*, *йибек* «шёлк» [29, с. 103] в условиях, когда носители данного говора с конца XVII в. локализируются недалеко от Терского города при устье р. Сунжи, впадавшей в Терек, находясь тем самым рядом с ареалом проживания носителей терских русских говоров [11, с. 13].

Ещё одним существенным свидетельством, требующим внимания и поддерживающим отмеченные функциональные особенности кумыкского языка, проявляющиеся в его контактных взаимоотношениях с русским языком, является наличие в первом лексических форм терских русских диалектов. В частности, в кумыкском йыре о христианском (*крестиян*) богатыре («батыре») *Дударе* из одноименного кумыкского йыра [28, с. 88] (ср.

русс. разг. *Дудор*) лексема *крестиян* поддерживается уже упоминавшимся выше вариантом *киристан* ‘христианин’ из тюркиязычных синхронных памятников. Данный вариант не фиксируется в «Кумыкско-русском словаре» при том, что лексема *крестиян* из йыра не отмечается в «Русско-кумыкском словаре» с ожидаемой семантикой *христианин* [34, с. 643], тогда как в XVI–XVII в. значение *христианин* передавалось в русском языке словами *крестьян/крестьянин* [39, с. 49]. Одно из этих слов и получило, следует полагать, отражение в кумыкском йыре, свидетельствуя тем самым о том, что соответствующий контакт имел место. Это предположение мотивируется ещё и тем, что данная форма, в отличие, например, от чеч. *керста*, инг. *кераста* ‘христианин’, усваивается в характерном для нижнетерских, как и гребенских [7, с. 8], говоров икающем произношении, присущим с конца XVII в. и для старомосковского говора [25, с. 197].

Аналогично в диалектном языке кумыкское терское *ванда* ‘прутяная сеть’ [23, с. 123] (кум. лит. *четен тор*), известное брагунскому [29, с. 103] и кизлярскому [42, с. 78] говорам в форме *ванда*, можно считать терским русским усвоением, прежде всего, из нижнетерских говоров – греб. *ванда* ‘вентерь, рыболовная снасть для ловли крупной рыбы» [22, с. 52] при известности данного слова и среднетерским говорам (ср. наурск. *ванды* ‘самоловки для рыбы’ [12, с. 76]). Слово имеет сравнительно широкую сферу ареального распространения в русских говорах, будучи представленным в донских [36, с. 54], нижегородских, астраханских (*ванта*) [17, с. 163], волжских, ка-

занских, архангельских, вологодских, вятских, пермских и сибирских говорах [37, с. 16].

Его источником является мар. *ванды* 'стебель, тростинка' [19, с. 106] (мнение о его германском происхождении представляется менее убедительным [44, с. 271]), впервые отмечено в адъективной форме *ванделый* в 1667 г. также в волжской зоне (Симбирск) [38, с. 16]. В общекумыкском языке, в отличие от кум. терск. *вIанда*, оно известно в более поздней форме *манна* 'верша' (<*манда *банда < *ванда*, ср. выше *баяр* > *маяр*). Данное обстоятельство позволяет предполагать более раннее, до указанного времени, бытование данного слова в русских говорах, так как соответствующий первоначальный контакт мог иметь место в терской зоне. Лексема *ванда* первоначально могла быть усвоена до 1667 г. из марийского языка в ареально смежные зоны распространения марийского языка в северно- и среднерусские (волжские) говоры, а затем привнесена на Терек первыми русскими поселенцами, каковыми являются здесь гребенские казаки. Тот факт, что начало переселения с гор чеченцев в нынешние равнинные области их проживания относится лишь к первым десятилетиям XVIII в. [14, с. 209–210], позволяет полагать, что ограниченно представленное в чеченских диалектах чеч., чеб. *ванда*, итум. *вонд* 'перемет, закидушка' [5, с. 229–230] имело своим непосредственным источником кум. браг. *ванда*. Сравнительно ограниченное влияние на кумыкский язык терских русских говоров, указывающее на

сравнительную слабость соответствующих контактов в этой ипостаси их языковых взаимоотношений, может быть объяснено недавним временем их установления, так как «складывание постоянного казачьего войска на Тереке, осёдлость здесь русского населения относится, скорее всего, к середине XVII века» [6, с. 351].

Таким образом, в силу развитой функциональной стратификации кумыкского языка наддиалектное русское лексическое влияние, отразившееся в датированных памятниках его письменности, оказалось достаточно разнообразным и гораздо более интенсивным, чем терское русское диалектное, ограничившееся, в принципе, словом *ванда* (см. выше). Однако говорить при этом о наличии русского адстрата в кумыкском языке не приходится, так как соответствующее воздействие, как было показано в предшествующем изложении, не отразилось в его основном словарном фонде, несмотря на отмеченную ситуацию частичного двуязычия с русским языком, в которой находились в рассматриваемый период носители кумыкского языка.

Обратное лексическое воздействие местных тюркских (кумыкского и ногайского) на русский язык, в том числе и в лице местных терские говоров, оказалось гораздо более интенсивным, чем рассмотренное русское. Данное обстоятельство объясняется большей, включая письменную сферу коммуникации, распространённостью в регионе названных тюркских, прежде всего, кумыкского языков [16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Акбиев А.С. Кумыки. Вторая половина XVII–первая половина XVIII века. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1998. 153 с.
2. Алиев К.М. Тайны кумыкской этнонимии (этнонимические этюды) // Вести Кумыкского научно-культурного общества. 2002/2003. Вып.8–10. С. 84–90.
3. Алиев К.М. Шаухалы Тарковские. Страницы кумыкской родословной. Махачкала: Республиканская газетно-журнальная типография, 2008. 27 с.
4. Алиев С. Умму Камал // Возрождение. 1999. № 5. С. 84–85.
5. Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1975. 83+3 с.
6. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времён до конца XVIII в. М.: Мир дому твоему, 2001. 426 с.
7. Бенская Э.Я. Говор станицы Старый Щедрин Грозненской области (фонетическая система и морфологический строй): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955. 20 с.
8. Большая советская энциклопедия, 3 изд. М.: Советская энциклопедия, 1977. Т. 26. 622 с.
9. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. 278 с.
10. Виноградов В.Б. «Гребенские» казаки и «чеченская» плоскость // Материалы аспирантско-преподавательских семинаров «На стыке гор и равнин: проблемы взаимодействия». 2000. Вып. 3. С. 3–15.
11. Виноградов В.Б., Магомадова, Т.М. Брагунцы. Кто они и откуда? // Вести Кумыкского научно-культурного общества. 2002. Вып. 1. С. 13–15.
12. Востриков П. Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. 1907. Вып. 37. С. 72–95.
13. Гаджиева С.Ш. Кумыки. М.: Издательство АН СССР, 1961. 387 с.
14. Гусейнов Г.-Р.А.-К. О территориальных пределах Эндиреевского владения в эпоху Султан-Махмуда // Материалы Международной научной конференции «Эндиреевский владетель Султан-Махмуд Тарковский в истории российско-кавказских взаимоотношений (вторая половина XVI–первая половина XVII вв.)». Махачкала, 2010. С. 220–232.
15. Гусейнов Г.-Р.А.-К., Мугумова А.Л. Тюркские (турецкий и «татарский») языки в истории межъязыковой коммуникации на Северном Кавказе и в творчестве русских писателей, посвящённом Кавказу. Грозный, 1993. 50 с.
16. Гусейнов Г.-Р.А.-К., Мугумова А.Л. Лексические формы терских говоров в общем контексте позднесредневекового влияния тюркских языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана на русский язык // Тезисы докладов Международной научной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе». М.: Институт русского языка РАН. 2015. С. 51–53.
17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. 699 с.
18. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. М.: Восточная литература, 2007. 223 с.
19. Иванов И.Г. Марийские лексические заимствования в русских говорах Вятского края // Советское финно-угроведение. 1969. Вып. V. № 2. С. 95–114.

20. История народов Северного Кавказа: с древнейших времён и до конца XVIII в. / отв. ред. В.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. 544 с.
21. Кабардинско-русские отношения в XVI–XVII вв. Документы и материалы. В 2 т. М.: Издательство АН СССР, 1957. XVI+ 488 с.
22. Караулов М.А. Говор гребенских казаков. Слова, заимствованные с турецко-татарских наречий // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. 1907. Вып. 37. С. 103–109.
23. Керимов И.А. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала: Дагучпедгиз, 1967. 154 с.
24. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986. 207 с.
25. Колесов В.В. История русского языка. М., СПб.: Academia, 2005. 669 с.
26. Кушева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу об общественном строе вайнахов в XVII веке (Письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу) // Советская этнография. 1978. № 6. С. 99–110.
27. Къумукъланы йырлары. Магъачкъала, 1991. Т. I. 635 с.
28. Къумукъланы йырлары. Магъачкъала, 2002. Т. II. 459 с.
29. Ольмесов Н.Х. Брагунский говор и его место в системе диалектов кумыкского языка. Махачкала: Издательство Дагестанского государственного университета, 1994. 142 с.
30. Оразаев Г.М.-Р. Ранние русизмы в языке кумыков (XVII в.) // Тезисы конференции аспирантов и молодых учёных Института востоковедения АН СССР. 1981. Т. 2. С. 82–84.
31. Оразаев Г.М.-Р. «Дербент-Наме» – замечательный памятник кумыкской литературы // Адабият Дагестан. 1989. № 3. С. 54–58.
32. Оразаев Г.М.-Р. Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках. Махачкала: Эпоха, 2003. Кн. 1. 331 с.
33. Оразаев Г.М.-Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII–XIX вв. (Исследование, тексты и комментарии). Махачкала: Дагестанский научный центр Российской академии наук, 2007. 322 с.
34. Русско-кумыкский словарь / под ред. Б.Г. Бамматова. Махачкала, 1997. 728 с.
35. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII вв. Сборник документов / сост. Кушева Е.Н. М.: Восточная литература, 1997. 416 с.
36. Словарь русских донских говоров. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет, 1975. Т. I. 171 с.
37. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1969. Вып. 4. 343 с.
38. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975. Вып. 2. 319 с.
39. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1981. Вып. 8. 351 с.
40. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1990. Вып. 16. 294 с.
41. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: региональные конструкции / отв. ред. Тенишев Э.Р. М.: Наука, 2002. 767 с.
42. Хангишиев Ж.М. Къумукъ диалектологиясы. Магъачкъала, 1989. 81 с.
43. Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI–начало XIX вв.). Казань: Мастер-Лайн, 1999. 408 с.
44. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964. Т. I. 562 с.
45. Челеби Эвлия. Книга путешествия. М.: Наука, 1979. Вып. 2. 288 с.

REFERENCES

1. Akbiev A.S. *Kumyki. Vtoraya polovina XVII–pervaya polovina XVIII veka* [Kumyks. The second half 17th – first half 18th century]. Makhachkala, Dagestan book publishing house, 1998. 153 p.
2. Aliev K.M. [Mysteries of the Kumyk ethnonym (ethnonymic etudes)]. In: *Vesti Kumykskogo nauchno-kul'turnogo obshchestva* [News of the Kumyk Scientific and Cultural Society]. 2002/2003, vol. 8–10, pp. 84–90.
3. Aliev K.M. *Shaukhaly Tarkovskie. Stranitsy kumykskoi rodoslovnoi* [Chouhali Tarkovsky. Pages of Kumyk pedigree]. Makhachkala, Republican newspaper and magazine printing house, 2008. 27 p.
4. Aliev S. [Ummu Kamal]. In: *Vozrozhdenie* [Renaissance], 1999, no. 5, pp. 84–85.
5. Aliroev I.Yu. *Sravnitel'no-sopostavitel'nyi slovar' otraslevoi leksiki chechenskogo i ingushskogo yazykov i dialektov* [Comparative dictionary of special vocabulary of the Chechen and Ingush languages and dialects]. Makhachkala, the Chechen-Ingush publishing house, 1975. 83+3 p.
6. Akhmadov Ya.Z. *Istoriya Chechni s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v.* [History of Chechnya from ancient times to the end of the 18th century]. Moscow, Mir domu tvoemu Publ., 2001. 426 p.
7. Benskaya E.Ya. *Govor stanitsy Saryi Shchedrin Groznenskoj oblasti (foneticheskaya sistema i morfologicheskii stroi): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The dialect of the village of Old Shchedrin in Grozny region (phonetic system and morphological structure): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Leningrad, 1955. 20 p.
8. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet encyclopedia]. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1977. Vol. 26. 622 p.
9. Velikaya N.N. *Kazaki Vostochnogo Predkavkaz'ya v XVIII–XIX vv.* [Cossacks of the Eastern Ciscaucasiain the 18–19th centuries]. Rostov-on-don, 2001. 278 p.
10. Vinogradov V.B. [“Greben” Cossacks and “Chechen” plane]. In: *Materialy aspirantsko-prepodavatel'skikh seminarov “Na styke gor i ravnin: problemy vzaimodeistviya”* [Materials of post-graduate and teaching seminars “At the junction of mountains and plains: problems of interaction”], 2000, no. 3, pp. 3–15.
11. Vinogradov V.B., Magomadova T.M. [Brauguns. Who are they and where from?]. In: *Vesti Kumykskogo nauchno-kul'turnogo obshchestva* [News of the Kumyk Scientific and Cultural Society], 2002, no. 1, pp. 13–15.
12. Vostrikov P. [Beliefs, signs and superstitious customs of the Naurians]. In: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza* [A collection of materials for the description of the localities and tribes of the Caucasus], 1907, no. 37, pp. 72–95.
13. Gadzhieva S.Sh. *Kumyki* [Kumyks]. Moscow, Academy of Science of USSR Publ., 1961. 387 p.
14. Guseinov G.-R.A.-K. [On the Territorial Limits of the Endireevsky Possession in the Sultan-Mahmud Age]. In: *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Endireevskii vladetel' Sultan-Makhmud Tarkovskii v istorii rossiisko-kavkazskikh vzaimootnoshenii (vtoraya polovina XVI–pervaya polovina XVII vv.)”* [Proceedings of the International Scientific Conference “Endireevsky Governor Sultan-Mahmud Tarkovsky in the history of Russian-Caucasian relations (second half of the 16th, first half of the 17th centuries).”]. Makhachkala, 2010. pp. 220–232.
15. Guseinov G.-R.A.-K., Mugumova A.L. *Tyurkskie (turetskii i “tatarskii”) yazyki v istorii mezh'yazykovoi kommunikatsii na Severnom Kavkaze i v tvorchestve russkikh pisatelei, posvyashchennom Kavkazu* [Turkic (Turkish and “Tatar”) languages in the history of

- interlingual communication in the North Caucasus and in the works of Russian writers dedicated to Caucasus]. Grozny, 1993. 50 p.
16. Guseinov G.-R.A.-K., Mugumova A.L. [Lexical forms of Terek dialects in the general context of the late medieval influence of the Turkic languages of the North-Eastern Caucasus and Dagestan on the Russian language]. In: *Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Aktual'nye problemy russkoi dialektologii. K 100-letiyu izdaniya Dialektologicheskoi karty russkogo yazyka v Evrope"* [Abstracts of the International scientific conference "Actual problems of Russian dialectology. The 100th anniversary of the publication of Dialectological map of the Russian language in Europe"]. Moscow, Institute of Russian language of Russian Academy of Science Publ., 2015. pp. 51–53.
 17. Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1981. Vol. 1. 699 p.
 18. Dybo A.V. *Lingvisticheskie kontakty rannikh tyurkov* [Linguistic contacts of early Turks]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2007. 223 p.
 19. Ivanov I.G. [Mariksky lexical borrowings in the Russian dialects of the Vyatka region]. In: *Sovetskoe finno-ugrovedenie* [Soviet Finno-Ugric Studies], 1969, vol. V, no. 2, pp. 95–114.
 20. Piotrovskii V.B., ed. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza: s drevneishikh vremen i do kontsa XVIII v.* [The history of the peoples of the North Caucasus: from ancient times to the late 18th century]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 544 p.
 21. *Kabardinsko-russkie otnosheniya v XVI–XVII vv. Dokumenty i materialy* [Kabardian-Russian relations in the 16–17th centuries. The Documents and materials]. Moscow, Publishing house of Academy of sciences of USSR, 1957. XVI+ 488 p.
 22. Karaulov M.A. [Speech of Grebensky Cossacks. Words borrowed from Turkish-Tatar adverbs]. In: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza* [A collection of materials for the description of the localities and tribes of the Caucasus], 1907, no. 37, pp. 103–109.
 23. Kerimov I.A. *Ocherki kumyjskoi dialektologii* [Essays of Kumyk dialectology]. Makhachkala, Daguchpedgiz Publ., 1967. 154 p.
 24. Klimov G.A. *Vvedenie v kavkazskoe yazykoznanie* [Introduction to the Caucasian linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 207 p.
 25. Kolesov V.V. *Istoriya russkogo yazyka* [History of the Russian language]. Moscow, St. Petersburg, Academia Publ., 2005. 669 p.
 26. Kusheva E.N., Usmanov M.A. [On the question of the social structure of the Vainakhs in the 17th century (Letter of 1657 from Shibutsky Jamaat to Tsar Alexei Mikhailovich)]. In: *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1978, no. 6, pp. 99–110.
 27. *K"umuk"lany iylary* [Kumuklani yirlari]. Makhachkala, 1991. Vol. I. 635 p.
 28. *K"umuk"lany iylary* [Kumuklani yirlari]. Makhachkala, 2002. Vol. II. 459 p.
 29. Ol'mesov N.Kh. *Bragunskii govor i ego mesto v sisteme dialektov kumyjskogo yazyka* [Braguns dialect and its place in the system of the dialects of the Kumyk language]. Makhachkala, Dagestan State University Publ., 1994. 142 p.
 30. Orazhev G.M.-R. [Early Russianisms in the language of the Kumyks (17th century)]. In: *Tezisy konferentsii aspirantov i molodykh uchenykh Instituta vostokovedeniya AN SSSR* [Proceedings of international conference of postgraduate students and young scientists of the Institute of Oriental studies, USSR Academy of Sciences], 1981, vol. 2, pp. 82–84.
 31. Orazhev G.M.-R. ["Derbent-Name" – a remarkable monument of Kumyk literature]. In: *Adabiyat Dagestan* [Literature of Dagestan.], 1989, no. 3, pp. 54–58.
 32. Orazhev G.M.-R. *Istoricheskie sochineniya Dagestana na tyurkskikh yazykakh* [Historical writings of Dagestan Turkic languages] Makhachkala, Epokha Publ., 2003. Vol. 1. 331 p.

33. Orazhev G.M.-R. *Tyurkoyazychnaya delovaya perepiska na Severnom Kavkaze XVII–XIX vv. (Issledovanie, teksty i kommentarii)* [Turkic-speaking business correspondence in the North Caucasus 17–19th centuries. (Study, texts and comments)]. Makhachkala, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007. 322 p.
34. Bamatov B.G., ed. *Russko-kumyckii slovar'* [Russian-Kumyk dictionary]. Makhachkala, 1997. 728 p.
35. Kusheva E.N., comp. *Russko-chechenskie otnosheniya. Vtoraya polovina XVI–XVII vv. Sbornik dokumentov* [Russian-Chechen relations. The second half of the 16–17th centuries Collection of documents]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1997. 416 p.
36. *Slovar' russkikh donsikh govorov* [Dictionary of Russian Don dialects]. Rostov-on-Don, Rostov State University, 1975. Vol. I. 171 p.
37. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian folk dialects]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, iss. 4. 343 p.
38. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv* [Dictionary of Russian language 11–17th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1975, iss. 2. 319 p.
39. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv*. [Dictionary of Russian language 11–17th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1981, iss. 8. 351 p.
40. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv*. [Dictionary of Russian language 11–17th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1990, iss. 16. 294 p.
41. Tenishev E.R., ed. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: regional'nye konstruktii* [Comparative-historical grammar of Turkic languages: a regional constructions]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 767 p.
42. Khangishiev Zh.M. *K"umuk" dialektologiyasy* [Kumyk dialectology]. Makhachkala, 1989. 81 p.
43. Khisamova F.M. *Tatarskii yazyk v vostochnoi diplomatii Rossii (XVI–nachalo XIX vv.)* [Tatar language in the Eastern diplomacy of Russia (the 16th – early 19th centuries.)]. Kazan, Master-Lain Publ., 1999. 408 p.
44. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow: Progress Publ., 1964. Vol. 1. 562 p.
45. Chelebi Evliya. *Kniga putestestviya* [Book of travel]. Moscow: Nauka Publ., 1979, iss. 2. 288 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета;
e-mail: garun48@mail.ru;

Мугумова Анна Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка Дагестанского государственного педагогического университета;
e-mail: garun48@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Garun-Rashid A.-K. Guseinov – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of the Russian language, Daghestan State University;
e-mail: garun48@mail.ru

Anna L. Mugumova – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of Theory and History of the Russian language, Daghestan State Pedagogical University;
e-mail: garun48@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гусейнов Г.-Р.А.-К., Мугумова А.Л. Историко-функциональная стратификация кумыкского языка в этноареальном контексте его ранних (до XVIII века) контактных взаимоотношений с русским языком. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 49–61

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-49-61

FOR CITATION

Guseinov G.-R.A.-K., Mugumova A.L. Historical and functional stratification of the Kumyk language in its ethnoareal context of early (before 18th century) contact relations with the Russian language. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 49–61

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-49-61

УДК 81'373; 001.4

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-62-72

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ И СТАБИЛИЗАЦИЯ ФОРМ ВЫРАЖЕНИЯ ЕЁ КОМПОНЕНТОВ В СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ

Маслова М.Н., Симашко Т.В.

*Северный (Арктический) федеральный университет, филиал в г. Северодвинске
164500, г. Северодвинск, ул. Воронина, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация. Рассматривается формирование структуры и стабилизация форм выражения специальных наименований с денотативным компонентом <ветер> в период становления терминологических систем (XVII–XIX вв.). На примере концептуальной модели, реализующей значение 'направление / смена направления ветра относительно сторон света', раскрываются особенности репрезентации её компонентов, зависимость их варьирования от объективных факторов, регулирующих выбор средств выражения в условиях отсутствия устойчивых терминов, и от субъективного их осмысления, отражающего коммуникативно-прагматические установки автора.

Ключевые слова: специальные наименования, концептуальная модель, языковая репрезентация, тексты XVII–XIX вв.

CONCEPTUAL MODEL DEVELOPMENT AND STABILIZATION OF THE WAYS, WHICH SIGNIFY ITS COMPONENTS IN SPECIALIZED TEXTS

M. Maslova T. Simashko

*Northern (Arctic) Federal University, Severodvinsk branch
6 Voronina st., Severodvinsk, 164500, Russian Federation*

Abstract. Development of the structure and stabilization of the ways how to signify special names with denotative component <wind> in the making of terminology systems (17–19th centuries) are observed. The conceptual model with meaning 'direction / change of the wind direction due to points of the compass' is analyzed. By the example of this model, some features are described: significance of its components; variation of components depending on objective factors, which regulate the choice of means of expressing due to the absence of stable terms; and their variation depending on subjective reflection because of author's communicative and pragmatic purposes.

Key words: special names, conceptual model, linguistic representation, 17–19th centuries texts.

В истории русского языка конец XVII–XIX вв. – время, когда под влиянием социально-экономических, политических и культурных факторов формируются терминологические системы различных отраслей знаний. Процесс становления таких систем осуществлялся на основе сложных лексико-семантических и структурно-грамматических изменений в общеупотребительной лексике, в ре-

зультате формирования новых, различных по структуре, номинативных единиц или заимствования.

Изучение вопросов формирования и развития терминологии русского языка широко представлено в исследовательских работах. Так, комплексное рассмотрение проблемы становления научных терминологий в России первой трети XVIII в. предпринято в работе Л.Л. Кутиной (1964). Значительное количество научных работ посвящено истории становления отраслевых терминологий в XVIII–XIX вв.: литературоведческой (И.Ю. Елисеева, 1984); юридической (Е.Т. Перфильева, 1988); искусствоведческой (Т.А. Лисицына, 1994); анатомической (М.В. Веклич, 1999); ботанической (А.Л. Итунина, 1999); растениеводства (Т.Н. Данькова, 2010); горного дела (Н.Н. Захарова, 2014).

Изучение специальных текстов, отражающих процесс становления научных знаний и представлений об атмосферном явлении *ветер*, показывает, что наименования, денотативно ориентированные на компонент 'ветер', обнаруживают свою принадлежность к различным сферам естественнонаучных дисциплин: физике, географии, метеорологии, а также к профессиональным областям – военно-морскому флоту и сельскому хозяйству. Иными словами, к денотату <ветер> наиболее активно обращаются в тех научно-профессиональных отраслях, в деятельности которых этот природный феномен играет важную роль или является объектом исследования.

Единицы, репрезентирующие сведения об атмосферном явлении *ветер*, становились объектом внимания лингвистов при изучении состава ме-

теорологической лексики. Предпринятые исследования метеонимов¹ разноплановы, осуществлялись на основе различных типов организации лексико-семантических отношений: лексико-семантических и тематических групп, семантических полей (Т.В. Горячева, 1974; Л.Е. Щербакова, 1983; В.М. Касьянова, 1985; И.Н. Суспицына, 2000; Л.Р. Супрун-Белевич, 1987; О.А. Макушева, 1994; О.Б. Пойда, 1998; Е.Г. Мельникова, 2004; Е.В. Кузнецова, 2005; Е.В. Суравкина, 2011 и др.). К изучению привлекались как отдельные группы наименований, объединённых общим понятием, например, «атмосферные осадки», «снег», «дождь», «гроза», «ветер», так и вся совокупность метеолексики. Исследования метеорологической лексики выполнялись на материале общеупотребительных единиц, диалектных наименований и художественных текстов. Несколько слов, вошедших в русскую мореходную терминологию, рассматривались среди других терминов, заимствованных из германских языков (М.В. Попова, 2000); при анализе функционирования морской лексики в художественных текстах XIX–XX вв. (Н.М. Орлова, 1984); а также при исследовании военно-морской лексики русского языка в синхронном и диахронном аспектах (Л.В. Горбань, 2008).

Вопрос о формировании научных знаний об атмосферном явлении *ветер* и языковые способы их репрезентации до настоящего времени не рассматривался. Предлагаемое в данной работе комплексное исследование проблемы становления терминологических единиц, репрезентирующих

¹ Слова, обозначающие атмосферные явления.

знания о природном феномене ветер и составляющих научную периферию денотативного класса, осуществляется в рамках концепции фрагментации языковой картины мира на основе выделения денотативных классов, представленной Т.В. Симашко [18].

В период формирования терминологических систем, когда ещё не произошёл естественный (или искусственный) отбор «лучшего» термина, важно обратиться к контекстуальному окружению слова *ветер*. Именно контекст помогает выявить складывающиеся концептуальные признаки этого атмосферного явления, их языковую репрезентацию в устойчиво воспроизводимых конструкциях.

Ветер как физическое явление характеризуется совокупностью параметрических характеристик: силой, скоростью и направлением. В текстах конца XVII–XIX вв. концептуализация физико-параметрических свойств ветра широко представлена посредством глагольных конструкций и именных составных наименований, которые являются, как правило, частью отдельных предложений и обнаруживают вариативность языковых средств выражения. Выявленные в текстах глагольные и именные конструкции отражают динамические характеристики ветра с той лишь разницей, что в именных сочетаниях свойства ветра оцениваются безотносительно к процессуальной стороне. Например: *За ночь, вследствие **сильного ветра**, наши малые суда и галеры унесло из виду* [6, с. 196]. *... от **жестокого ветра** 5 галер разбило ...* [4, с. 454]. *Поелику ветер дует всегда почти с моря; то и случается; что отлив при **свежем** северном **ветре** часто совсем неприме-*

тен [15, с. 94]. Дело в том, что **восточные ветры** приносят сухую, южную погоду, а **западные** – пасмурную и дождливую [1, с. 261]. В глагольных же конструкциях акцентируется сам процесс движения воздуха: возникновение и прекращение ветра, смена его направления, усиление или уменьшение силы ветра относительно первоначального состояния и т. д. Например: *Днем **ветер усилился***. [6, с. 45]. ***Ветр** был зюйден, ... и **почал быть зело жесток***. ***Ветр** был зюйден, а пополуночи **стал переменяться к весту*** [11, с. 31]. ***Ветр** **сделался свежее**, SWtW* [15, с. 64]. *Вісной **ветры** **склоняються** ещ' **более к З.**, так что в марте и апреле **преобладает NW*** [1, с. 377].

В данной статье обратимся к особенностям концептуализации такой физико-параметрической характеристики ветра, как способность его движения относительно сторон света, получившей реализацию в языке посредством глагольных предложно-падежных конструкций. Основой этих конструкций выступают глаголы со значением 'движение, перемещение', которые выражают конститутивную характеристику ветра как процессуального явления природы, и предлоги с пространственной семантикой. Обобщённо эту информацию можно выразить в виде следующей концептуальной модели: $N_{Sb \text{ ветер}} + V_{\text{движение}} + P_{\text{направление движения}} + N_{Ob \text{ сторона света}}$. Данная концептуальная модель задаётся самой реальной ситуацией: наличием активного субъекта действия, характером направления, исходной и / или конечной точкой движения, каждая из которых или обе одновременно могут попасть в поле внимания автора¹.

¹ Автор – реальный производитель речи.

Например: *Ветр тогда стал быть по малу противнее и подался к Зюйду* [4, с. 32]. *Ветр ... в ночь стал подаваться к весту* [13, с. 1]. *Нижней ветер твердым телом будучи воспрящен переменяет течение в противную сторону* [2, с. 59]. *Подул ветер опять от НО и свирепствовал с прежнею силою, быв сопровождаем великим дождем* [15, с. 272]. ... преобладают 3. ветры, причем зимой *ветер* более *склоняется к С.*, а летом *к Ю.* [1, с. 377].

Выбор компонентов описываемой ситуации и их «композиция» позволяют установить не только концептуальную модель, описывающую направление движения ветра относительно сторон света, но и её коммуникативно-прагматические разновидности, отражающие авторское видение происходящего. Так, процесс смены направления движения ветра может быть представлен с учётом обозначения конечной точки¹ движения ветра: *ветер уклонился к западу*; может достигаться за счёт обозначения исходной и конечной точек движения ветра: *ветер от севера уклонился к северо-востоку* или только начальной точки – *задул ветер от севера*.

При описании смены направления ветра, когда эксплицируется одна из пространственных координат движения, информация о второй всегда присутствует, хотя и не имеет словесного выражения в тексте. Это объясняется физической природой ветра – смена его направления осуществляется всегда в заданном двумя точками про-

странстве. Поэтому, например, выражения *ветер переменился от оста к норду* и *ветер переменился к норду* реализуют одну и ту же концептуальную модель, различие же их состоит в способе языковой репрезентации, в частности, в имплицитном выражении начальной точки движения во втором примере.

В конструкциях, когда точкой отсчёта при описании направления ветра является та сторона света, откуда дует ветер, употребляются предлоги со значением, указывающим на исходную точку движения – *от* и *с / со*. Например: *В Греции или в Италии восстают в последних числах июля или августа месяцев ветры обыкновенно от севера* [7, с. 36–38]. ... *сделался ветер от ОСО*. *Ветер ... дул опять с южной стороны*. *Нечаянная перемена в теплоте воздуха предвозвестила ветер со стороны южной, который через несколько часов и последовал* [15, с. 106, 61, 128].

Наличие в глагольных предложно-падежных конструкциях информации об исходной (отправной) точке движения ветра без указания конечного пространственного параметра – *ветер дул от севера* – сближает их по семантике с именными структурами, которые также реализуют значение ‘направление ветра относительно сторон света’ (ср.: *северный ветер*).

Авторскую установку при описании процесса смены направления ветра, когда во внимание принимается конечная точка его движения, реализуют конструкции, в которых имя объекта обозначает ту сторону света, по направлению к которой осуществляется движение воздуха. Значение ‘направление движения’, как правило, выражается посредством предлога *к*. На-

¹ Под конечной точкой движения ветра, исходной (отправной) точкой движения ветра понимается пространственная координата, за которую принимается одна из сторон света (север, юг, запад, восток).

пример: *По утру ZZO силен, к полудню стал поворачиваться к весту ...* [12, с. 25]. *Ветр тогда стал быть по малу противнее и подался к Зюйду* [5, с. 32]. *Отошел ветер к NO и дул довольно сильно. Сделался ветр западный и час от часу уклонялся к северу. Ветр отходил к востоку и был очень свеж* [15, с. 47, 61, 71].

Исторически сформировавшееся пространственное значение предлога *к* – ‘приближение, направление к чему-либо’ – вполне объясняет его продуктивное использование в глагольных предложно-падежных конструкциях, репрезентирующих это представление. В единичных случаях в подобных конструкциях используются предлоги *на* и *в*, которые также могут реализовывать значение ‘направление движения ветра к определённой стороне света’: *К вечеру ветер перешел на восточный. Ветер повернул на ост, и весь флот поставил паруса* [6, с. 193, 195]. *Благоприятствовавший нам по утру ветр переменялся в NW ой, и был довольно свеж с крепкими порывами* [16, с. 151].

Отметим, что различие синтагматических отрезков с предлогами *к*, *на* и *в* обусловлено внутриязыковыми законами, в частности, семантическим потенциалом используемых глаголов, их сочетаемостными возможностями. Один и тот же глагол со значением ‘движение / перемещение’ может быть употреблён с разными пространственными предлогами (*к*, *в*, *на*). Значение конструкции при этом не меняется: внимание автора сосредоточено на том, как ветер меняет своё направление. Например: *По утру ZZO силен, к полудню стал поворачиваться к весту ...* [12, с. 25]. *Ветер повернул на ост ... К вечеру ветер перешел на*

восточный ... Вечером ветер перешел к SSO ... [6, с. 195, 43]. *Ветр стал OZO лабаркулт, и переменялся к зюйду* [5, с. 83]. *... ветер от OSO переменялся на WSW ...* [15, с. 279]. *... ветер переменялся в NW ой ...* [16, с. 151].

Как показывает материал, глагольные предложно-падежные конструкции, в которых при описании смены направления ветра относительно сторон света обозначаются либо начальная, либо конечная точка движения, устойчиво воспроизводятся в специальных текстах вплоть до конца XIX в., в том числе в текстах научного стиля: *Шамсин ... дует от Ю. и ЮЗ. через сухия песчанья степи в Египте* [10, с. 68–69]. *В это время года можно было ожидать теплых ветров с Юга ... Весной ветры склоняются еще более к С., так что в марте и апреле преобладает NW. Летом ветры переходят в ВЮВ и ЮВ* [1, с. 17, 377, 359].

Тенденция использования конструкций, информирующих о конечной точке движения ветра, сохраняется и в первой половине XX в. Так, сочетание глагола *уклониться* с предлогом *к* в значении ‘смена направления движения ветра’ встречается, например, в Морском словаре, где эта конструкция употребляется при объяснении значения специальных выражений – *ветер заходит, ветер отходит*. Первое из них толкуется так: *направление ветра уклоняется к носу*; а второе – *направление ветра уклоняется к корме ...* [17, с. 167–168]. В приведённых конструкциях реализуется рассматриваемая концептуальная модель, однако происходит спецификация объектов, относительно которых перемещается ветер. Объектами в них выступают не стороны

света, а противоположные части судна: нос и корма. Обратим внимание на то, что ограничение судна размером, однозначность противопоставления передней и задней его частей, подобно противопоставлению сторон света, создают условия для элиминирования одного из компонентов. Поэтому без ущерба для смысла в выражении *ветер заходит* имплицитно представлен компонент 'корма', а в выражении *ветер отходит* – 'нос'.

Процесс смены направления ветра может быть описан с помощью конструкций, в которых одновременно обозначены исходная и конечная точки движения ветра. В этом случае используются предлоги *от / из*, которые обозначают исходную точку движения ветра, и предлоги *к / в / на*, указывающие на конечную точку. Наличие в конструкции информации о двух объектах позволяет представить пространственную картину движения ветра в целостности его перемещения. Для описания пространственных координат наиболее частотным является сочетание предлогов *от ... к*. Например: *... ветер переменялся от оста к норду и от норда к осту* [14, с. 5]. *Ветр был самый слабый от остной квартиры, а к вечеру к зюйду подался* [5, с. 96]. *Отходил ветр часто от севера к югу ... Начал отходить ветр от NO к N* [15, с. 376, 374]. В единичных случаях употребляются семантические предложные связки *из ... в* и *от ... на*, например: *Переменился ветр из NO в NNW. Ветр от OSO переменился на WSW ...* [15, с. 326, 279].

Концептуальная модель со значением 'направление / смена направления движения ветра относительно сторон света', может реализовать особое пред-

ставление о направлении движения ветра – в промежутке, который назван именами сторон света. Специфика таких описаний заключается в том, что обозначенные в них пространственные координаты указывают не на начальную и конечную точки движения ветра, а на ограничение движения (проявления) ветра в пространстве между указанными точками. Например: *По полудни стал маленький ветер между зюйда и веста, а к вечеру наки стихло. В 10 день ветр был тихий меж N и O ...* [5, с. 97, 83]. *Ветр был меж норда и оста, а под вечер норд-вест и норд-вестен-норден. Пополудни стал маленькой ветер между зюйда и веста, а к вечеру наки стихло* [13, с. 1, 11]. *... ветр несколько утих, но все дул еще меж W и WNW ...* [15, с. 37].

Промежуточные координаты оформляются в контекстах посредством предлога *между* (*меж / между*) со значением, указывающим на ограничение движения в пространстве. Репрезентация компонентов данных конструкций не богата разнообразием языковых форм выражения. Ограниченно представлены не только предлоги, но и глаголы, репрезентирующие компонент 'движение / перемещение'. Один из них – глагол *дул* – способен выражать признак 'движение' в самом обобщённом виде. Два других – *стал* и *был* – это глаголы ещё большей степени абстракции, включающие семы 'существование, начало, возникновение'. Связь этих глаголов с предлогами и именами объектов намного теснее, чем, например, у глаголов *переменился, повернул, склоняются*, которые используются в конструкциях, описывающих смену направления ветра. Поэтому реализация значения 'про-

явление движения ветра в ограниченном пространстве¹ возможна лишь при условии языковой репрезентации всех компонентов концептуальной модели: ... *стал ветер меж Оста и Норда, а остался более к Осту* [4, с. 431]. Заметим, что осмысление и описание промежуточных направлений ветра является существенным моментом при характеристике понятия «направление ветра». В современной навигационной практике согласно румбовой системе координат промежуточные направления ветра определяются как направления, находящиеся между главными и четвертными румбами. Важность этой информации подтверждается и тем, что в диалектах сохраняется множество наименований так называемых ветров-межников¹, обозначающих движение ветра в определённом пространственном промежутке. Например, у беломорских поморов устойчиво сохраняются наименования ветров-межников: *меж севера полуношник* (северо-северо-восточный ветер. – Авторы), *меж востока полуношник, меж вјстока обедник* (восточно-юго-восточный ветер. –) и др. [3, с. 93, 91, 90].

Итак, постоянным компонентом во всех рассмотренных глагольных предложно-падежных конструкциях является активный деятель, который выражается именем *ветер* (вариантами *ветр* и *погода*, названием местных ветров, например, *фён*). Все остальные компоненты демонстрируют в текстах значительную степень вариативности, которая обусловлена, с одной стороны, объективно заданными параметрами коммуникативной ситуации, в которую

включён автор-наблюдатель, а с другой – отсутствием устоявшихся языковых форм для именования того или иного компонента. В целом такое положение дел как раз и отражает общую тенденцию этапа становления терминологических систем, когда формируются научно-профессиональные знания, понятия и представления об атмосферном явлении *ветер* и происходит выбор языковых форм их выражения.

Так, вариативность глагольных форм (ср.: предикат реализуется в одном из глаголов со значением ‘движение’ – *стал поворачиваться, стал подаваться / подался, отошёл / пошёл / отходил / зашёл, переменялся, уклонился / склонился / склоняется* и т. д.) при описании направления и смены направления движения ветра обусловлена развитостью в исследуемую эпоху синонимических рядов, а также отсутствием в профессиональной среде сложившихся устойчивых синтагматических сочетаний слова *ветер* с глаголами движения (перемещения в пространстве).

Значение ‘движение’ ветра относительно сторон света может передаваться глагольными формами – причастием и деепричастием, что не меняет структуру и общее смысловое наполнение конструкций. Например: *Ветр был от веста, переменясь мало к зюйду и норду* [5, с. 98]. ... *оставили мы рейд ... при свежем северном ветре, склонившемся через несколько часов к востоку. Господствующий между сими островами пасадный ветер есть SO, отходящий на несколько румбов к О и S; но бывает иногда и SW довольно продолжителен* [15, с. 46, 182].

Номинация объекта действия, называющего сторону света, относи-

¹ *Межник* – общее название вторых восьми румбов компаса или соответствующих им ветров [3, с. 92].

тельно которой ветер меняет своё направление, обусловлена описываемой реальной ситуацией и также характеризуется вариативностью языковой репрезентации, которая связана с употреблением исконных и заимствованных наименований сторон света, их аббревиальных соответствий, местных номинаций и метафорически переосмысленных выражений. Приведём примеры вариативных обозначений объекта действия при описании северного направления ветра или процесса смены направления ветра на северный: *По утру **ветр стал поворачиваться к северу**, ... [13, с. 10]. ... господствуют там **ветры** больше от **севера** ... [9, с. 351–352]. ... при **сделавшемся** весьма слабым **прямо от N ветра**, не надеялся пройти между островами ... [16, с. 111]. Зимой **направление ветра** более **склоняется к С.**, а летом к Ю. [1, с. 377]. Найдены там красные деревья, как Аглинские, с корнями и сучьями, кои по самой вероятности донесли **ветры** туда с Тихого моря от **полуночи** [9, с. 384]. **Ветр был от северной квартиры** ... [5, с. 102]. Как видно из примеров, в период становления терминологических систем формируемое понятие, может иметь несколько форм языкового выражения – несколько вариантов, которые, с одной стороны, демонстрируют эволюцию научного знания, с другой – показывают возможности для естественного исторического выбора языковой формы будущего термина. Продемонстрированные факты отражают одну из характерных черт формирующихся терминологий – представление научного понятия серией терминов, терминологическим рядом, пучком обозначений-аналогов [8, с. 85].*

Таким образом, анализ специальных источников конца XVII–XIX вв. показывает, что такая динамическая характеристика ветра, как направление его движения относительно сторон света, может быть представлена в виде концептуальной модели, образованной именем *ветер*, глаголом со значением ‘движение / перемещение’, пространственным предлогом и объектами, называющими сторону света, относительно которой определяется направление ветра. Авторская коммуникативно-прагматическая установка, отражённая в описаниях направления / смены направления ветра, обусловлена тем, насколько важным представляется наблюдателю обозначение обеих точек пространственных координат или лишь одной из них. В целом в текстах рассматриваемого периода обнаруживается тенденция к снижению частотности глагольных конструкций. Происходит это на фоне всё большего распространения альтернативных морфолого-синтаксических именных вариантов (*западный ветер*, т. е. дующий от запада, *восточный*, *юго-западный* и т. п.).

Формирующийся термин с позиции формального выражения тяготеет к компактной «оболочке», поэтому описательные многословные конструкции, обозначающие определённое понятие, постепенно сменяются более «экономными» вариантами. На примере наименований понятия «направление / смена направления ветра» эта тенденция наблюдается к концу XIX в., когда глагольные предложно-падежные конструкции, вытесняются именными сочетаниями, которые, если оценивать с позиции современного состояния, представляют продуктивный тип терминологических обозначений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воейков А.И. Климаты земного шара. В особенности России. СПб.: Издание картографического заведения А. Ильина, 1885. 640 с.
2. Волфиянская экспериментальная физика с немецкого подлинника на латинском языке сокращённая, с которого на русский язык перевёл Михайло Ломоносов. СПб.: Императорская Академия наук, 1760. 221 с.
3. Дуров И.М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья / под ред. и с дополнениями Н. Виноградова. о. Соловки: 1929. 180 с.
4. Журнал или поденная записка, блаженные и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира. СПб.: Императорская Академия Наук, 1770. Часть 1. 460 с.
5. Журнал или поденная записка, блаженные и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира. СПб.: Императорская Академия Наук, 1772. Часть 2 (отдел 1). 763 с.
6. Записки Юста Юля. Датского посланника при Петре Великом. 1709–1711 / извлек из Копенгагенского Государственного Архива и перевел с Датского Ю.Н. Щербачев. М.: Университетская типография, 1900. 890 с.
7. Крафт Г. Краткое руководство к математической и натуральной географии с употреблением земного глобуса и ландкарт. СПб.: Императорская Академия Наук, 1739. 542 с.
8. Кутина Л.Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 82–94.
9. Ломоносов М.В. Слово о явлениях воздушных от электрической силы происходящих // Полное Собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений: в 3 ч. СПб.: Императорская Академия Наук, 1803. Ч. 3.
10. Ободовский А. Физическая география. СПб: Типография И. Глазунова и К°, 1838. 111 с.
11. Походный журнал. 1714 год. СПб., 1854. 160 с.
12. Походный журнал. 1715 год. СПб., 1855. 80 с.
13. Походный журнал. 1719 год. СПб., 1855. 145 с.
14. Походный журнал. 1721 год. СПб., 1855. 76 с.
15. Путешествие вокруг света в 1803, 4 и 1806 годах. По повелению его Императорского Величества Александра Первого на кораблях Надежде и Неве. СПб.: Морская типография, 1809. Часть первая. 388 с.
16. Путешествие вокруг света в 1803, 4 и 1806 годах. По повелению его Императорского Величества Александра Первого на кораблях Надежде и Неве. СПб.: Морская типография, 1810. Часть вторая. 471 с.
17. Самойлов К.И. Морской словарь: в 2 ч. М.; Л.: Государственное Военно-морское Издательство НКВМФ Союза ССР, 1939–1941. 644 с.
18. Симашко Т.В. Денотативный класс как основа описания фрагмента мира: монография. Архангельск: Издательство Поморского государственного университета, 1998. 337 с.

REFERENCES

1. Voeikov A.I. *Klimaty zemnogo shara. V osobennosti Rossii* [The climates of the globe. In particular, Russia]. St. Petersburg, Cartographical edition places of A. Ilyin Publ., 1885. 640 p.

2. *Vol'fiyanskaya eksperimental'naya fizika s nemetskogo podlinnika na latinskom yazyke sokrashchennaya, s kotorogo na rossiiskii yazyk perevel Mikhailo Lomonosov* [The Wolf's experimental physics of the German origin in Latin was edited, from which Mikhailo Lomonosov translated into Russian.]. St. Petersburg, the Imperial Academy of Sciences Publ., 1760. 221 p.
3. Durov I.M. *Opyt terminologicheskogo slovarya rybolovnogo promysla Pomor'ya* [The experience of the terminological vocabulary of the fishing industry in Pomorie]. The island of Solovki, 1929. 180 p.
4. *Zhurnal ili podennaya zapiska, blazhennyya i vechnodostoinyya pamyati gosudarya imperatora Petra Velikago s 1698 goda, dazhe do zaklyucheniya Neishtatskago mira* [A journal or a daily note, blessed and everlasting memory of the Emperor Peter the Great from 1698, even before the conclusion of the Neustadt peace]. St. Petersburg, the Imperial Academy of Sciences Publ., 1770. Part 1, 460 p.
5. *Zhurnal ili podennaya zapiska, blazhennyya i vechnodostoinyya pamyati gosudarya imperatora Petra Velikago s 1698 goda, dazhe do zaklyucheniya Neishtatskago mira* [A journal or a daily note, blessed and everlasting memory of the Emperor Peter the Great from 1698, even before the conclusion of the Neustadt peace]. St. Petersburg, the Imperial Academy of Sciences Publ., 1772. Part 2 (division 1), 763 p.
6. Shcherbachev Yu.N., comp. and transl. *Zapiski Yusta Yulya. Datskogo poslannika pri Petre Velikom. 1709–1711* [Notes of Justus Juliy. Danish envoy under Peter the Great. 1709–1711]. Moscow: University printing house, 1900. 890 p.
7. Kraft G. *Kratkoe rukovodstvo k matematicheskoi i natural'noi geografii s upotrebleniem zemnogo globusa i landkart* [A brief guide to the mathematical and natural geography with the use of the terrestrial globe and landqart]. St. Petersburg, the Imperial Academy of Sciences Publ., 1739. 542 p.
8. Kutina L.L. *Yazykovye protsessy, vznikayushchie pri stanovlenii nauchnykh terminologicheskikh sistem* [Linguistic processes arising from the formation of scientific terminology systems]. Moscow, Nauka Publ., 1970. pp. 82–94.
9. Lomonosov M.V. [The word on the phenomena of air from the occurring of the electric force]. In: *Polnoe Sobranie sochinenii Mikhaila Vasil'evicha Lomonosova s priobshcheniem zhizni sochinitelya i s pribavleniem mnogikh ego nigde eshche ne napechatannykh tvoreniy* [The complete works of Mikhail Lomonosov with the initiation of the life of writer and added many never printed works]. St. Petersburg, the Imperial Academy of Sciences Publ., 1803. Part 3.
10. Obodovskii A. *Fizicheskaya geografiya* [Physical geography]. St. Petersburg, I. Glazunov's printing house and Co., 1838. 111 p.
11. *Pokhodnyi zhurnal. 1714 god* [Camping journal. 1714]. St. Petersburg, 1854. 160 p.
12. *Pokhodnyi zhurnal. 1715 god* [Camping journal. 1715]. St. Petersburg 1855. 80 p.
13. *Pokhodnyi zhurnal. 1719 god* [Camping journal. 1719]. St. Petersburg, 1855. 145 p.
14. *Pokhodnyi zhurnal. 1721 god* [Camping journal. 1721]. St. Petersburg, 1855. 76 p.
15. *Puteshestvie vokrug sveta v 1803, 4 i 1806 godakh. Po poveleniyu ego Imperatorskago Velichestva Aleksandra Pervago na korablyakh Nadezhde i Neve* [Travel around the world in 1803, 4 and 1806. By order of his Imperial Majesty Alexander the First on the ships Nadezhda and Neva]. St. Petersburg, Marine printing house, 1809. Part one, 388 p.
16. *Puteshestvie vokrug sveta v 1803, 4 i 1806 godakh. Po poveleniyu ego Imperatorskago Velichestva Aleksandra Pervago na korablyakh Nadezhde i Neve* [Travel around the world in 1803, 4 and 1806. By order of his Imperial Majesty Alexander the First on the ships Nadezhda and Neva]. St. Petersburg, Marine printing house, 1810. Part two, 471 p.

17. Samoilov K.I. *Morskoj slovar': v 2 ch.* [Marine Dictionary: in 2 vol.]. Moscow–Leningrad, State Naval Publishing House of the People's Commissariat of the Navy of the USSR, 1939–1941. 644 p.
18. Simashko T.V. *Denotativnyi klass kak osnova opisaniya fragmenta mira* [Denotative class as the basis of the description of a fragment of the world]. Arkhangelsk, Pomor State University Publ., 1998. 337 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маслова Марина Николаевна – аспирант кафедры общего и германского языкознания Северного (Арктического) федерального университета, филиал в г. Северодвинске;

e-mail: m.n.maslova@mail.ru

Симашко Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и германского языкознания Северного (Арктического) федерального университета, филиал в г. Северодвинске;

e-mail: simashkotv@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina N. Maslova – postgraduate student at the Department of General and Germanic Linguistics, Northern (Arctic) Federal University, Severodvinsk branch;

e-mail: m.n.maslova@mail.ru

Tatyana V. Simashko – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of General and Germanic Linguistics Northern (Arctic) Federal University, Severodvinsk branch;

e-mail: simashkotv@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маслова М.Н., Симашко Т.В. Формирование концептуальной модели и стабилизация форм выражения её компонентов в специальных текстах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 62–72

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-62-72

FOR CITATION

Maslova M.N., Simashko T.V. Conceptual model development and stabilization of the ways, which signify its components in specialized texts. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 62–72

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-62-72

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-73-82

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫХ СРАВНЕНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПОЭТОВ

Правда Е.А.*Воронежский государственный педагогический университет
394043, г. Воронеж, ул. Ленина, д. 86, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена проблеме описания развёрнутых сравнений с присоединительными отношениями в языке русской поэзии. Автор обосновывает необходимость изучения сравнений данного типа и целесообразность использования для их именования термина «присоединительные сравнения», уточняет состав маркеров присоединительных сравнений. Далее в работе анализируются когнитивные особенности присоединительных сравнений, выясняются смысловые различия между постпозитивными и препозитивными присоединительными сравнениями. Особое внимание автор уделяет описанию стилистических эффектов, которые возникают в текстах произведений русских поэтов при использовании присоединительных сравнений.

Ключевые слова: сравнение, присоединительные отношения, присоединительное сравнение, маркер сравнения, препозитивное сравнение, постпозитивное сравнение.

FUNCTIONAL FEATURES OF CONJUNCTIVE COMPARISONS IN THE WORKS OF RUSSIAN POETS

Pravda Y.A.*Voronezh State Pedagogical University
86 Lenin St., Voronezh, 394043, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the problem of describing the detailed comparisons with the conjunctive relations in the language of Russian poetry. The author justifies the need to study comparisons of this type and the appropriateness of using the term “conjunctive comparisons” for their naming, clarifies the composition of the markers of conjunctive comparisons. Next, the work analyzes the cognitive features of conjunctive comparisons, clarifies the semantic differences between postpositive and prepositive variants. The author pays special attention to describing the stylistic effects that arise in the texts of Russian poets when using conjunctive comparisons.

Key words: comparison, conjunctive relations, conjunctive comparison, marker of comparison, prepositive comparison, postpositive comparison.

Сравнения, создаваемые в художественной речи писателями и поэтами, могут иметь разную грамматическую форму (перечни этих форм см., напр., в работах [10, с. 400; 4, с. 225; 9, с. 327; 6, с. 3]). Из соответствующих типов сравнений в

центре внимания исследователей оказываются чаще всего конструкции со сравнительными оборотами и придаточными сравнительными частями (см., напр., диссертационные исследования И.К. Кучеренко, А.Г. Руднева, Н.А. Широковой, М.И. Черемисиной, Е.Т. Черкасовой, Ф.В. Даутия, М.Н. Крыловой, Н.Л. Ермакова) или устойчивые сравнения, которые в своём большинстве являются также сравнительными оборотами с союзом *как* (см., напр. [8; 6; 7; 1]). Что касается других конструктивных типов сравнений, то они изучены гораздо меньше.

К этим последним относятся и сравнения, которые называют «сочинёнными» [2, с. 320] или «спадающими» [4, с. 225]. Части таких сравнений представляют собой синтаксически автономные конструкции, при этом во второй части есть местоименные слова, выступающие в роли сочинительных союзов; чаще всего это слово *так*. В сравнениях данного типа уподобляются друг другу целые картины или сюжеты. Такие сравнения весьма распространены в русской поэзии: их часто употребляют И.А. Крылов, А.С. Пушкин, А.В. Кольцов, Н. Гумилёв, А. Ахматова, В. Гордейчев; встречаются они у А. Плещеева, Е. Баратынского, А. Блока, В. Маяковского, М. Цветаевой, Н. Заболоцкого, О. Берггольц, Р. Ивнева, В. Высоцкого и других поэтов. Например: *Словно море, тобой прибываю, – Так прилив в створы бухты валит* (В. Гордейчев. Словно море, тобой прибываю...).

Учитывая, что части сравнений данного типа объединяются присоединительными смысловыми отношениями (ср. [9, с. 327]), назовём эти речевые

построения **присоединительными сравнениями** (далее – ПС).

В работах исследователей можно найти отдельные замечания, касающиеся строения и функционирования ПС. Указывается на то, что эти сравнения отличает развёрнутый характер (ср. [9, с. 327]), что коррелирует с сравнениями (второй компонент) «приобретает некую самооценку, хотя он приведён только для того, чтобы пояснить и разъяснить самый предмет» [11, с. 208], что синтаксическая и смысловая автономность частей ПС сближает эти сравнения с антитезой [4, с. 225]. Однако подробно особенности функционирования ПС в художественном поэтическом тексте, по нашим наблюдениям, ещё не исследовались.

Рассмотрим эти особенности ПС на материале 100 примеров, выбранных из произведений русских поэтов.

Прежде всего отметим, что на наличие присоединительных отношений в ПС может указывать не только слово *так*, но и другое исторически родственное ему местоименное слово. Например: *Мартышка, в Зеркале увидя образ свой, Тихохонько Медведя толк ногой ... Таких примеров много в мире...* (И.А. Крылов. Зеркало и Обезьяна). В некоторых случаях союзную связь частей ПС усиливает повтор слова, употребление однокоренного или синонимичного средства выражения. Например: *Он смотрит на них, он любит их ими, жалеет* немного, – *так юного сына жалеет* суровый и мудрый отец (О. Берггольц. Первороссийск); *На мне печать свою тюрьма Оставила... Таков цветок темничный...* (М.Ю. Лермонтов. Мцыри).

Основное назначение ПС, – как и сравнений, выраженных другими

грамматическими средствами, – заключается в создании образной выразительности речи (ср. [10, с. 400]), в закреплении разнообразных ассоциаций, возникающих у автора [5]. При этом исследователи различают «описательно-изобразительные» и «эмоционально-выразительные» функции сравнений [12, с. 124]. Анализ нашего материала подтверждает эти наблюдения и показывает, что разделить указанные функции у ПС трудно: сравнения могут одновременно рисовать какой-либо зрительный образ, усиливать эмоциональное состояние и при этом создавать какой-либо дополнительный эффект (комический или др.). Ярким примером является сравнение из поэмы И.С. Тургенева «Помещик» в эпизоде, когда жена главного героя настигает его на пути к любовнице и возвращает домой: *Теперь везёт его домой Она для грозного расчёта... Так ястреб ловкий и лихой Уносит селезня с болота.*

Как показывают наши наблюдения, в большинстве случаев ПС создаются для образной характеристики людей или других явлений из сферы человека (см. примеры выше). Иногда предметом сравнений могут быть и явления из сферы окружающего мира и артефактов. Например: *Художник-варвар кистью сонной Картину гения чернит. И свой рисунок беззаконный Над ней бессмысленно чертит. Но краски чуждые, с летами, Спадают ветхой чешуей; Создание гения пред нами Выходит с прежней красотой. Так исчезают заблужденья С измученной души моей, И возникают в ней виденья Первоначальных, чистых дней* (А.С. Пушкин. Возрождение).

Образ, создаваемый в присоединяемой части, также может быть связан с миром людей или с миром окружающей природы и артефактами. В примерах первого разряда преобладают случаи, когда сравнение производится с каким-либо типичным представителем определённой группы людей. О таких сравнениях у Тургенева В.И. Дьяконов написал, что в них «воспоминанию придаётся обычно та или иная степень конкретности, но не до полного отождествления с непосредственной действительностью» [3, с. 90]. Обобщающий характер компаративной части может подчёркиваться присутствием в ней слов *иногда, порой* и под. Например: *И может быть, вы дружеский привет Пошлите мне, исполнены участия, Чтоб, лаской той утешен и согрет, Мой дух не мог утратить веры в счастье... Так на чужбине пленнику порой Отрадна песнь страны его родной!* (А.Н. Плещеев. Перед отъездом). Однако и без специальных слов обобщённый характер вторых компаративных частей передаётся благодаря использованию глагольных форм несовершенного вида настоящего времени. Например: *Прерывно пенье, Так плачет во сне младенец* (Н. Гумилёв. Дева-птица); *Вы предназначены не мне. Зачем я видел Вас во сне? Бывает сон – всю ночь один: Так видит Даму паладин, Так раненому снится враг, Изгнаннику – родной очаг, И капитану – океан, И деве – розовый туман...* (А. Блок. Две надписи на сборнике) – см. также примеры выше.

В целях обобщения в присоединяемой части может говориться о людях вообще или о многих из них. Например: *Он мне сказал: «Я верный друг!» И моего коснулся платья. Так не похожи*

на объятья Прикосновенья этих рук. Так *глядят* кошек или птиц, Так на наездниц *смотрят* стройных... (А. Ахматова. Вечером).

Обобщение может усиливать описываемые черты, признаки предмета сравнения – например, бледность лиц и застывший взгляд матросов-призраков легендарного корабля «Летучий Голландец» в стихотворении Н. Гумилёва «Капитаны»: *Как смерть, бледны его товарищи, У всех одна и та же дума. Так смотрят трупы на пожарище, Невыразимо и угрюмо.*

В некоторых случаях сравнение производится с картинами, в которых действуют конкретные лица. Чаще всего это исторические или мифологические персонажи. Например: *Смотри – материнской тоскою полна, за дымной грядюю осады, не сводит очей воспаленных страна с защитников Ленинграда. Так некогда, друга отправив в поход, на подвиг тяжёлый и славный, рыдая, глядела века напролёт со стен городских Ярославна* (О. Берггольц. Я буду сегодня с тобой говорить...). Такие сравнения создают временную и пространственную перспективу, объёмность текста.

Среди ПС с присоединяемой частью, отсылающей к сфере окружающего мира, обращают на себя внимание сравнения с ситуациями, в которых действуют животные. Характеристика человека, осуществляемая посредством сравнения с животными, может содержать оценку. Здесь различаются три группы примеров:

1) «ухудшающие» сравнения – передающие уничижительный оттенок смысла, вызывающие комический эффект. Например: *Спала на парте Мэри Весь день, по крайней мере, – В берло-*

гах так медведи спят И сонные тетери (В. Высоцкий. Про Мэри Энн); ср. также приведённое выше сравнение из поэмы И.С. Тургенева «Помещик»;

2) «улучшающие» сравнения – возвеличивающие, возвышающие предмет сравнения. Ср.: *Народность наша поднялась. И страшная России сила Проснулась, взвихрилась, взвилась. То конь степной, когда, с натуги, На бурном треснули подпруги, В зубах хрустели удила, И всадник выбит из седла!* (Ф.Н. Глинка. 1812-й год);

3) «сочувственные» сравнения – сравнения, в которых проводится аналогия с состоянием и поведением животных, попавших в критические ситуации, что вызывает жалость к живому существу и тем самым усиливает чувства, переживания, эмоциональное напряжение персонажа. Ср.: *Глухая дверь, окно слепое, Ты можешь слышать голос мой: Так бык пронзённый, землю роя, Ревёт, а вокруг собачий вой* (Н. Гумилёв. Рондолла).

ПС с явлениями природы создаются для образной характеристики людей, ср.: *Она уютно незамысловата, Обезоруживающе проста. Целую я растроганно и свято Её покорствующие уста. В своих противоречьях гармонична И в низостях невинных высока, В своей обыденности необычна, Она ведь та, кого я так ласкал! Вот так ручей щебечет на поляне, А поглядишь – его почти и нет* (И. Северянин. Одна встреча). Сравнения с явлениями природной стихии, как правило, используются для характеристики состояний, переживаний или размышлений людей. Например: *Словно море, тобой прибываю, – так прилив в створы бухты валит* (В. Гордейчев). С помощью подобных сравне-

ний поэты живописуют даже смерть. Например: *...Поэт Роняет молча ни-столеет ... На грудь кладёт тихонько руку И падает. Туманный взор Изображает смерть, не муку. Так медленно по скату гор, На солнце искрами блистая, Спадает глыба снеговая* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин).

Среди ПС есть примеры с присоединяемыми частями, в которых описаны предметы или артефакты. Эти ситуации привлекаются для пояснения, образного изображения каких-либо состояний или переживаний людей. Ср.: *С мерцающих строк бытия Ловлю я забытую фразу... Фонарь свой не водит ли тать По скопищу литературных? Мне фразы нельзя не читать, Но к ней я вернуться не в силах... Не вспыхнуть ей было невмочь, Но мрак она только тревожит: Так бабочка газа всю ночь Дрожит, а сорваться не может...* (И. Анненский).

В произведениях А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова встретилось несколько ПС с образами растений. Интересно, что во всех случаях имеются в виду молодые растения или ещё только их ростки, и их изображение привлекается для характеристики молодых людей; например: *Послушайте ж меня без гнева: Сменит не раз младая дева Мечтами лёгкие мечты; Так дерево свои листы Меняет с каждою весною* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин).

В зависимости от порядка следования предмета (того, что сравнивается) и коррелята сравнения (того, с чем сравнивается) сравнения делят на «препозитивные» и «постпозитивные» [3, с. 90]. Такие же типы можно обнаружить и у ПС. Исследователями замечено, что в большинстве случаев ПС имеют постпозитивный характер: в

них «сначала даётся предмет, а потом, когда исчерпана тема, относящаяся к предмету, после союзного слова *так* следует образ» [11, с. 207]. Преобладают постпозитивные ПС и в нашем материале (см. примеры выше). Как показали наблюдения, предметами сравнения в подавляющем большинстве случаев являются люди, связанные с ними ситуации и другие явления из сферы человека, и лишь несколько примеров содержат сравнения натурфактов и артефактов.

Препозитивные ПС встречаются реже, чем сравнения постпозитивные, однако тоже довольно распространены в русской поэзии. Такие сравнения Б.В. Томашевский назвал «опрокинутыми» [11, с. 208]. В этих сравнениях, говоря словами В.И. Дьяконова, «препозитивный образ ... представляет непосредственное восприятие частного случая» [3, с. 90]. Частный, конкретный образ как бы наводит на следующую за ним главную мысль, которая в логическом отношении является предметом сравнения. Например: *Чудный град порой сольётся Из летучих облаков; Но лишь ветер его коснётся, Он исчезнет без следов! Так мгновенные созданья Поэтической мечты Исчезают от дыхания Посторонней суеты* (Е. Баратынский. Чудный град порой сольётся...). Интересно, что в нашем материале в качестве предметов сравнений в препозитивных ПС выступают только люди и явления из сферы человека. Их обозначения во второй части компаративной конструкции может иметь как обобщающий, так и конкретизирующий характер.

В большинстве случаев вторая часть сравнения в препозитивных ПС содержит указание на обобщённого

представителя или представителей той или иной группы людей, которым свойственно то или иное качество, и имеет характер определённого наблюдения, обобщения. Ср.: *Увы! на жизненных браздах Мгновенной жатвой поколенья, По тайной воле провиденья, Восходят, зреют и падут; Другие им вослед идут... Так наше ветреное племя Растёт, волнуется, кипит И к гробу прадедов теснит* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин); см. также примеры выше.

Обобщающее наблюдение, которое содержится в присоединяемой части препозитивного ПС, может выступать в качестве вывода, содержащего (или подразумевающего) определённую мораль, назидание. Ср.: *...Теперь родных ножен, избитых на войне, Лишён героя спутник бедный, Игрушкой золотой он блещет на стене – Увы, бесславный и безвредный! Никто привычною, заботливой рукой Его не чистит, не ласкает, И надписи его, молясь перед зарёй, Никто с усердьем не читает... В наш век изнеженный не так ли ты, поэт, Своё утратил назначенье, На злато променяв ту власть, которой свет Внимал в немом благоговенье?* (М.Ю. Лермонтов. Поэт).

Эту особенность препозитивных ПС широко использовал И.А. Крылов. Многие его басни по структуре представляют собой препозитивное ПС: сначала в комическом ключе повествуется о каком-то нравоучительном случае из жизни олицетворяемых животных или предметов, а затем проводится аналогия с миром людей, с отдельными (или многими) носителями подобных отрицательных черт. Например: *Навозну кучу разрывая, Петух нашёл Жемчужное зерно И говорит:*

«Куда оно? Какая вещь пустая! Не глупо ль, что его высоко так ценят? А я бы право, был гораздо боле рад Зерну Ячменному: оно не столь хоть видно, Да сытно». Невежи судят точно так: В чём толку не поймут, то всё у них пустяк (И.А. Крылов. Петух и жемчужное зерно). В заголовки басен обычно вынесены корреляты препозитивных сравнений. Ср.: «Мартышка и очки», «Бритвы», «Лисица и осёл», «Ворона и курица», «Камень и червяк», «Пруд и река», «Мор зверей», «Свинья под дубом», «Гребень», «Зеркало и обезьяна», «Мельник», «Лягушка и Юпитер», «Хмель», «Собачья дружба», «Волк и мышонок», «Обоз», «Голик».

В препозитивных ПС первая, образная, их часть может подводить к утверждению о каком-либо единичном, конкретном лице. В некоторых случаях это лирический герой, и тогда сравнение служит для художественного описания его состояния, чувств, мыслей и т. д., для уточнения и дополнения каких-то конкретных ситуаций. Например: *Меж сплетниц набожных, самодовольных франтов, Зброшено судьбой, как перл в песке морском, Найдётся существо и с чувством и с умом; Согреет вас его приветливое слово, И вы на остальных махнуть рукой готовы. Так было и со мной...* (А. Плещеев. Листок из дневника).

У А.С. Пушкина и Д.В. Давыдова есть препозитивные ПС со знакомыми людьми, современниками, которые служат целям создания шутливой аналогии, граничащей с пародией, шаржем. Ср.: *Киплю, люблюсь на тебя, Глядя на прыть твою младую: Так старый хрыч, цыган Илья, Глядит на пляску удалую, Под лад плечами шевеля* (Д. Давыдов. Герою битв...).

По объёму присоединяемой части и смысловому соотношению частей ПС можно разделить на три группы.

Первую группу составляют сравнения, в которых присоединяемая часть лаконична, по объёму значительно меньше первой части. В этом случае вторая часть обычно выступает как итог, как некий предлагаемый автором вывод; подобные концовки в присоединительных сравнениях часто содержат философское обобщение. Ср.: *Я не люблю тебя; страстей И мук умчался прежний сон; Но образ твой в душе моей Всё жив, хотя бессилён он; Другим предавшись мечтам, Я всё забыть его не мог; Так храм оставленный – всё храм, Кумир поверженный – всё бог!* (М.Ю. Лермонтов. *Я не люблю тебя...*).

Вторая часть сравнений данного типа может представлять собой эффектное завершение повествования или описания, а сравнение в целом может иметь признаки стилистической фигуры периода (обычно в таких ПС наблюдается нарастание эмоционального напряжения вначале, пауза и спад напряжения к концу). Ср.: *Нет, пуще страстью безотрадной Татьяна бедная горит; Её постели сон бежит; Здоровье, жизни цвет и сладость, Улыбка, девственный покой, Пропало всё, что звук пустой, И меркнет милой Тани младость: Так одевает бури тень Едва рождающийся день* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин). На основе такого сравнения-периода может быть построено законченное стихотворение – ср.: «Возрождение» А.С. Пушкина, «Я не люблю тебя...» М.Ю. Лермонтова, «Чудный град порой сольётся...» Е. Баратынского, «Бабочка газа» И. Анненского, «Родине» И.А. Бунина, «Осень» А.В. Кольцова.

Ещё одной особенностью сравнений данного типа является то, что присоединяемая часть в них может строиться в форме риторического вопроса, ср.: *Досугам посвятяться невинным, Брожу над озером пустынным, И far niente мой закон. Я каждым утром пробуждён для сладкой неги и свободы: Читаю мало, долго сплю, Летучей славы не ловлю. Не так ли я в былые годы Провел в бездействии, в тени Моих счастливейшие дни?* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин).

Вторая из рассматриваемых групп ПС включает примеры, присоединяемая часть которых примерно равна по объёму первой части или немного превышает её. В этом случае внимание читателя достаточно равномерно распределяется между частями сравнения, и на первый план выступает сходство изображаемых картин, вторая картина дополняет и усиливает первую. Ср.: *Жестокой страстью уязвленный, Досадой, злобой омраченный, Колдун решился наконец Поймать Людмилу непременно. Так Лемноса хромой кузнец, Прияв супружеский венец Из рук прелестной Цитереи, Раскинул сеть её красам, Открыв насмешливым богам Киприды нежные затеи...* (А.С. Пушкин. Руслан и Людмила). В подобных сравнениях, рисуя параллельную картину, автор рискует увлечься и далеко отклониться от основной темы; однако мастера слова, как правило, удерживаются от этого – ср. замечание В.И. Дьяконова о том, что И.С. Тургеневу в сравнениях «всегда удаётся соблюсти необходимое чувство меры, избежать растянутости и перегруженности» [3, с. 89].

В третью группу ПС отнесём примеры, в которых к первой части срав-

нения присоединяется несколько компаративных частей. Подобные случаи В.И. Дьяконов назвал «накоплением сравнения» [3, с. 90]. Этот приём, как всякий повтор, служит для уточнения мысли, для обогащения образа, для усиления воздействия сравнения на читателя. Ср.: *За музыкою только дело. Итак, не размеряй пути. Почти бесплотность предпочти* *Всему, что слишком плоть и тело. Не церемонься с языком И торной не ходи дорожкой. Всех лучшие песни, где немножко И точность точно под хмельком. Так смотрят из-за покрывала, Так зыблет полдни южный зной. Так осень небосвод ночной Вызвежживает как попало* (Б. Пастернак. Искусство поэзии).

Подводя итог проведённому исследованию, можно сделать следующие выводы:

1. ПС в языке русской поэзии имеют антропоцентрический характер: они создаются главным образом для описательной характеристики людей и явлений их внутреннего мира. Тематика коррелятивных частей сравнений данного типа достаточно широка: здесь можно встретить ситуации, связанные с людьми (типичными представителями определённых групп лю-

дей, людьми вообще или конкретными лицами), с животными, с растениями, с явлениями природы, с артефактами. Сравнения с определёнными коррелятами могут создавать «улучшающую» или «ухудшающую» характеристику, придавать содержанию текста историческую объёмность, выполнять усиленную функцию и др.

2. ПС часто выступает как риторическая фигура периода, концовка которого оказывается в фокусе внимания читателя. Эта концовка, т. е. завершающая, присоединяемая часть ПС, может иметь как конкретизирующий, так и обобщающий характер, может представлять собой не только коррелят (в постпозитивных ПС), но и предмет сравнения (в препозитивных ПС). Иногда завершающая часть ПС оформляется в виде риторического вопроса.

3. ПС способно выполнять текстообразующую роль: на его основе может строиться отдельное поэтическое произведение, в том числе лирическое стихотворение и басня. При этом басни-ПС обычно имеют линейную структуру препозитивных сравнений с обобщающей концовкой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахтель Н.М., Хади А.Х. Образы-эталоны как объекты устойчивых сравнений: монография. Воронеж: Истоки, 2011. 138 с.
2. Введение в литературоведение: учеб. для филол. спец. ун-тов / Г.Н. Поспелов и др.; под ред. Г.Н. Поспелова. М.: Высшая школа, 1988. 528 с.
3. Дьяконов В.И. Сравнения Тургенева // Тургенев и его время / под ред. Н.Л. Бродского. М.-П.: Государственное издательство, 1923. С. 77–141.
4. Ефимов А.И. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1969. 262 с.
5. Красовский В.Е. Сравнение [Электронный ресурс] // Литература. Справочник абитуриента / Красовский В.Е., Леденев А.В. под общ. ред. В.Е. Красовского. М.: АСТ, 2002. URL: https://a4format.ru/pdf_files_slovari/4b7502cb.pdf (дата обращения: 06.04.2018).
6. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. 300 с.

7. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. СПб.: Норинт, 2003. 608 с.
8. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1978. 159 с.
9. Одинцов В.В. Сравнение // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.
10. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М.: Высшая школа, 1968. 416 с.
11. Томашевский Б.В. Стилистика: учебное пособие. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1983. 288 с.
12. Щепилова Л.В. Введение в литературоведение. М.: Учпедгиз, 1956. 318 с.

REFERENCES

1. Vakhtel' N.M., Khadi A.Kh. *Obrazy-etalony kak ob"ekty ustoichivyykh sravnenii* [Images-standards as an object of sustainable comparisons]. Voronezh, Istoki Publ., 2011. 138 p.
2. Pospelov G.N., ed. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary studies]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1988. 528 p.
3. D'yakov V.I. [Turgenev's Comparison]. In: *Turgenev i ego vremya* [Turgenev and his time], Brodsky N.L., ed.. Moscow–Petrograd, State publishing house, 1923. pp. 77–141.
4. Efimov A.I. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969. 262 p.
5. Krasovskii V.E. [Comparison]. In: *Literatura. Spravochnik abiturienta* [Literature. Reference book of the entrant]. Moscow, AST, 2002. Available at: https://a4format.ru/pdf_files_slovari/4b7502cb.pdf (accessed: 06.04.2018).
6. Lebedeva L.A. *Ustoichivye sravneniya russkogo yazyka: kratkii tematicheskii slovar'* [Stable comparisons in the Russian language: a brief thematic dictionary]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2003. 300 p.
7. Mokienko V.M. *Slovar' sravnenii russkogo yazyka* [The dictionary of comparisons of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2003. 608 p.
8. Ogol'tsev V.M. *Ustoichivye sravneniya v sisteme frazeologii* [Stable comparisons in the system of phraseology]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1978. 159 p.
9. Odintsov V.V. [Comparison]. In: *Russkii yazyk: entsiklopediya* [Russian language: encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1979. 432 p.
10. Rozental' D.E. *Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka* [Practical stylistics of the Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1968. 416 p.
11. Tomashevskii B.V. *Stilistika* [Stylistics]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1983. 288 p.
12. Shchepilova L.V. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary studies]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 318 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Правда Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета;
e-mail: epravda@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Jelena A. Pravda – PhD in Philological Sciences, associate professor, at the Department of theory, history and methods of teaching Russian language and literature, Voronezh state pedagogical University;
e-mail: epravda@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Правда Е.А. Функциональные особенности присоединительных сравнений в произведениях русских поэтов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 73–82
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-73-82

FOR CITATION

Pravda E.A. Functional features of conjunctive comparisons in the works of Russian poets. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 73–82
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-73-82

УДК 81:37

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-83-90

КОМПОЗИТЫ-ГЕРМАНИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОСОБЕННОСТИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Сафарова Дж.А.*Бакинский славянский университет**AZ1014, г. Баку, ул. Сулеймана Рустама, д. 33, Азербайджан*

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме композитов-германизмов в современном русском языке. В ней ставится вопрос о структуре аналитических форм германизмов в современном русском языке: определяется понятие композита, рассматривается типология композитов-германизмов, даётся их структурно-семантическая классификация. Показано, что в языковой системе русского языка происходит формирование механизмов построения новых слов по моделям композитов-германизмов как узувального, так и окказионального словообразования. Анализ функционирования подобных слов приводит к выводу о том, что новые словообразовательные модели обладают экспрессивно-оценочными коннотациями в русском языке. Полученные результаты могут быть полезны в рамках изучения таких дисциплин, как лексикология, словообразование, стилистика.

Ключевые слова: словообразование, германизмы, композиты, классификация, компоненты, модель, экспрессивность.

COMPOSITE GERMANISMS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE: FEATURES AND FUNCTIONING

J. Safarova*Baku Slavic University**33, Suleiman Rustam st., Baku, AZ1014, Azerbaijan*

Annotation. This article is devoted to the problem of composites-germanisms in modern Russian. It raises the question of the formation of analytical forms of Germanisms in modern Russian: the concept of a composite is defined, the typology of composites-germanisms is considered, and their structural and semantic classification is given. It is shown that in the language system of the Russian language there is a formation of mechanisms for constructing new words according to the models of composites-germanisms both of the ordinary and occasional word-formation. Analysis of the functioning of such words leads to the conclusion that the new word-formation models have expressive-evaluative connotations in the Russian language. The results obtained can be useful in the study of such disciplines as lexicology, word formation, stylistics.

Key words: Germanisms, composites, structural classification, two-component (binary), three-component composites, initial, final components.

Введение

Под германизмами в статье понимаются слова или обороты речи, заимствованные из немецкого языка или построенные по его образцу. Вопреки традиционному мнению о преобладании таких языков-источников, как английский и французский, мы можем утверждать, что в русском литературном языке XX – начала XXI вв. содержится значительное число германизмов. В существующих исследованиях, посвящённых германизмам [8; 13; 14 и др.], рассматриваются структурно-семантические характеристики и словообразовательные возможности германизмов, изучаются вопросы их адаптации в современном русском языке. Многие лингвисты [см. например, 4; 12; 15] отмечают, что одной из особенностей современного русского литературного языка является активизация сложных слов. Наряду с термином «сложное слово» в современной лингвистике употребляется термин «композит», который используют в качестве обозначения сложных слов, состоящих из двух или более компонентов-корней, безотносительно к способу их образования. Данная тенденция образования аналитических форм характерна и для германизмов. Сложные слова-германизмы состоят из 2-х или более основ этимологически, то есть в языке-источнике, а в русском языке их объединяют формально выделяемые композиты, в некоторых случаях образующие ряды.

Целью статьи является анализ композитов-германизмов в русском литературном языке и их структурно-семантическая классификация.

Сложные слова характеризуются семантической насыщенностью, поскольку образованы по закону экономии языковых средств и «в большей мере отвечают номинативным и коммуникативным задачам за счёт компрессивности форм, ясности семантики и лёгкости её восприятия, а также экспрессивно-эмоциональных характеристик» [17, с. 259].

В немецком языке одной из важнейших причин употребления композитов называется их мотивированность. Для носителей русского языка сложные слова-германизмы чаще всего нечленимы, однако для знающих немецкий язык являются членимыми [3, с. 216]; связь с формально мотивирующим не ощущается современными носителями языка. Если сопоставить это явление с русским языком, то мы увидим, что в нём также наблюдается утрата мотивированности в сложных словах в связи с «затуханием» смысла в какой-либо части генетического композита. Так, многие слова с компонентами *благо-/добро-* в современном русском языке утрачивают первоначальное духовно-религиозное значение и переосмысливаются, входя через тексты разного функционального назначения в узус.

Интерес к изучению слов со сложными основами в русском и в немецком языках возрос в конце XX в. В начале XXI в. количество сложных слов резко возросло, и темпы этого процесса позволяют говорить о возникновении нового феномена как в немецком, так и русском языках, – гибридного словообразования [6; 7]. Увеличение заимствованных образований со сложными основами в современном русском языке связано с процес-

сом перенесения готовых лексических единиц из языка-источника или появлением заимствованной модели, по которой строятся сложные новообразования на русской почве с участием ранее заимствованных или собственно русских элементов.

Результаты исследования

По материалам новейших словарей иностранных слов, а также Словаря композитов русского языка в современном русском литературном языке нами было выявлено 272 сложных слова-германизма. На основе сходства структуры сложных слов мы выделили следующие типы композитов: двухкомпонентные (бинарные) и трёхкомпонентные композиты с инициальными и финальными компонентами, выполняющими роль определения. Значком * обозначены композиты, компоненты которых имеют правую и левую позиции в сложных словах.

1. Двухкомпонентные (бинарные) композиты

1.1. с инициальными компонентами-определениями:

1.1.1. Композиты с атрибутивным компонентом-существительным

Слова этой группы образованы в основном путём безаффиксного соединения основ; некоторые с использованием соединительного аффикса: (с) (штаб(с)-капитан) или вставки: (ес) (бунд(ес)таг) и др. В русском языке слова, образованные по модели «существительное + существительное» принято называть биномами [16, с. 68]. Большинство сложных слов в рассматриваемой группе образуют ряды, состоящие из двух или более единиц: **бунд**-(ес) «союз, федерация»: *бундес-*

бюргер, *бундеслига*, *бундесбанк*, *бундесвер**, *бундесгерихт*, *бундесрат* [10, с. 132]; **вельт**-«мир»: *вельтшмерц*, *вельтаншаунг* [9, с. 71] и др. К этой группе сложных слов относятся немногочисленные лексические единицы, не образующие рядов: **аксел**(ь)-«плечо»: *аксельбанты* [10, с. 42]; **пост**-«пост, пункт»: *постпакет** [10, с. 554]; **цейт**(*цайт*)-«время»: *цейтнот* [9, с. 403] и др. Приведём некоторые примеры: «Они (нацисты) называли бомбу «Вундерваффе», что значит «чудо-оружие», – рассказывает Карлыш» (Лаговский В. Взорвал ли Гитлер атомную бомбу? // Комсомольская правда, 2005. 17 март.); «Получился *куништюк*, в основе которого – борьба с материалом, – говорит Мартынов» (Тимофеев Я. Любимов и Мартынов разошлись во взглядах на главного героя «Школы жен» // Известия. 2013.11дек.); «Скажите, серьёзно ли вы отнеслись к самому конкурсу или то была шутка, очередной *куништюк*?» (Гончарук Д., Темников А. Хулиганка от оперы Малена Эрнман: Культурные мятежи я совершаю постоянно // Комсомольская правда. 2012.15 ноябр.).

1.1.2. Композиты с аппозитивным элементом – именем собственным

Подобные группы сложных слов, в состав которых в качестве компонентов входят географические названия, личные имена, фамилии учёных и специалистов в определённой области науки и техники, весьма ограничены в русском языке. По преимуществу они не образуют рядов: *аушвиц*-люге (*Аушвиц* (*Освенцим*) +люге «ложь») [9, с. 44], *гретхен*-фраге (*Гретхен* +фраге «вопрос») [9, с. 98] и др.

1.1.3. Композиты с атрибутивным компонентом, образованным от пред-

логов: **фор-** «перед»: *форпост**, *фор-вакуум*, *фордек*, *форзац* [10, с. 755], *форшлаг**, *форшмак* [10, с. 758].

1.1.4. Композиты с атрибутивным компонентом, образованным от прилагательных: **фальш-** «ложный»: *фальшиборт*, *фальшкиль* [10, с. 731]; **миттел(ь)-** «средний»: *миттельшнауцер**, *миттельшпиль** [10, с. 446]; **гросс-** «старший»: *гроссбух**, *гроссмейстер** [10, с. 201]. Сюда же относятся сложные существительные, не образующие рядов: **винер-** «венский»: *винерфилармоникер* [10, с. 73]; **глинт-** «горячий»: *глинтвейн* [9, с. 167].

1.1.5. Композиты с атрибутивным компонентом, образованным от немецких глаголов: **рейс-** (<reißen «чертить»): *рейсма/рейсмус*, *рейс-федер*, *рейсшина* [10, с. 596-598]. В этой группе также имеются слова, не входящие в ряды: **кресс-** <chresan «стлаться, виться»: *кресс-салат*; **пак-** <pasken «увязывать»: *пакгауз** [10, с. 501]; **зинг-** <singen «петь»: *зингшпиль** [10, с. 250].

1.1.6. Сложносокращённые слова, образованные от двух основ: *мопед*, нем. *Moped*. (сокр. слова *Motorveloziped*: *Motor* + *Veloziped*) [5, с. 436];

1.2. с финальными компонентами-определениями:

1.2.1. Композиты с атрибутивным компонентом-существительным: **-бан** «дорога»: *автобан* [1, с. 10], *боулинг-бан* [2, с. 41], *натурбан* [9, с. 240]; **-ман** «человек»: *фурман* [10, с. 766], *флигель-ман* [10, с. 750], *шпильман** [10, с. 802], *шуцман* [10, с. 808]; **роман:** *бильдунгс-роман* [9, с. 56]; *кюнстлероман* [9, с. 200]; **-хаар** «волосы»: *дратхаар* [10, с. 245], *лангхаар* [5, с. 371]. Приведём примеры: «В Смоленске злостный не-

плательщик частично выплатил многотысячный долг после того, как приставы арестовали его любимого щенка редкой породы *дратхаар*» (Стешко М. Сфинкса арестовали // Труд-7. 2009. 27 ноябр.); «Высококласный *автобан* в Германии – 8 млн. евро» (Черных С. Хуже, дольше, затратнее... // Комсомольская правда. 2013. 14 февр.); «Обязательное условие – трасса должна быть ледяная и для того, чтобы приготовить её под *натурбан*, необходимо несколько тонн воды» (Булгарин С. На Урале проведут Кубок мира по *натурбану* // Новый регион 2. 2009. 5 февр.).

Не образуют ряды сложные существительные этой группы: **-берг** «гора»: *бремсберг** [10, с. 127], **-верк** «строение»: *ростверк* [10, с. 616]; **-глас** «стекло»: *плексиглас** [10, с. 540], **-шнауцер** «морда»: *ризенишнауцер* [10, с. 611]. Например: «За семейным столом рядом с Никулиным сидел черный *ризенишнауцер*, невозмутимый, как его хозяин» (Богомолов Ю. Совмещаая приятное... с приятным. Теленеделя (2001) // Известия. 2001. 21 декабр.).

2. Трёхкомпонентные композиты

2.1. с финальными компонентами-определениями:

2.1.1. Композиты с атрибутивным компонентом-существительным: **-мейстер** «хозяин, распорядитель» (шпребштальмейстер (нем. *Sprechstallmeister* <*sprechen* «говорить» + *Stall* «конюшня» + *Meister* «хозяин, распорядитель») [10, с. 802]; *фельдцейхмейстер* (нем. *Feldzeugmeister* <*Feld* «поле» + *Zeug* «инструмент, оружие» + *Meister* «хозяин, распорядитель») [10, с. 737].

Сложные слова-германизмы неоднородны по степени ассимиляции входящих в них компонентов. Например, такие компоненты сложных слов,

как *роман* (кюнстлероман), *киндер* (киндер-бальзам), *блиц* (блиц-вояж), *тон* (тонваген) могут самостоятельно функционировать в русском языке. Другие компоненты сложных слов не являются самостоятельными единицами в современном русском языке (*вундер*-, *мейстер*-, *-бан*-, *-бух*-, *-таш*) и др. Случаи употребления в качестве самостоятельных единиц подобных компонентов относятся к окказиональным явлениям. Эти компоненты представляют собой «усечение» существующей единицы, например, *шнауцер*-, как обобщённое обозначение собак этих пород: «Говорят, что у собак породы *шнауцер* часто развивается катаракта глаз»; «Наш первый *шнауцер* в 10 лет ослеп» (Спросите доктора Шкурпатову! // Комсомольская правда. 2007.13 авг.); *гросс*: «– Я не могу поверить, что так быстро отправляюсь домой, – сказал после поражения от американца Самуэля Шакленда один из фаворитов турнира венгерский *гросс* Петр Лео (Зангалис К. Первый Армагеддон // Советский спорт. 2011.30авг.) Здесь *гросс*: гроссмейстер.

По типу существующих моделей сложных слов-германизмов в русском языке образуются новые лексические единицы. Они выступают в функции характеризующих выразительных средств языка в художественном и особенно публицистическом стилях: «Я поставил взрыватель на двухчасовую задержку, просунул его в горловину канистры, намертво закрыл канистру и бросил её туда, вниз. *Гросс-плюх*! Поставил решётку на место» (Андрей Лазарчук. Все, способные держать оружие... [11]); «И медленно-медленно подъехали к больнице. *Унтер-анти-депрессант*. Сколько я перевёл всякой

всячины про депрессию и как её лечить – уму непостижимо» (Смирнов А. Кузница милосердия // Сибирские огни. 2012. № 7); «Теперь в коллекции “*вундер-фрау*” не хватает только олимпийского золота» (Бойцов К. Биатлон. Вот это финиш! Заключительные гонки сезона принесли нашей команде два золота и одно серебро // Советский спорт. 2008.17 март.); «Кстати, стреляет Слепцова на порядок лучше немецкой “*вундер-фрау*”» (Биатлон. Интересное положение. Чемпионат мира покажет: кто же всё-таки сильнее – Екатерина Юрьева или обогнавшая её в общем зачёте Кубка мира Светлана Слепцова // Советский спорт. 2008. 8 февр.) и др.

Вместе с тем актуализация ресурсов словообразования в современных медиатекстах обусловлена коммуникативными задачами и прагматически заданным способом экспрессивизации [1, с. 21]. Анализ новообразований показывает, что в языковой системе русского языка происходит формирование механизмов построения новых слов по моделям как узуального, так и окказионального словообразования. Как отмечают исследователи, «дери-вационная система русского языка всё больше расширяет свой нереализованный потенциал, проявляя при этом креативность, образность, экспрессивность» [7, с. 15].

Выводы

Функциональный подход к исследованию германизмов, в том числе аналитических форм, позволяет установить, что они продолжают пополнять словарный состав современного русского литературного языка. Германизмы являются закономерным явлением,

объясняющимся рядом внешних (внеязыковых, экстралингвистических) и внутренних (языковых, лингвистических) причин. Новые словообразовательные модели сложных слов немецкого происхождения в современном русском языке выполняют коммуникативную функцию и приобретают социокультурную значимость.

Активность подобных слов приводит к появлению экспрессивно-оценочных окрашенных номинаций, образующих словообразовательные модели. Таким образом, в целом германизмы в современном русском языке не только сохраняют свои позиции, но и включаются в семантические и словообразовательные процессы русского языка, что свидетельствует об их способности к ассимиляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекетова Н.А. Экспрессивное словообразование в современных медиатекстах (на материале суффиксальных существительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2014. 23 с.
2. Габдреева Н.В., Гурчиани М.Т. Словарь композитов русского языка новейшего времени. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 280 с.
3. Габдреева Н.В., Агеева А.В., Тимиргалева А.Р. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода. М.: Флинта, Наука, 2013. 328 с.
4. Гурчиани М.Т. Композиты в русском языке новейшего периода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 23 с.
5. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М., 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://diclist.ru/slovar/efremovoy.html> (дата обращения: 26.03.2018).
6. Жилук С.А. Использование заимствований в системе немецкого словообразования: дис. ... канд. филол. наук. СПб 2015. 231 с.
7. Кадырова Л.Д. Гибридные неоминации в современном массмедийном дискурсе: семантико-деривационный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Симферополь. 2014. 20 с.
8. Кепешук С.Ф. Немецкие лексические заимствования как источник пополнения русского лексикона: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2001. 18 с.
9. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2008. 672 с.
10. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 1998. 847 с.
11. Лазарчук А. Все, способные держать оружие... [Электронный ресурс]. URL: <http://avidreaders.ru/book/vse-sposobnye-derzhat-oruzhie.html> (дата обращения: 03.03.2018).
12. Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономазиологическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук. Горловка, 2008. 472 с.
13. Тимиргалева А.Р. Иноязычная лексика немецкого происхождения в русском языке новейшего периода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 25 с.
14. Токарева И.В. Адаптация немецких лексических заимствований в русском литературном языке (на материале источников рубежа XIX–XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2002. 13 с.
15. Чурилова Н.А. Композиты в составе русских глагольных гнёзд (Механизмы слово- и сеообразования): дис. ... канд. филол. наук. Арзамас, 2005. 26 с.
16. Шепель Ю.А. Статус и принципы классификации биномов в современном русском языке // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: «Філологія». 2017. № 30. Т. 1. С. 58–61.

17. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М.: Индрик, 2001. 504 с.

REFERENCES

1. Beketova N.A. *Ekspressivnoe slovoobrazovanie v sovremennykh mediatekstakh (na materiale suffiksalykh sushchestvitel'nykh): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Expressive word-formation in the modern media texts (on the material of the suffixal nouns): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Belgorod, 2014. 23 p.
2. Gabdreeva N.V., Gurchiani M.T. *Slovar' kompozitov russkogo yazyka noveishego vremeni* [The composites dictionary of the Russian language of modern times]. Moscow: Flint, Nauka Publ., 2012. 280 p.
3. Gabdreeva N.V., Ageeva A.V., Timirgaleeva A.R. *Inoyazychnaya leksika v russkom yazyke noveishego perioda* [Foreign vocabulary in the Russian language of modern period]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2013. 328 p.
4. Gurchiani M.T. *Kompozity v russkom yazyke noveishego perioda: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Composites in the Russian language of modern period: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Kazan, 2009. 23 p.
5. Efremova T.F. *Novyi tolkovo-slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka*. [New explanatory and word-formative dictionary of the Russian language]. Moscow, 2000. Available at: <http://diclist.ru/slovar/efremovoy.html> (accessed: 26.03.2018).
6. Zhilyuk S.A. *Ispolzovanie zaimstvovaniy v sisteme nemetskogo slovoobrazovaniya: dis. ... kand. filol. nauk* [The use of borrowings in the system of German word formation: PhD thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2015. 231 p.
7. Kadyrova L.D. *Gibridnye neonominiatsii v sovremennom massmediinom disurse: semantiko-derivatsionnyi aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Hybrid denominations in the modern mass media discourse: a semantic and derivational aspects: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Simferopol, 2014. 20 p.
8. Kepeshchuk S.F. *Nemetskie leksicheskie zaimstvovaniya kak istochnik popolneniya russkogo leksikona: dis. ... kand. filol. nauk* [German lexical borrowings as a source of replenishment of the Russian lexicon: PhD thesis in Philological Sciences]. Tyumen, 2001. 18 p.
9. Komlev N.G. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 672 p.
10. Krysin L.P. *Tolkovy slovar' inoyazychnykh slov* [The explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1998. 847 p.
11. Lazarchuk A. *Vse, sposobnye derzhat' oruzhie...* [All capable to hold the weapons...]. Available at: <http://avidreaders.ru/book/vse-sposobnye-derzhat-oruzhie.html> (accessed: 03.03.2018).
12. Terkulov V.I. *Kompozity russkogo yazyka v onomasiologicheskom aspekte: dis. ... dokt. filol. nauk* [The composites of the Russian language in onomasiological aspect: D thesis in Philological sciences]. Gorlovka, 2008. 472 p.
13. Timirgaleeva A.R. *Inoyazychnaya leksika nemetskogo proiskhozhdeniya v russkom yazyke noveishego perioda: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Foreign vocabulary of German origin in the Russian language of the newest period: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Kazan, 2006. 25 p.
14. Tokareva I.V. *Adaptatsiya nemetskikh leksicheskikh zaimstvovaniy v russkom literaturnom yazyke (na materiale istochnikov rubezha XIX–XX vv.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Adaptation of German lexical borrowings in the Russian literary language (on the material sources of the 19–20th centuries): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Tyumen, 2002. 13 p.

15. Churilova N.A. *Kompozity v sostave russkikh glagol'nykh gnezd (Mekhanizmy slovo- i semoobrazovaniya): dis. ... kand. filol. nauk* [Composites in the structure of the Russian verbal nests (Mechanisms of word and sememooling: PhD thesis in Philological sciences]. Arzamas, 2005. 26 p.
16. Spepel' Yu.A. [Status and principles of classification of biomes in the modern Russian language]. In: *Naukovii visnik Mizhnarodnogo gumanitarnogo universitetu. Seriya: "Filologiya"* [Scientific herald of International Humanitarian University. Series: Philology], 2017, no. 30, vol. 1, pp. 58–61.
17. Yanko-Trinitetskaya N.A. *Slovoobrazovanie v sovremenном русском языке* [Word formation in the modern Russian language]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 504 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сафарова Джамия Аббасгули кызы – старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания Бакинского славянского университета;
e-mail: jamiliasafarova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Jamilya Safarova Abbasguli – is a senior professor at the department of General and Russian Linguistics, Baku Slavic University.
e-mail: jamiliasafarova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сафарова Дж.А. Композиты-германизмы в современном русском языке: особенности и функционирование // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 83–90
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-83-90

FOR CITATION

Safarova J.A. Composite Germanisms in the modern Russian language: features and functioning. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 83–90
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-83-90

УДК 811

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-91-100

КОФЕ В КУПЕ С ВИДОМ НА ШОССЕ

Соколянский А.А.*Северо-Восточный государственный университет**685000 г. Магадан, ул. Портовая, д. 13, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена описанию соотношения произношения твёрдых и мягких согласных в неизменяемых заимствованных существительных и их производных (преимущественно на примере пары *купе* – *купейный*). Автор описывает функционирование слов *купе* – *купейный* в синхронии и диахронии, приходит к выводу, что эта пара слов могла положить начало особому морфонологическому чередованию в русском языке, но фонетические тенденции современного русского языка воспрепятствовали формированию этого чередования. Слово *купе* в русский язык было заимствовано в начале XIX в. первоначально в значении ‘двухместная карета’, позднее оно стало употребляться в привычном для нас значении ‘помещение в вагоне для пассажиров’. Слово *купейный* появляется в русском языке только в середине XX в.

Ключевые слова: позиция, морфонологическое чередование, заимствования, неизменяемые существительные.

COFFEE IN THE COMPARTMENT WITH A VIEW ON THE ROAD

A. Sokolyanskiy*North-Eastern State University**13 Portovaya st., Magadan 685000, Russian Federation*

Abstract: The article is devoted to the description of the ratio of the hard and soft pronunciation of consonants, in addition to the borrowed nouns and their derivatives (mainly on the example of a pair *kupe* – *kupejnyj*). The author describes the functioning of the word *kupe* – *kupejnyj* in synchrony and diachrony, comes to the conclusion that this pair of words could start a special morphological alternation in the Russian language, but the phonetic trends of the modern Russian language prevented the formation of this alternation. The word *kupe* in the Russian language was borrowed at the beginning of the 19th century initially in the meaning of ‘double carriage’, later it was used in the usual sense for us as ‘room in the car for passengers’. The word *kupejnyj* appears in the Russian language only in the mid-twentieth century.

Key words: position, morphological alternation, borrowings, invariant nouns.

Цель данной статьи состоит в выявлении связи между фонетическими приметами заимствований и степенью их грамматической освоенности, последняя в анализируемом далее случае выступает в виде способности образовывать собственно русские слова на базе заимствованных корней.

Наиболее яркой фонетической приметой заимствованных слов в современном русском языке является употребление твёрдых согласных перед фонемой *e*: *антенна, коттедж, партер, отель, мэр, пэр, кеб* и др.

М.Л. Каленчук в статье «О расширении понятия позиция» писала о том, что «... в однокоренных словах *купе* – *купейный*, *секс* – *сексуальный* и пр. включение иноязычного по происхождению корня в типично русскую словообразовательную модель резко снижает количество “чуждых” для русской фонетики употреблений твёрдой фонемы перед <э>» [7, с. 29]. Речь идёт о том, что в заимствованном слове сохраняется фонетическая примета иноязычного слова в виде произношения [сэ]кс, а в производном она утрачивается, поэтому говорящие предпочитают говорить [с']эксуа́льный, а не [сэ]ксуа́льный.

В статье М.Л. Каленчук нас более всего заинтересовал не [с']екс (в своём произношении я предпочитаю такую форму), а паровозная тематика. М.Л. Каленчук исходит из того, что в «чистом» заимствовании, не осложнённом русскими морфемами, предпочитают твёрдый согласный ку[п]é, а в производном от него – мягкий: ку[п'э]йный.

Слово *купе* входит в особую группу заимствованных существительных, важным свойством которых является неизменяемость: *депо, колибри, кенгуру, салями* и др.

Оба названных нами признака, фонетический и грамматический, могут совмещаться в одном слове и взаимодействовать друг с другом, как это и показано в примерах М.Л. Каленчук.

Наиболее авторитетные орфоэпические словари подтверждают производное соотношение, из которого исходит М.Л. Каленчук. «Словарь ударений для работников радио и телевидения» (1967) указывает на твёрдое произношение в слове *купе* и на мягкое в слове *купейный* [5, с. 264]. Та же рекомендация повторяется в переиздании 1993 г. При слове *купейный* даётся помета «[не пэ]» [6, с. 233].

«Орфоэпический словарь русского языка» под редакцией Р.И. Аванесова (1989) также говорит о твёрдом произношении *купе* и о мягком *купейный*. Произношение ку[пé]йный дано с пометой *не рекомендуется* [11, с. 227].

В «Словаре трудностей русского произношения» (1997) М.Л. Каленчук и Р.Ф. Касаткиной дана ожидаемая рекомендация по произношению *купе*, при этом в слове *купейный* не рекомендуется произношение [пэ] [9, с. 217]. Такие же указания содержатся в словаре М.А. Штудинера [19, с. 190].

В «Большом орфоэпическом словаре русского языка» (2012) М.Л. Каленчук, Р.Ф. Касаткиной, Л.Л. Касаткина как единственно возможная указывается форма ку[пé], но предлагаются два равноправных варианта в производном слове: ку[п'э]йный и ку[пé]йный [8, с. 330].

Неожиданный подход был обнаружен в книге «Русское литературное произношение и ударение» (1960) под редакцией Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова. При словах *купе* и *купейный* следует одинаковая отсылка к комментарию в конце словаря. В комментарии речь идёт о том, что в словах типа *купе, капелла, пэр, беж, бебе, ландвер, каравелла, галифе, кафе, консоме, реноме, бизнесмен, мэр* следует произносить

твёрдый губной, но с сохранением у звука [э] переднего образования [12, с. 861–862]. Слово *купейный* отдельно в комментариях не упоминается, из чего мы можем заключить, что оно в произносительном отношении подобно слову *купе*, то есть предполагает произношение *ку[пé]йный*. Впрочем, нельзя исключать здесь просто недостаточную внимательность двух гениальных учёных – редакторов словаря,

так как прямого указания на произношение *ку[пé]йный* словарь не содержит.

На основании этого краткого обзора можно прийти к выводу, что существует тенденция (крайне слабо выраженная) к тому, чтобы рассматривать чередование в корне слова в паре *купе* – *купейный* как позиционное грамматическое. Условия чередования представлены в табл. 1.

Таблица 1

Условия морфонологического чередования в паре слов *купе* – *купейный*

неизменяемое заимствованное слово с конечным [э]	производное слово
твёрдый согласный	мягкий согласный
ку[пэ̀]	ку[п'э̀]йный
te t'e	

Понятно, что грамматическая закономерность останется неполноценной, если она проявляет себя только в одном слове. Мы попытались выйти за рамки исключительно паровозной тематики и посмотреть, как проявляется себя указанная тенденция в других аналогичных случаях.

Русский язык за свою историю успел позаимствовать из других языков в довольно большом количестве слова типа *безе*, *шимпанзе*, *плаке*, *аплике*, *коммунике*, *нике* ‘ткань; резкое снижение’ (омонимы), *пирке*, *шале* ‘небольшой загородный дом в Швейцарии’, *желе*, *реле*, *кántеле* [кántэл'е] ‘финский и карельский музыкальный инструмент, похожий на гусли’, *канта́биле* ‘музыкальное певучее произведение’, *факсими́ле*, *филе*, *дефиле*, *суфле*, *крем-брюле*, *буриме*, *реноме*, *резюме*, *пралине* ‘начинка для кондитерских изделий с орехами’, *мулине* ‘сорт

цветных ниток’, *матине* ‘женская утренняя одежда’, *койне*, *портмоне*, *каберне*, *турне*, *пенсне*, *кашине*, *канане*, *купе*, *кабаре*, *каре*, *курáре*, *амбре*, *па́дре*, *тире*, *эре*, *кюре*, *пюре*, *фрикасе*, *медресе* ‘мусульманская школа’, *шассе* ‘движение в танце’, *плиссе* ‘мелкие складки на платье’, *шоссе*, *эссе*, *варьете*, *моралите* ‘назидательная драма’, *андáнте* ‘музыкальное произведение в медленном темпе’, *соте*, *экарте* ‘старинная карточная игра’, *фóрте*, *руте́* ‘карточное’, *декольте*, *аутодафе́* ‘публичное сожжение’, *кафе*, *галифе*, *кофе*.

Здесь приведены не все неизменяемые существительные, оканчивающиеся на *е*, но было решено не увеличивать их количество ввиду того, что обычные люди их заведомо не знают. Значение целого ряда из приведённых слов автору статьи было неизвестно, пришлось обращаться к словарным источникам, что, бесспорно, расшири-

ло эрудицию, но мало помогло в решении поставленной проблемы.

Дело в том, что большинство из приведённых слов не имеют в русском языке производных, что в принципе понятно. Известно, что заимствованные слова часто не торопятся завести себе родственников в новом языковом окружении.

Из перечисленных слов к таковым словам-бобылям относятся: *безе, шимпанзе, плаке, апплике, коммюнике, пирке, шале, кантеле, кантабилье, филе, дефиле, суфле, крем-брюле, буриме, реноме, пралине, мулине, койне, портмоне, каберне, турне, пенсне, кашине, канане, кабаре, каре, кураре, амбре, падре, тире, эре, кюре, пюре, фрикасе, медресе, шассе, варьете, моралите, анданте, соте, экарте, фёрте, рутё, аутодафё, галифе*.

Отсутствие словообразовательных связей у этих слов было проверено по словообразовательному словарю А.Н. Тихонова [15].

Меньшая часть из выписанных нами слов, тем не менее, отказалась от высокомерного отношения к своему новому языковому окружению и неохотно, но стала вступать в словообразовательные отношения. Эти слова не сильно баловали своих новых родственников разнообразием деривационных привязанностей.

Некоторые из них позволили образовать от себя прилагательные:

пике – пикейный
желе – желейный,
реле – релейный,
филе – филейный,
купе – купейный,
кофе – кофейный,
шоссе – шоссейный,

декольте – декольтированный, декольтировать,
факсимиле – факсимильный,
соте – *сотейный* (словари не фиксируют).

Другие неохотно допустили сотрудничество с глаголами:

дефиле – дефилировать,
резюме – резюмировать,
плиссе – *плиссировать*,
декольте – декольтировать.

Позволили от себя образовать существительные слова *эссе* и *кафе*:

эссе – *эссеист*,
кафе – *кафетерий*.

Более других обросли словообразовательными связями следующие слова:

купе – *купейный, купированный, купейность*,

кофе – *кофейный, кофеек, кофейин, кофейник, кофейня, кофейничать, кофешёнк* ‘должность смотрителя за приготовлением кофе, чая и др.’ *кофей*,

шоссе – *шоссейный, шоссейка, пришоссейный, шоссировать, шоссироваться, шоссированный*.

Все производные слова от слова *купе* содержат мягкий [п’], но, по сути, речь идёт только о соотношении *купе* – *купейный*, так как слово *купейность* – производное от *купейный*, было бы странно ожидать от него ещё раз мену мягкого согласного на твёрдый: **ку[пэ] → ку[п’э]йный → ку[пэ]йность. Что касается глаголов на *-ировать*, то мягкий согласный корня предопределён словообразовательной моделью.

В принципе похожее соотношение могло бы быть в паре *кофе* – *кофейный*, если бы слово *кофе* попыталось закрепить за собой иноязычный облик в виде произношения *кó[фэ]*, которое оценивается как нелитературное.

Не поддерживает соотношение *купе* – *купейный* и пара *шоссе* – *шоссейный*. Все словари и справочники указывают, что оба слова должны произноситься с твёрдым [с]. Конечно, слова с суффиксальным элементом *-ировать*, как и в предыдущем случае, на закономерность влиять не могут.

Следовательно, пара *ку*[пэ,] – *ку*[п'э]йный никак не поддержана одноструктурными словами. Данное соотношение является уникальным, своеобразным *альтернойдом*, то есть грамматическим чередованием, которое встречается только в одной паре слов. Условия чередования были сформулированы ранее в таблице 1.

Любая аномалия в языке должна иметь своё объяснение. Нами была предпринята попытка выяснить, как и когда сложилось анализируемое соотношение.

Слово *купе* появилось в русском языке в XVIII в. первоначально как танцевальный термин: «КУПЕ 1790, неизм., м. Фр. *соурй*. Шаг в танце. Оный <танец> состоит из одного балансе и одного *купе*» [13, с. 76]. Возможно, что в балетной терминологии это слово продолжает использоваться, но не оно послужило основой для последующего внедрения слова *купе* в русский язык.

Источником послужило французское слово *соурй*, обозначавшее двухместную карету. Сегодня указанное значение в русском языке фиксируется как устаревшее.

«2. Устар. Двухместная карета. Появление Накатова ... в шарабане, ландо или купэ, запряжёнными отличными рысаками, ... бросалось всем и каждому в глаза. Григор. Походж. Накатова. || Отделение в дилижансе.

– В иной (устар.) форме: к у п'э, м. (прим. см. выше); с иным (устар.) напис.: к у п э (прим. см. выше). – Толль, Прилож. к слов. 1866: к у п'э. – Франц. *соурй*, от *соурег* – резать» [14, с. 1884].

В начале XIX в., в эпоху до глобального распространения паровозов, это слово и в России обозначало двухместную карету. Примеры употребления данного слова в начале XIX в. из Национального корпуса русского языка [10]:

«Всех приводило в негодование не то, что он был ограблен: это казалось совершенно в порядке вещей; а то, что разбойники начали своё нападение тем, что выстрелили из *trabuco* в *купе дилижанса*: к счастью заряд упал ниже окна»;

«Я взял особый *дилижанс*, разделённый на два *купе*»;

«Со мной в *купе* сел худощавый мужчина, загорелый, с подстриженными усами, довольно неприятной наружности и подозрительно поглядывавший на меня; с ним был небольшой сак и шпага, завернутая в клеёнку».

Наступление паровозов потеснило «каретное» употребление.

В романе «Анна Каренина», в котором довольно широко представлена «паровозная» тематика, слово *купе* Л.Н. Толстой употребляет, но заменяет его существительным *отделение*. Правда, и сами пассажирские вагоны в то время выглядели несколько иначе. Вместо привычного для нас слова *тамбур* Л.Н. Толстой использует составное наименование *сени вагона*: «И, взявшись рукой за холодный столбик, она поднялась на ступеньки и быстро вошла в *сени вагона*» [17, с. 92].

Тем не менее и слово *купе* он употребляет, но только один раз: «Она поднялась на высокую ступеньку и села

одна в купе на пружинный испачканный, когда-то белый диван» [17, с. 641].

Любопытно, что в письмах Л.Н. Толстой употребляет это слово в другом написании: «Боюсь, что мои старания были тебе не на пользу и что ты тосковала одна в купэ» [18, с. 279].

Этот графический облик, скорее всего, отражает произношение Л.Н. Толстого.

О таком же употреблении свидетельствует наблюдение Р.И. Аванесова над записями А.А. Блока: «А. Блок в своих записных книжках пишет *купэ*, *кафэ*, подчёркивая при помощи буквы *э* твёрдость [п] и [ф] (сейчас пишется *купе*, *кафе*, хотя твёрдость [п] и [ф] сохраняется)» [4, с. 220].

Следует заметить, что лексикографы не проявляли большого внимания к слову *купе*. Впервые оно появилось в дополнениях к словарю Ф.Г. Толля 1866 г., где зафиксировано в форме *купэ* в значении *каре́та*. Словарь В.И. Даля (включая бодуэновское издание) не фиксирует данного слова.

Впервые слово *купе* в привычном для нас значении появляется в словаре Д.Н. Ушакова без соответствующей фонетической пометы: «КУПЕ́, нескл., ср. [фр. соуп́ри, букв. отрезанное] (ж.-д.). Отдельное помещение в вагоне для нескольких пассажиров» [16, с. 1549]. Д.Н. Ушаков в словаре был внимателен к орфоэпическим пометам: «В некоторых иностранных словах сохраняется несвойственное русскому языку произношение твёрдого согласного звука перед *е*. Все такие случаи отмечаются в словаре, напр.: френч [рэ́], отель [тэ́]. Где такого указания нет, надо произносить мягко, напр.: демон, музей, тема» [16, с. XXXIV]. Если строго следовать этой инструкции, то следует прийти к

выводу, что в слове *купе* Д.Н. Ушаков рекомендовал произносить мягкий согласный, то есть [куп'э́]. Впрочем, нельзя исключать, что и в этом случае была просто допущена неточность.

Долгое время слово не привлекало внимание орфоэпистов. Цитированный ранее фрагмент из записей А.А. Блока появился только в последнем издании книги Р.И. Аванесова. Интересно, что в более ранних изданиях его работы ничего не говорилось о произношении слова *купе*. Сами списки иностранных слов, в которых перед [э́] надо было произносить твёрдый согласный, у Р.И. Аванесова от издания к изданию сильно менялись.

В издании 1954 г. читаем: «Мало способны к твёрдому произношению перед [е́] губные. Лишь в единичных случаях в книжном стиле могут произноситься губные твердые перед *е*: лорд-[мэ́]р, [мэ́]рия, [пэ́]р, консо[мэ́], [мэ́]сса, канна[пэ́], к[вэ́]стор, контра[вэ́]рза» [1, с. 130].

Издание 1968 г.: «На месте букв губных согласных (*п, б, м, в, ф*) перед буквой *е* наряду с обычным произношением мягких губных ... в некоторых словах книжного происхождения, обозначающих понятия культуры, искусства, техники, могут произноситься твёрдые губные» [2, с. 187]. Твёрдо Р.И. Аванесов рекомендует произносить следующие слова с *не*: *ампéр, аспéкт, канапé, капéлла, пéленг, пенс, пéри, пропéллер, проспéрити, спéрма...* [2, с. 188].

Тот же список повторён в издании 1972 г. [3, с. 170].

Слово *купе* появляется только в переиздании 1984 г. (то есть после кончины Р.И. Аванесова в 1982 г.), вот список слов с твёрдым *п* из данного

издания: *ампёр, канapé, канёлла, купé, пёри, проспёрити*. Из перечня исчезли такие слова, как *аспéкт, пéленг, пенс, пропéллер, спёрма*, но зато появилось слово *купе* [4, с. 215]. Нельзя в данном случае исключать работу редакторов, которые попытались учесть изменения в произношении.

Можно предположить, что в первой половине XX в. слово *купе*, ставшее в это время достоянием широких масс носителей русского языка, употреблялось и в виде [куп'э,], хотя наиболее распространённым было произношение с твёрдым согласным. В фильме «Военная тайна» (1958) по повести А.П. Гайдара герой в исполнении А. Федорина говорит [купэ́].

Увлёкшись словом *купе*, мы забыли о прилагательном *купейный*. По данным Национального корпуса русского языка, это слово впервые фиксируется только в 50-е гг. XX в. Это означает, что слово *купе* без своей словообразовательной пары *купейный* в русском языке прожило 150 лет. О позднем происхождении этого слова можно найти свидетельство в воспоминаниях А.Б. Мариенгофа, которые были написаны в 1953–1956 гг.: «Жёсткий спальный билет («купейный», как говорят теперь) был куплен накануне отъезда» [10].

Это «как говорят теперь» и кавычки, в которые заключено слово, явно указывают на то, что слово *купейный* воспринимается автором как речевая инновация.

Поиск аналогичных морфонологических моделей позволил выявить ещё две пары слов, которые соответствуют сформулированным позиционным условиям. Пара *соте – сотейник* полностью соответствует обозначенному требованию: произношение этих слов: *со[тэ́] – со[т'э́]йник*. Такое соотношение зафиксировано в целом ряде словарей [16; 8]. Слово *соте* впервые зафиксировано в текстах 30-х гг. XIX в., а слово *сотейник* 'сковородка с высокими прямыми бортами' – с 80-х гг. того же века [10]. В настоящее время зафиксировано употребление *сотейный соус*, но говорить о произношении в этом случае затруднительно, так как слово *сотейный* не отражено в словарях и отсутствует в Национальном корпусе русского языка.

В выявленную закономерность укладывается и пара *ка[фэ́] – ка[ф']етёрий*. Слово *кафетерий* впервые было употреблено И. Ильфом и Е. Петровым в 1936 г. в «Одноэтажной Америке» [10]. Слово *кафе* употреблялось уже в начале XIX в. В конце статьи мы можем дополнить ранее представленную таблицу (см. табл. 2).

Таблица 2

**Условия морфонологического чередования
с участием неизменяемых существительных на [te]**

неизменяемое заимствованное слово с конечным [э]	производное слово
твёрдый согласный	мягкий согласный
ку[пэ́]	ку[п'э́]йный
со[тэ́]	со[т'э́]йник
ка[фэ́]	ка[ф']етерий
te t'e	

Нельзя ничего советовать языку, но приведённый в статье материал говорит, что в русском языке в зародыше имеется тенденция неизменяемые слова произносить с твёрдым согласным перед *е*, а производные от них – мягко, но сейчас эта тенденция смята наступающим повсеместно твёрдым произношением. Скорее всего, будущее

за соотношением *купе* – *купейный* по типу *шоссе* – *шоссейный*. Сомнительно, что и другие слова сохраняют описанную морфонологическую модель. Фонетические приметы заимствованных слов постепенно нивелируются, становясь частью собственно русской фонетической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1954. 184 с.
2. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 4-е изд. М.: Просвещение, 1968. 287 с.
3. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 5-е изд. М.: Просвещение, 1972. 415 с.
4. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 6-е изд. М., 1984. 383 с.
5. Агеенко Ф.Л., Зарва М.В. Словарь ударений для работников радио и телевидения. М.: Советская энциклопедия. 1967. 688 с.
6. Агеенко Ф.Л., Зарва М.В. Словарь ударений русского языка. М.: Русский язык, 1993. 927 с.
7. Каленчук М.Л. О расширении понятия позиция // Фортунатовский сборник. Материалы научной конференции, посвящённой 100-летию Московской лингвистической школы 1897–1997 гг. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 27–32.
8. Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2012. 1000 с.
9. Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Словарь трудностей русского произношения. М.: Русский язык, 1997. 467 с.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 23.03.2018).
11. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р.И. Аванесова. М.: Русский язык, 1989. 684 с.
12. Русское литературное произношение и ударение / под ред. Р.И. Аванесова, С.И. Ожегова. М.: ГИС, 1960. 709 с.
13. Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю.С. Сорокин. СПб.: Наука, 2000. Вып. 11. 255 с.
14. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.-Л.: АН СССР, 1956. Т. 5. 1918 с.
15. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. М.: Русский язык, 1985.
16. Толковый словарь русского языка. В 4-х т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935. Т. I. 1562 стлб.
17. Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Наука, 1970. 911 с.
18. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Серия 3. Письма. Т. 67. М.: Художественная литература, 1955. 339 с.
19. Штудинер М.А. Словарь образцового русского ударения. М.: Айрис-Пресс, 2007. 576 с.

REFERENCES

1. Avanesov R.I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie. 2-e izd* [Russian literary pronunciation. 2nd ed.]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1954. 184 p.
2. Avanesov R.I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie. 4-e izd* [Russian literary pronunciation. 4th ed.]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 287 p.
3. Avanesov R.I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie. 5-e izd* [Russian literary pronunciation. 5th ed.]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1972. 415 p.
4. Avanesov R.I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie. 6-e izd* [Russian literary pronunciation. 6th ed.]. Moscow, 1984. 383 p.
5. Ageenko F.L., Zarva M.V. *Slovar' udarenii dlya rabotnikov radio i televideniya* [The dictionary of accents for workers of radio and television]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1967. 688 p.
6. Ageenko F.L., Zarva M.V. *Slovar' udarenii russkogo yazyka* [The dictionary of accents of the Russian language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1993. 927 p.
7. Kalenchuk M.L. [On the extension of the concept of position]. In: *Fortunatovskii sbornik. Materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly 1897–1997 gg* [Fortunatovskaya collection. Materials of scientific conference devoted to 100-anniversary of the Moscow linguistic school 1897–1997 gg]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000. pp. 27–32.
8. Kalenchuk M.L., Kasatkin L.L., Kasatkina R.F. *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka* [Big orthoepic dictionary of the Russian language]. Moscow, AST-Press Publ., 2012. 1000 p.
9. Kalenchuk M.L., Kasatkina R.F. *Slovar' trudnostei russkogo proiznosheniya* [The dictionary of difficulties of the Russian pronunciation]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1997. 467 p.
10. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 23.03.2018).
11. Avanesov R.I., ed. *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic dictionary of the Russian language: Pronunciation, accent, grammatical forms]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1989. 684 p.
12. Avanesova R.I., Ozhegov S.I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie i udarenie* [Russian literary pronunciation and accent]. Moscow, GIS Publ., 1960. 709 p.
13. Sorokin Yu.S., chief ed. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of Russian language of the 18th century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, iss. 11. 255 p.
14. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language. in 17 vol.], Moscow-Leningrad, USSR Academy of Science Publ., 1956. Vol. 5. 1918 p.
15. Tikhonov A.N. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka. V 2 t.* [Word-formation dictionary of the Russian language. In 2 vol.]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1985.
16. Ushakov D.N., ed. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. V 4-kh t* [Explanatory dictionary of the Russian language. In 4 vol.]. Moscow: OGIZ Publ., 1935. Vol. I. 1562 columns.
17. Tolstoy L.N. *Anna Karenina* [Anna Karenina]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 911 p.
18. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. Series 3. Letters. V. 67. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1955, 339 p.
19. Shtudiner M.A. *Slovar' obraztsovogo russkogo udareniya* [Dictionary of exemplary Russian accent]. Moscow, Airis-Press Publ., 2007. 576 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколянский Александр Анатольевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики Северо-Восточного государственного университета;

e-mail: sokol_2001@outlook.com, sokol_2001@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr A. Sokolyanskiy – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of the Russian philology and Journalism, North-Eastern State University;

e-mail: sokol_2001@outlook.com, sokol_2001@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соколянский А.А. Кофе в купе с видом на шоссе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 91–100

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-91-100

FOR CITATION

Sokolyanskiy A.A. Coffee in the compartment with a view on the road. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 91–100

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-91-100

УДК 81:38

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-101-110

СИСТЕМА ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Токарева Л.В.*Бакинский славянский университет,**AZ1014, г. Баку, ул. Сулеймана Рустама, д. 33, Азербайджан*

Аннотация: В статье рассматривается система выразительных средств в пространстве русскоязычного текста. Цель статьи – выявить систему выразительных средств в русскоязычных художественных текстах азербайджанских авторов, дать анализ особенностей употребления этих средств и способы введения их в текст. В статье показано, что образные средства в русскоязычном тексте свидетельствуют о стремлении авторов создать свой неповторимый, нестандартный язык с целью максимально полного раскрытия того или иного художественного образа. Делается вывод о том, что в целом средства художественной выразительности создают эмоциональную «картину» русскоязычного текста, рисуют образ автора, который придаёт тексту национальный колорит через использование явлений и реалий, отличающихся от российской действительности.

Ключевые слова: русскоязычный текст, сравнение, олицетворение, метафора, ассоциации, прецедентный текст.¹

SYSTEM OF EXPRESSIVE MEANS IN THE RUSSIAN LITERARY TEXTS

L. Tokareva*Baku Slavic University**33, Suleiman Rustam st., Baku, AZ1014, Azerbaijan*

Abstract. The article deals with the system of expressive means in Russian-language texts. The purpose of the article is to reveal the system of expressive means in Russian-language art texts of Azerbaijani authors, to analyze the features of using these means and ways of introducing them into the text. The article shows that figurative means in the Russian-language text testify to the authors' desire to create their own unique, non-standard language with the aim of maximizing the full expression of one or another artistic image. It is concluded that in general, the means of artistic expression create an emotional "picture" of the Russian-language text, draw the image of the author, who gives the text a national flavor through the use of phenomena and realities that differ from Russian reality.

Key words: Russian-language text, comparison, impersonation, metaphor, association, precedent text.

Введение

В настоящее время существует яркий художественный феномен – русскоязычная литература, который возник благодаря внушительному пласту произведений, написанных на русском языке авторами, являющимися представителями разных народов, в том числе азербайджанского народа (Ч. Гусейнов, А. Мамедов, Э. Агаев, Э. Гасанов, Р. Ибрагимбеков, М. Ибрагимбеков и др.). Литература эта имеет двойственную природу, так как любой из её авторов принадлежит как минимум к двум национальным культурам. Лингвисты считают, что в русскоязычной художественной литературе запечатлён особый русский язык, который следует подвергать исследованиям. Кроме того, как показывают работы лингвистов, русскоязычные художественные тексты доказывают своим существованием высокую степень кодируемости русской языковой системы [2, с. 241].

Целью данной статьи является выявление системы выразительных средств в русскоязычных художественных текстах азербайджанских авторов. В статье поставлены следующие задачи: выявить средства выразительности в отобранных русскоязычных произведениях азербайджанских авторов; проанализировать особенности средств выразительности и способы их введения в текст.

Типология национальных образных ассоциаций пока не стала предметом серьёзного изучения, но вызывает интерес исследователей, поскольку типы образных ассоциаций – это механизмы подсознательных психических реакций. «Они несут в себе доведённую

до рефлекса родовую память этноса: они порождены условиями жизни – природой, бытом, трудом, нравами и теми ценностными представлениями, которые сложились за многие века. Это самые мельчайшие архетипы национального сознания», – отмечает Н.Л. Лейдерман, посвятивший большое количество работ феномену русскоязычной литературы [7, с. 21–22]. Совмещение двух языковых стихий, двух разных систем образов порождает особый текст, в процессе создания которого нерусский автор «находит из ещё ненайденных русских средств такие, которые приспособлены для выражения образов иных культур» [2, с. 4–5].

Экспрессивность, или выразительность, художественного текста является одной из актуальных проблем современной лингвистики. Её значение заключается в том, что она способствует субъективной окрашенности текста, передавая настроение автора. В языке существуют многообразные лексические средства выразительности – образные средства, особенно метафоры, для которых характерны эмоционально-экспрессивная напряжённость и эффект своеобразной парадоксальности. Индивидуально-авторская метафора выполняет в тексте субъективно-оценочную функцию, которая, в свою очередь, тесно связана с окказиональным стилистическим смыслом. Роль индивидуальных авторских метафорических образований выявляется в языке литературных произведений, как правило, в виде выполняемых ими функций образной характеристики, функции конкретизации, а также функции оценки. Определить и проследить, какие образно-речевые

средства, концепты и стилистические приёмы использовал автор для создания неповторимого концептуализированного мира своего народа, важно и с точки зрения теоретического исследования художественного русскоязычия как нового типа литературного творчества на русском языке [4, с. 105].

Для анализа мы отобрали рассказ начинающего автора С. Сафаровой и известного русскоязычного писателя Н. Расулзаде, опубликованные на страницах республиканского русскоязычного журнала «Литературный Азербайджан». Нами была поставлена цель – сравнить художественную картину мира этих авторов. Под художественной картиной мира мы, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, понимаем индивидуально-авторскую картину мира, запечатлённую в художественном тексте: «Картина мира в художественном тексте создаётся языковыми средствами, при этом она отражает индивидуальную картину мира в сознании писателя и воплощается в отборе элементов содержания художественного произведения, отборе используемых языковых средств. В художественной картине мира могут быть обнаружены концепты, присущие только данному авторскому восприятию мира – индивидуальные концепты писателя [9, с. 8]

Результаты исследования

В процессе анализа художественных текстов мы выявили, что для художественной картины мира С. Сафаровой характерна метафоричность изображения. Эту особенность можно обозначить как метафорическую «плотность» текста: набор метафор (в

широком понимании) в ткани произведений становится существенным, отличительным, маркирующим признаком художественного мира С. Сафаровой. Её текст отличается психологизмом, сосредоточен на анализе эмоционального состояния, мыслей и переживаний героини, поэтому для понимания текста невозможно обойтись без понятия рефлексии, определяемой в данном случае как «связка между извлекаемым прошлым опытом и ситуацией, которая представлена в тексте как предмет для освоения» [3, с. 9]. Установлено, что такая фигура речи, как метафора, легче и быстрее других фигур стимулирует рефлексивные процессы и поэтому представляет собой эффективное средство понимания содержательности текста [6]. Не случайно именно метафора рассматривается исследователями как один из конститuentов семантического пространства художественного текста [16].

Рассмотрим метафорический рисунок рассказа «Дневник» С. Сафаровой [14]. Само название рассказа имеет метафорическое значение: дневник героини Н. называет *зеркалом*, но в нём дано описание *вымышленной жизни*, хотя мы знаем, что дневник – жанр биографический. Обычно образ зеркала оказывается в художественном тексте тесно связанным с категориями сознания и мышления. Именно глядя на своё отражение, герой «осознаёт» себя и рефлексировать [10]. Здесь в качестве зеркала используется дневник (вещный знак), который несёт ассоциативную нагрузку для интерпретации картины мира героини: это её самонаблюдения, самопонимание. В процессе дневниковых размышлений героиня

переосмысливает и перестраивает своё сознание.

В тексте жизнь героини заполнена образами чего-то липкого и обволакивающего: лицо тёти – «застывающая питательная глина», ладони отца – «безвольный пластилин», отношения между отцом и матерью героини – «липкая смесь продуктов семейного распада». И только в дневнике «с заимствованных предметов сползала вязкая, обесценивающая их патока повседневности».

Героиня Н. хотела жить по законам своего дневника-зеркала, где «можно установить иные часы, заставить их замереть на фоне прекрасной жизненной подробности». В рассказе неоднократно повторяется слово *подробность* и его контекстуальные синонимы: «невыразительная реальность», «потаянные знаки», «жизненные истории», «осколки жизни» и др.

Рассказ насыщен метафорически осмысленными подробностями – символами-противопоставлениями: это голубой лев, который должен был символизировать память об отце, но валяется заброшенным в доме героини (*память – забвение*); это желание героини получить в подарок младенца, похожего на соседского мальчика, – и совершенное безразличие к родившемуся у отца сыну, своему сводному брату (*забота – равнодушие*).

Сама Н. не «вписалась» в особенную жизнь дневника: не получалось описать детально своего избранника – «он решительно отказывался переходить в зеркальный мир»; жизнь героини представлялась ей «тяжёлой волной», сбивавшей дневниковую жизнь; однако «постепенно волна эта мельчала». Героиня поняла, какая из

двух реальностей победила: дневник был забыт.

Наряду с метафорами автор использует *сравнения и олицетворения*. Отметим, что С. Сафаровой удаётся построить конструкции, включающие абстрактные объекты сравнения: *реальность* «треснула, как плотное яблоко под острым ножом», укус на руке похож «на фиолетовое облачко на матово-молочном небе», *человеческие отношения* в реальной жизни предстают как «обшарпанный линолеум в казённом учреждении», воспоминания «витали в воздухе как пар из электрического самовара», факт «ускользал от описания, как бабочка от смертоносного сачка» [14, с. 85–86].

Автор использует цепочку сравнений, развёртывая их в ассоциативный портрет матери героини Н. – непримечательной женщины, которую муж оставил ради молодой и энергичной девушки: «икры матери похожи на половинки песочных часов... По этим икрам-часам разбежались голубые змейки вен [14, с. 85]. Змейки напоминали грубо разбросанные обрывки ниток». Через какое-то время появляется изображение новой жены отца Н., которая с тех пор сильно изменилась: «наполняющая её былая живость улетучилась, как эфир из разбитой колбы. Казалось, она вся раздвинулась, как складная ширма». Скрытое сравнение присутствует и в описании отца: глазами повзрослевшей девочки отец «ничуть с тех пор не изменился – разве что **обрядился в старомодную, с вышитыми кармашками рубашку, которую в её городе носили играющие в шашки пенсионеры**» [14, с. 89]. Этим автор подчёркивает влияние «зазер-

кальной» (не дневниковой) реальности, которая «приземляет» людей.

Для создания образа в рассказе используются *эпитеты*: с одной стороны, «раскалённо-рыжий локон», «рыжеволосая девушка». С другой – «металлический ор» матери, «немужественные ботинки» беглеца, «бестолковая мысль» отца. Отсюда можно перебросить ассоциативный «мостик» к ироническому восприятию отца 5-летней девочкой: «тёмный шар головы и светлые ботинки того, кто был отцом пятилетней Н.». Эти образы не являются адекватным отражением явлений действительности: в них сознательно отражены и переданы те признаки, которые выражают авторское отношение к изображаемому.

Автор создаёт атмосферу не зеркального отражения события и впечатления от него, сопоставляя в описании несовместимые понятия, однако не прибегает к помощи оксюморона: «Очень странно и некрасиво двигался её отец. А вот **кафельный пол**, разделённый на чёрно-белые блестящие прямоугольники, наоборот, **был очень красив**»; «Она тебе не нравится, – констатировал отец. «Она плохо рисует», – отозвалась Н.». [14, с. 89].

В контексте с другими тропами встречается *олицетворение*: «маска тётки была целительна, и **как шаман в ритуальных плясках**, отгоняла предполагаемые несчастья»; «подробности оживали и клокотали, **как сердце новорожденного телёнка**».

Перенос происходит, когда неодушевлённые предметы наделяются качествами живых существ, например, «лестничные **ступени остались свидетелями и соучастниками происхо-**

дящего», «**пена ярко-оранжевых, еженедельно купающихся в хне волос**».

Образные средства в данном случае свидетельствуют о стремлении автора создать свой неповторимый, нестандартный язык с целью максимально полного раскрытия того или иного художественного образа.

Заметим, что в тексте С. Сафаровой героини не наделены именем: безымянность – это сложный приём создания художественного образа [15]. Его можно рассмотреть в аспекте игровой поэтики текста, поскольку «утаивание собственного имени замысливается автором, который сознательно обманывает, запутывает, вводит в заблуждение читателя, заставляя его искать «ключи» к пониманию имплицитной «составляющей» – содержательно-подтекстовой информации» [5, с. 144]. Если для всех героев рассказа «неимение» имени выступает знаком отсутствия индивидуальности, то для героини – это символ лишения индивидуальности. Этот приём отличает авторскую манеру С. Сафаровой от стиля известного русскоязычного писателя Азербайджана Натига Расулзаде, который использует в качестве выразительного средства прецедентные феномены, в том числе прецедентные имена.

Для исследования художественных текстов важно учитывать, что писатель может использовать разные типы прецедентных феноменов, опираясь на свою этнокультурную принадлежность, и как специальный приём, показывающий этнокультурную принадлежность своего персонажа [1, с. 12]. Различное их восприятие наиболее ярко проявляется при изучении закономерностей межъязыковой и меж-

культурной коммуникации: выбор тех или иных аспектов прецедентности зависит от преобладания в той или иной культуре определённых лингвокультурных концептов и стереотипов, а также внелингвистической ситуации в тот или иной исторический период [8, с. 165–175].

В данной статье мы остановили внимание на использовании Н. Расулзаде прецедентного имени, под которым нами понимается «индивидуальное имя, связанное 1) с широко известным текстом, относящимся к числу прецедентных, или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная, или 3) имясимвол, указывающее на некоторую эталонную совокупность определённых качеств» [4, с. 108]. Прецедентное имя – это смысловая доминанта текста, которая влияет на формирование смысла. Прецедентные имена, включаемые в русскоязычный текст, приобретают новый смысл, требующий иного прочтения, поскольку часто используются в авторском (метафорическом) значении, создавая сложный подтекст.

Специфика текстов Н. Расулзаде заключается в том, что автор с высокой частотностью использует отсылки к прецедентным именам, и эти отсылки являются основным средством выражения авторской иронии. Заметим, что для его прозы доминантными являются такие тематические поля прецедентных имён, как страны, города, зарубежные писатели, имена, праздники. Подвергнув анализу некоторые тематические поля из русскоязычной прозы Н. Расулзаде, мы пришли к выводу, что прецедентные имена в рассмотренных нами произведениях чаще всего употребляются с изменённым

значением. Например, в следующем контексте Н. Расулзаде употребляет имя Аристотель, за которым стоит понятие «философ»: «Имя у Гасанова как раз-таки было не рядовое, а самое что ни на есть выдающееся – *Аристотель*, что на азербайджанском звучало, как Аристун, Аристун Гасанов» (Ловушка) [12, с. 29]. Подтекстовое значение этого имени обнаруживается внутри самого контекста, из которого становится ясно: героя считают рядовым обывателем, что навеивает на него тоску. Это имя автор иронически обыгрывает, сопровождая его в дальнейшем фамилиями, что создаёт комический эффект: «У русских это примерно, как *Аристотель Иванов*, у украинцев – *Аристотель Сидоренко*, ну, и так далее...» [12, с. 29].

Также иронически окрашен текст с упоминанием известного индийского артиста Раджа Капура, чьё имя помогает Н. Расулзаде «облагородить» увлечение людей в советское время (особенно на Кавказе) малохудожественным индийским киноискусством: «И тут как нельзя кстати пришлось ... искусство *Раджа Капура*, которое подспудно пропагандировало окрашенные в романтические тона бедность и нищету, так что многие граждане – в особенности молодые – чуть ли не гордились своей бедностью, и все поголовно стремились стать бродягами, как герой фильма знаменитого Раджа» [13, с. 38]. Здесь мы чувствуем сожаление автора по поводу прошедшей жизни и её изменчивости.

Тематические поля «Страна» и «Город» чаще всего служат проекцией на неустроенность современной писателю действительности; показывается дискомфортность и неблагополучие

собственной страны или города. Например, в следующем контексте через введение названия страны *Норвегия* автор демонстрирует косность азербайджанского общества, страх героя показаться не таким, как принято в этом обществе: «Ей нравилась его коротко остриженная, аккуратная борода, но усы – нет. Несмотря на это, он оставил и то, и другое. Ещё бы – сбрить усы и оставить бороду! Сразу привлечёшь внимание. Не в *Норвегии* живём» (Вор) [12, с. 24]. Упоминание Англии, Германии, Москвы, Лондона свидетельствует о недоверии к своей собственной образовательной системе, медицине: «Внучка росла, жена ворчала, младшая дочь уехала на год учиться в *Англию*»; «Гасанов решил поехать с ней в *Москву*, в онкологический, на обследование, не доверяя местным эскулапам» (Вор) [12, с. 54–55]; «До последних дней он жил надеждой. Перед отъездом в *Германию* на операцию он мне сказал: – Вот вернусь и, дай Бог, начнём работать»; «Но не станешь же спрашивать у незнакомого человека, правда ли, что он работает портным, или слесарем, или преподавателем в школе, что недоволен своей зарплатой и детьми или, напротив, – хорошо зарабатывает и послал сына учиться в *Лондон*» [13, с. 30] и пр.

С другой стороны, названия стран вводятся в контекст как символы обеспеченной жизни (модная дизайнерская одежда, путешествия, экскурсии): «Мужчины во фраках и, как минимум, дорогих костюмах, приобретённых в *Париже* и *Лондоне*, женщины в эксклюзивных платьях, стоивших целое состояние...» (Золотая монета) [12, с. 66]; «В этот раз, – рассказывал он мне, – я полетел домой, но было скуч-

но, и через неделю я поехал в *Испанию*. Великолепная страна. Я был в *Кордове*, на родине Лорки, в *Мадриде*... Ты бывал в Испании? – Издеваешься? – уныло спрашивал я в свою очередь, и он вспоминал, что его вопрос на самом деле звучит издевательски для советского студента» [13, с. 46]. Заметим, что в последнем контексте героем путешествий был подпольный миллионер Хасан. По мысли автора, такие путешествия были доступны в советское время только избранным лицам.

В тематическом поле «Праздники» интересно представлено прецедентное имя *Новруз байрам*. Этот праздник весны почитается и любим всеми на Востоке и является, по существу, Новым годом у мусульман. Между тем в контексте мы можем увидеть, как через это имя автор противопоставляет привычные для Новруз байрама атрибуты чему-то новому, необычному, что само по себе превращается в праздник: «Хотя в нашей национальной кухне не было недостатка в сладостях – пахлава, шекербура, шекерчорек, что пеклись на каждый *Новруз байрам*, но миндальные пирожные – было что-то особенное, не пирожные – мечта» [11, с. 31]. С другой стороны, мы встречаемся с упоминанием праздника, который был столь долгожданен и связывался только с самыми добрыми традициями (например, во время Новруз байрама нужно было помириться со всеми, с кем человек был в ссоре), в ситуации, когда мать героя покончила с собой именно в этот день: «А было это, как сейчас помню, ровно двадцать пять лет назад, под *Новруз байрам*, холодная стояла погода, дождь лил, хоть и весна» (Вор) [12, с. 28]. Здесь даётся противопоставление между условно-

стью жизни (наступление праздника) и реальностью жизни (невозможностью дальнейшего существования), между светлым праздником и тёмными мыслями, убивающими героиню.

Выводы

Таким образом, средства художественной выразительности создают эмоциональную картину русскоязычного текста, рисуют образ автора, который придаёт тексту национальный колорит через использование явлений и реалий, отличающихся от российской

действительности, через сложный мир метафор и прецедентных имён. Метафорические выражения образно передают смыслы, которые не поддаются прямым номинациям, но играют важную роль в сюжетном и композиционном построении произведения. В выборе прецедентных имён, вводимых в структуру русскоязычного произведения, очевиден авторский замысел: они становятся символами, которые способны обозначать уже не конкретные имена, а концепты, такие, как «тоска», «сожаление», «мука», «смирение» и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемьева П.С. Прецедентные феномены в художественном произведении как показатель этнокультурной принадлежности автора и его персонажей // Вопросы современной науки: коллективная научная монография / под ред. Н.Р. Красовской. М.: Интернаука, 2015. Т. 1. С. 6–29.
2. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Изд. 2-е доп. Астана: ЦБО и МИ, 2009. 282 с.
3. Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин: Калининский государственный университет, 1986. 85 с.
4. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
5. Кравченко Э.А. Анаграммирование как приём поэтики сокрытия имени в художественном тексте // Вісник Донецького національного університету. Сер.: гуманітарні науки. 2013. Вип. 1–2, Т. 1. С. 144–150.
6. Крюкова Н.Ф. Метафоризация и метафоричность как параметры рефлексивного действия при продукции и рецепции текста: дис. ... д-ра. филол. наук. Тверь, 2000. 288 с.
7. Лейдерман Н.Л. Русскоязычная литература - перекресток культур // Филологический класс. 2015. № 3(41). С. 19–24.
8. Опарина Е.О. Прецедентный текст и его роль в культурно-языковом социуме // Социоллингвистика вчера и сегодня: сборник научных трудов / отв. ред. И.Н. Трошина. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2008. С. 165–175.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2007. 61 с.
10. Попова Ю.С. «Что было в зеркале, померкло, потерялось...» (Символика зеркала в прозе И.А. Бунина) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Вып. 4(18). С. 193–196.
11. Расулзаде Н. Гольфстрим // Литературный Азербайджан. 2015. № 10.
12. Расулзаде Н. Ловушка. Золотая монета. Вор // Литературный Азербайджан. 2009. № 2.
13. Расулзаде Н. Фотографии отца // Литературный Азербайджан. 2008. № 6.
14. Сафарова С. Дневник // Литературный Азербайджан. 2012. № 3.

15. Трощинская-Степушина Т. е. Безымянность как способ номинации персонажа в современной белорусской русскоязычной прозе // II Международные ономастические чтения имени Е.С. Отина (22–23 октября 2016 г.). Донецк, 2016. С. 156–164.
16. Узенцова Е.А. Метафора и символ как конститuenty семантического пространства художественного текста // Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. СПб.: Инновационный центр развития образования и науки, 2015. № 2. С. 45–47.

REFERENCES

1. Artem'eva P.S. [Precedent phenomena in the work of art as an indicator of ethno-cultural background of the author and his characters]. In: *Voprosy sovremennoi nauki* [Questions of modern science]. Moscow, Internauka Publ., 2015. Vol. 1. pp. 6–29.
2. Bakhtikireeva U.M. *Tvorcheskaya bilingval'naya lichnost' (osobennosti russkogo teksta avtora tyurkskogo proiskhozhdeniya)* [Creative bilingual person (the specifics of Russian text by the author of Turkic origin)]. Astana, CBO and MI Publ., 2009. 282 p.
3. Bogin G.I. *Tipologiya ponimaniya teksta* [The typology of text comprehension]. Kalinin, Kalinin State University Publ., 1986. 85 p.
4. Gudkov D.B. *Teoriya i praktika mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 288 p.
5. Kravchenko E.A. [Anagrammy as the reception of the poetics of concealing a name in an artistic text]. In: *Visnik Donets'kogo natsional'nogo universitetu. Ser.: humanitarni nauki* [Bulleting of Donetsk national University. Series: humanitarian sciences], 2013, iss. 1–Kryukova N.F. *Metaforizatsiya i metaforichnost' kak parametry reflektivnogo deistvovaniya pri produktsii i retseptsii teksta: dis. ... dokt. filol. nauk* [Metaphorization and metaphor as parameters to reflective action in the production and reception of the text: D. thesis in Philological Sciences]. Tver, 2000. 288 p.
6. Leiderman N.L. [Russian literature – crossroads of cultures]. In: *Filologicheskii klass* [Philological Class], 2015, no. 3(41), pp. 19–Oparina E.O. [Precedent text and its role in cultural-linguistic society]. In: *Sotsiolingvistika vchera i segodnya: sbornik nauchnykh trudov* [Sociolinguistics yesterday and today: collection of scientific works]. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences Publ., 2008. pp. 165–175.
7. Popova Z.D., Sternin I.A. *Yazyk i natsional'naya kartina mira* [Language and national world picture]. Voronezh, Istoki Publ., 2007. 61 p.
8. Popova Yu.S. [“What was in the mirror, faded, got lost ...” (the symbolism of the mirror in the prose of I. Bunin)]. In: *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Scientific Newsletter of Voronezh State Technical University. Series “Linguistics and Intercultural communication”], 2015, no. 4(18), pp. 193–Rasulzade N. [The Gulf stream]. In: *Literaturnyi Azerbaidzhan* [Literary Azerbaijan], 2015, no. 10.
9. Rasulzade N. [Trap. Gold coin. Thief]. In: *Literaturnyi Azerbaidzhan* [Literary Azerbaijan], 2009, no. 2.
10. Rasulzade N. [Photos of father]. In: *Literaturnyi Azerbaidzhan* [Literary Azerbaijan], 2008, no. 6.
11. Safarova S. [Diary]. In: *Literaturnyi Azerbaidzhan* [Literary Azerbaijan], 2012, no. 3.
12. Troshchinskaya-Stepushina T.E. [Namelessness as a way of nomination of the character in the modern Belarusian Russian-speaking prose]. In: *II Mezhdunarodnye onomasticheskie chteniya im. E.S. Otina (22–23 oktyabrya 2016 g.)* [Second International onomastic reading

named after E.S. Otin (October 22–23, 2016)]. Donetsk, 2016. pp. 156–Uzentsova E.A. [Metaphor and symbol as constituent of semantic space of a literary text]. In: *Aktual'nye voprosy gumanitarnykh nauk v sovremennykh usloviyakh razvitiya strany: sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual questions of the humanities in the current conditions of the country's development: a collection of scientific papers on the results of an international scientific and practical conference]. St. Petersburg, Innovative Center for the Development of Education and Science Publ., 2015, no. 2, pp. 45–47.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Токарева Любовь Валентиновна – старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания Бакинского славянского университета;
e-mail: iliada80@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyubov V. Tokareva – a senior professor at the Department of General and Russian Linguistics, Baku Slavic University;
e-mail: iliada80@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Токарева Л.В. Система выразительных средств в русскоязычном художественном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 101–110
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-101-110

FOR CITATION

Tokareva L.V. System of expressive means in the Russian literary texts. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 101–110
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-101-110

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-111-120

МУЗЫКА В ТВОРЧЕСТВЕ Г. ГАЗДАНОВА («БЕЗМОЛВНЫЙ КОНЦЕРТ» В «ВЕЧЕРА У КЛЭР» И «НЕМАЯ СИМФОНИЯ» В «ЭВЕЛИНЕ И ЕЁ ДРУЗЬЯХ»)

Нижник А.В., Кольцова Н.З.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассмотрено, как актуальный в эпоху модернизма принцип синтеза искусств проявил себя в поэтике романов Гайто Газданова. С помощью метода мотивного анализа и поуровневого анализа текстовых единиц (от уровня синтагм к уровню архитектоники) установлено, что музыка в творчестве Газданова выступает не только в качестве изобразительной детали, но и как принцип организации текста. На материале романов «Вечер у Клэр» и «Эвелина и её друзья» показано, что музыка для Газданова связана с темой житнетворчества и становится маркером «самоопределяющей» художественной манеры. Таким образом показано, что ранняя проза писателя несла следы символистского принципа «мира как музыки» и опиралась на открытия Серебряного века. В поздний период, несмотря на обращение к беллетристическим приёмам, Газданов не изменил принципу музыкальности как главного «камертона» литературного искусства.

Ключевые слова: Гайто Газданов, «Вечер у Клэр», «Эвелина и её друзья», модернизм, синтез искусств, музыка.

GAITO GAZDANOV'S MUSIC ("THE SILENT CONCERTO" IN "AN EVENING AT CLAIRE'S" AND "THE MUTE SYMPHONY" IN "EVELINA AND HER FRIENDS")

A. Nizhnik, N. Koltsova

*Lomonosov Moscow State University
1, bld. 51, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article describes the synthesis of arts modernist principle in the poetics of Gaito Gazdanov's novels. The analysis of motives and units of text helps to establish the fact, that music is not just a literary detail, but also a method of the narrative structure of Gazdanov's prose. The study is based on the material of the novels "An Evening with Claire" and "Evelina and Her Friends". As shown, music for Gazdanov is connected with life-creating theory and becomes a marker of self-determining artistic manner. This demonstrates, that in his early writings we can see the traces of symbolist principle «world as music». In later works, Gazdanov preferred belletristic style, but still put music in the centre of his works and used it as a "tuning fork" for his art.

Key words: Gaito Gazdanov, "An Evening with Claire", "Evelina and Her Friends", modernism, synthesis of arts, music.

Особый статус музыки в истории романтического миропонимания и следовавшей за ним философии модернизма определяется двумя важными сочинениями XIX в.: «О сущности музыки» А. Шопенгауэра и «Рождение трагедии из духа музыки» Ф. Ницше. Для Шопенгауэра музыка – это искусство искусств, потому что в ней отсутствует элемент подражания миру – она сама по себе и знак, и означаемое [16, с. 224–227]. Композитор выполняет задачу куда более сложную, чем художник или скульптор, поскольку в своём творчестве он моделирует не определённый предмет, а жизнь, «обобщённый язык вещей». Ницше, продолжая логику Шопенгауэра, утверждал, что «музыка есть подлинная идея мира» [14, с. 127], и ставил композитора как творца мира на место демиурга. Трансмузыкальность европейской литературы можно проследить от Средних веков [13], однако именно в XX в. обновлённый художественный стиль дал возможность разным авторам наиболее ярко осуществить эту тенденцию на практике.

Как показывает А.В. Геворкян [7], подобные идеи в России высказывал и А. Белый, моделировавший музыкальный ряд в лирике и прозе («Мне

музыкальный звукоряд // Отображает мирозданье» [3, с. 465]), и А. Ахматова: «Подслушать у музыки что-то. И выдать шутя за своё» [2, с. 8]. Модернистская литература 20-х гг. XX в. наследовала этим принципам, хотя и отходила от экстатического восторга перед миром звуков. Скорее сам этот мир становился менее сакральным и недоступным, и музыка классическая и модернистская уступала место массовой популярной культуре.

Гайто Газданов – писатель, для которого музыка составляла одну из важнейших примет времени. Этот момент был отмечен Ласло Диенешем в одном из первых исследований жизни и творчества писателя [8, с. 144–146]. Два романа Г. Газданова («Вечер у Клэр» (1929) и «Эвелина и её друзья» (1968)) показывают не только траекторию творчества самого автора, но и переход европейской прозы от модернизма к постмодернизму. В первом из них в полной мере проявились все особенности ранней прозы писателя: космополитичность, стилевая усложненность, замена сюжета внешним сюжетом внутренним. Во втором, позднем, отчётливо заявили о себе характерные черты поздней газдановской прозы с её установкой на сближение с литера-

турой массовой и прежде всего с европейской беллетристикой, немыслимой без динамичного сюжета, неожиданных совпадений, обаятельных героев и не менее привлекательных злодеев.

Музыка вошла в прозу Газданова вместе с самым ранним детским воспоминанием – протяжным звуком пилы, который вспоминает повествователь «Вечера» [4, с. 50]. Роман «Эвелина и её друзья» начинается с музыки и целиком построен вокруг звуковой образности. Как указывает А. Кибальник, в творчестве Газданова, как правило, не встречаются немотивированные ассоциации, как правило, воспоминание инспирируется какой-либо деталью [10, с. 52]. Однако музыкальные воспоминания являются воплощением немотивированной памяти – в соответствии с концепцией «музыки сфер».

Оба романа сконцентрированы вокруг женщины, которая входит в сознание читателя под «музыкальное сопровождение» – будь то незамысловатая песенка в «Вечере у Клэр» или виртуозная игра известного пианиста в «Эвелине и её друзьях».

«Вечер у Клэр» (1929), ставший своеобразной «визитной карточкой» писателя, прославил его и записал в историю литературы XX в. И импрессионистическая манера письма, и интерес к жизни сознания и подсознания, и сосредоточенность на проблемах времени и памяти – всё отвечало тем представлениям об искусстве, которые к тому времени сложились в русской и европейской «постсимволистской» литературе. Газданов, как и его современники, был приверженцем идеи синтеза искусств. Писатель «рисовал» интерьеры (дом Клэр), портреты (отсылая читателя к художественным техникам

своего времени) и старался размывать границы между жизнью и искусством.

Музыка «спрятана» глубже, чем визуальное восприятие мира: её герой не видит глазами, а чувствует вокруг себя, называя жизнь «безмолвным концертом», несовершенным и недолговечным [4, с. 97]. У героя романа чувствительный слух: образ Клэр для него «звучит» как её имя и голос, а воспоминания о детстве, России, гражданской войне сопровождаются подробным описанием звуков. То же касается и характеристики других персонажей. Например, об отце герой знает главное: «он любил музыку и подолгу слушал её не двигаясь, не сходя с места» [4, с. 55].

Музыка последней части романа «Вечер у Клэр» ощутимо меняется, поскольку в ней даётся оркестровка звуков войны, и звуки, точнее, музыка детства, сменяются какофонией. Во сне герою слышится «музыка необычайно шумного оркестра» [4, с. 155], а, когда он просыпается, этот концерт оказывается шумом войны: «Но снаряд попал в соседний вагон, набитый ранеными офицерами; из него сразу понеслась целая волна криков – как это бывает в концерте, когда дирижёр быстрым движением вдруг вонзает свою палочку в правое или левое крыло оркестра и оттуда мгновенно рвётся вверх целый фонтан звона, шума и трепета струн» [4, с. 156]. При этом Газданов подчёркивает симфоническое, оркестровое звучание этой музыки: «Чёрный дождь разрывов и различные звуки – от сухого царапанья пуль об камни и упругого звона рельс и вагонных колес до низких раскатов орудийных выстрелов и человеческих криков, всё это соединялось в один

шум, но не смешивалось, и каждая серия звуков вела своё самостоятельное существование, всё это продолжалось с раннего утра до трёх или четырёх часов дня» [4, с. 157].

В финале романа звук и тема памяти (России) наконец соединяются, и первоначальная задача героя – вспомнить, как же должна «звучать» подлинная жизнь – оказывается выполнена: «... и во влажной тишине этого путешествия изредка звонил колокол – и звук, неизменно нас сопровождавший, только звук колокола соединял в медленной стеклянной своей прозрачности огненные края и воду, отделявшие меня от России, с лепечущим и сбивающимся, с прекрасным сном о Клэр» [4, с. 162].

В полифонии различных ощущений (цвет, вкус, запах, осязание) ведущая партия остаётся именно за музыкой: не случайно все темы, образы, сцены и «лирические отступления» романа «вложены» в имя героини, которым начинается и завершается роман, благодаря чему кольцевая композиция может восприниматься как аналог музыкальных принципов организации материала (будь то рондо или сонатная форма). Кроме того, именем героини, как в шумановских вариациях (прежде всего – в «Карнавале»), определяются основные темы произведения. Газдановский роман оказывается т. н. «*программной музыкой*»: словесный материал выступает в роли музыкального текста, проясняющего «содержание» произведения, которое здесь сводится к одному всеобъемлющему понятию – Клэр. В этом отношении художественные открытия Газданова обнаруживают родство с открытиями других модернистов, прежде всего Пруста и

Джойса. Аналогичные черты музыкальности как элемента композиции (то есть формы), а не только содержания, отмечаются также в творчестве Пастернака [12].

Итак, как было отмечено выше, тема музыки в романе «Вечер у Клэр» начинается с пошловатой французской песенки, которую поёт сначала горничная Клэр, а после напевают и сама героиня, и весь город. Рассказчик подчёркивает, что эту песенку нельзя воспринимать как искусство, но чего именно не хватает французскому мотивчику, сформулировать не может (возможно, здесь содержится намёк на то, что французская музыка, в отличие от романтической немецкой, не обращается к внемузыкальным концептам, а только решает несложные «технические» задачи [1, с. 9]). Воспоминания героя инициированы восприятием этой нехитрой песенки, а также попыткой ответить на вопрос, чего именно ей недостаёт – то есть размышлениями о том, что такое настоящее искусство, каково его звучание и какие звуки были в жизни героя раньше, до отъезда в Париж. Именно с помощью «музыкального письма» в романе «Вечер у Клэр» проводится параллель между музыкой и памятью. Оба этих понятия основаны на принципиальной неуловимости. Восприятие воспоминаний, как и восприятие музыки, крайне субъективно и меняется в зависимости от времени и обстоятельств. Тем не менее заявленная Газдановым непостижимость этих стихий – обманный манёвр, или то «невыразимое» (по Жуковскому), которое ловкий фокусник-писатель выражает на глазах у изумленного читателя. Таким образом, Газданов решает вопрос

о сущности и искусства, и памяти через демонстрацию писательского мастерства, показывая типичную для модернистской литературы веру в то, что художественному стилю подвластно всё. Подобная художественная схема – трансформация символистского принципа «несказуемого» искусства [15, с. 192], который поздние модернисты, в том числе и Газданов, пытались опровергнуть.

Подобно тому, как в «Вечере у Клэр» из звуков французской песенки рождается тема памяти, в романе «Эвелина и её друзья» [6, с. 137] из игры пианиста «вырастает» рассуждение о писательском ремесле и об искусстве вообще – пожалуй, центральная тема этого, на первый взгляд едва ли не «бульварного», густо насыщенного «внешними» эффектами романа. В конце книги Эвелина продаёт своё кабаре, казавшееся герою пошлым, и триумф личного счастья оказывается заодно триумфом подлинного искусства. И, как и в «Вечере у Клэр», музыка романа «Эвелина и её друзья» оказывается *программной*, на что указывает сцена с участием пианиста Бориса Вернера, умеющего донести до слушателя *содержание* музыкального произведения: «Я сидел и слушал, и, в отличие от того впечатления, которое у меня было, когда я впервые увидел его за роялем, теперь мне казалось, что вместо пустоты, о которой он играл в прошлый раз, сейчас возникало представление о далёком и прозрачном мире, похожем на удаляющийся пейзаж, – облака, воздух, деревья, влажный шум реки» [6, с. 177].

С точки зрения Газданова, музыка не столько намекает на ту или иную тему или идею, сколько прямо указыва-

ет на неё – даже если это тема невыразимого, или «*неназываемого*», которая раскрывается в «Вечере у Клэр» именно с помощью музыкальных метафор. Само оксюморонное словосочетание «безмолвный концерт» может восприниматься как указание на то, что некоторые вещи принципиально непознаваемы, особенно когда речь идёт о самых глубинных слоях памяти. Герой напрягает память, как слух, вспоминает отдельные музыкальные образы и просто звуки, и пытается сложить их в мелодию. Тема невыразимого получает продолжение и в «Эвелине»: здесь это «немая симфония», которая ассоциируется с любовью и самой жизнью.

В обоих романах Газданов остаётся верен одному типу повествователя: писателю, который, кажется, ощущает себя музыкантом, или, во всяком случае, чрезвычайно чувствителен к музыке: «самым прекрасным, самым пронзительным чувствам, которые я когда-либо испытывал, я обязан был музыке» [4, с. 48]. Он ощущает, что смыслом наделена и игра пианиста, исполняющего «Венгерскую рапсодию» [6, с. 141], и «каменная симфония готического собора» [6, с. 192].

Таким образом, музыка в прозе Газданова выступает в роли своеобразного медиатора между темами, которые не так просто совместить: войны, любви, утраченной родины. Благодаря музыкальным аллюзиям все эти разнородные тематические линии оказываются объединены в сознании героя и органично воспринимаются читателем. Однако при том, что автору прежде всего важно стилистическими средствами «оркестровать» важнейшие для него темы (времени и памяти – в «Вечере...» и творчества, тайна

ремесла – в «Эвелине...»), само понятие «музыка» является для Газданова далеко не однозначным, поскольку может осмысляться и как высшая жизненная ценность (наряду со «снегом» – осязаемым символом России – или любовью), и как факт внутренней жизни человека, совершающего «звуковое путешествие в неизвестность» [6, с. 138], и как один из видов искусства – и тогда она может быть представлена разными жанрами и стилями (от пошлой французской песенки и народных песен, которые поют бойцы бронепоезда, до произведений Шопена, Дебюсси или Вагнера).

Многозначное слово «фраза» служит точкой перехода между музыкальным и языковым письмом. «Фраза» – основная единица музыкальной архитектуры и стилистической отделки прозы. В романах Газданова «музыка» переведена на язык прозы, и в соответствии с этой аналогией разные типы повествования означают разные тональности. Примером такой смены музыкальных «ладов» может служить использование разных национальных языков. Газданов прекрасно знал французский язык, но всё же писал по-русски, используя французскую речь в качестве иноязычных вкраплений. Так, французская речь Клэр для героя «Вечера...» обладает музыкальной притягательностью: «французский язык её был исполнен для моего слуха неведомой и чудесной прелести, несмотря на то, что я говорил по-французски без труда и, казалось, тоже должен был знать его музыкальные тайны...» [4, с. 101]. В начале романа речь Клэр даётся по-французски, в «русский период» она говорит по-русски, кроме двух исключений. Когда в русской

части романа появляется французская речь, это болезненно для героя реплики, которые вносят диссонанс в музыку жизни героя. В первом случае мать Клэр обращается к ней по-французски, возмущаясь внешним видом героя, во втором – Клэр, уже выйдя замуж, произносит волнующую фразу «*Claire n'ytait plus vierge*» [4, с. 99] («Клэр больше не девушка»).

Следует отметить, что и в «парижских» рассказах Газданов повторяет этот приём. Так, в рассказе «Счастье» герои – французская семья – порой говорят по-французски, хотя всё повествование ведётся по-русски и действие происходит во Франции. Такое странное смешение языков даже вызвало недовольство Адамовича, писавшего: «Характерно, между прочим, что в диалог Газданов то и дело вводит французские фразы. Зачем? – казалось бы. Ведь его герои французы, они только по-французски и говорят, следовательно, все их беседы даны как переведённые» [5, с. 715]. Предположение о том, что французский язык (как, впрочем, и русский, и другие языки) для Газданова связан с особым музыкальным ладом, – ответ на вопрос Адамовича.

К «музыкальному восприятию» того или иного языка Газданов призывает и в романе «Эвелина и её друзья»: так, герой видит сон, в котором Эвелина разговаривает с ним на неизвестном ему языке, что, однако, не мешает герою её понимать. С «музыкальным восприятием» языка в этом романе, как и в «Вечере у Клэр», безусловно, связаны мотивы невыразимого, тайны, загадки женского очарования, но с ним могут взаимодействовать и мотивы обмана, притворства, мистификации: «На эстраде известная певица –

как это было объявлено в программе, и я никогда не слышал её имени – пела с одинаковой лёгкостью на всех языках сентиментальные романсы, переходя от американского репертуара к итальянскому и от мексиканского к русскому. Нельзя было понять, какой она национальности. Сначала я думал, что она американка, потом мне стало казаться, что она может быть итальянка, жившая в Соединенных Штатах, и даже по-русски она пела без малейшего акцента. В конце концов оказалось, что она венгерка» [6, с. 260].

Очевидно, что для Газданова, как и для композитора или аранжировщика, категории лада, тона и ритма оказываются не менее значимыми, чем темы или мотивы. Не случайно один из друзей главного героя романа «Эвелина и её друзья» жалуется, что не может выполнить заказ – создать литературную обработку воспоминаний некоего наркоторговца, поскольку не чувствует «тона» и «ритма» его рассказов.

При всём несходстве поздних, едва ли не детективных, романов Газданова

с ранним, «элитарным», творчеством, в них сохраняются то неповторимое очарование, та авторская интонация, которые и делают узнаваемым «голос» писателя – может быть, не в последнюю очередь благодаря тому, что он хранит верность музыке, являющейся в его произведениях не только развёрнутой метафорой жизнетворчества, но и главной темой, и центральной идеей, и основным конструктивным принципом повествования.

Как отмечали исследователи творчества Газданова (С.А. Кибальник, И.А. Дьяконова [9; 11]), писатель всю жизнь писал один метароман, и общие приёмы музыкальной изобразительности, использованные в ранней и поздней прозе, подтверждают эту гипотезу. В то же время, в качестве «звуковой тени» [6, с. 138], в прозе Газданова продолжило жизнь философское наследие Серебряного века: музыкальное мировосприятие Блока и Белого, тесно связанное с концепцией жизнетворчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. Философия новой музыки / пер. с нем., перевод Б. Скуратова. Вступительная статья К. Чухрукидзе. М.: Логос, 2001. 352 с.
2. Ахматова А.А. Собрание сочинений в 6 т. М.: Эллис Лак, 1999. Т. 2. Кн. 2 (Стихотворения 1959–1966). 528 с.
3. Белый А. Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы / ред., сост., авт. предисл. В.М. Пискунов, коммент. С.И. Пискунова, худож. А. Платонов, худож. Л.С. Бакст. М.: Республика, 1994. 559 с.
4. Газданов Г. Собрание сочинений в 5 томах. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 1 (Романы. Рассказы. Литературно-критические эссе. Рецензии и заметки). 880 с.
5. Газданов Г. Собрание сочинений в 5 томах. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 2 (Романы. Рассказы. Документальная проза). 736 с.
6. Газданов Г. Собрание сочинений в 5 томах. М.: Эллис-Лак, 2009. Т. 4 (Романы. Выступления на радио «Свобода». Проза, не опубликованная при жизни). 736 с.
7. Геворкян А.В. О «синтезе искусств»: заметки к теме // Поэтика русской литературы конца XIX–начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М.: Институт мировой литературы имени А.М. Гоголя РАН, 2009. С. 211–244.

8. Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество / пер. с англ. Т. Салбиев. Владикавказ: Издательство Северо-Осетинского института гуманитарных исследований, 1995. 303 с.
9. Дьяконова И.А. «Метароманный» цикл Гайто Газданова // Проблемы культуры, языка, воспитания. 2002. Вып. 5. С. 207–211.
10. Кибальник С.А. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. СПб.: Петрополис, 2011. 412 с.
11. Кибальник С.А. Метемпсихоз как метатема автобиографических романов Г. Газданова // Литературные направления и течения в русской литературе XX века. 2005. Вып. 2. С. 3–13.
12. Кучина Т.Г., Слостенина О.А. Принципы музыкальной композиции в стихотворениях Б. Пастернака // Верхневолжский филологический вестник. 2016. №1. С. 132–137.
13. Махов А.Е. *Musica literaria*. Идея словесной музыки в европейской поэтике. М.: Intrada, 2005. 224 с.
14. Ницше Ф. Рождение трагедии или эллинизм и пессимизм // Полное собрание сочинений в 13 томах. М.: Культурная революция, 2012. Т. 1. Часть 1 (Рождение трагедии. Из наследия 1869–1873 гг.). 416 с.
15. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / пер. с нем. С. Бромерло, А.Ц. Масевича и А.Е. Барзаха. СПб.: Академический проект, 1999. 512 с.
16. Шопенгауэр А. Собрание сочинений в 6 Т. М.: Республика, 1999. Т. 1: Мир как воля и представление. 496 с.

REFERENCES

1. Adorno T. *Filosofiya novoi muzyki* [Philosophy of new music]. Moscow, Logos Publ., 2001. 352 p.
2. Akhmatova A.A. *Sobranie sochinenii v 6 t.* [Collected works in 6 volumes]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1999. Vol. 2. Book 2 (Poems 1959–1966). 528 p.
3. Belyi A. *Sobranie sochinenii. Stikhotvoreniya i poemy* [Collected works. Poetry and poems]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 559 p.
4. Gazdanov G. *Sobranie sochinenii v 5 tomakh* [Collected works in 5 volumes]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2009. Vol. 1 (Novels. Stories. Literary-critical essays. Reviews and notes). 880 p.
5. Gazdanov G. *Sobranie sochinenii v 5 tomakh* [Collected works in 5 volumes]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2009. Vol. 2 (Novels. Stories. Documentary prose). 736 p.
6. Gazdanov G. *Sobranie sochinenii v 5 tomakh* [Collected works in 5 volumes]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2009. Vol. 4 (Novels. Speech on radio “Svoboda”. Prose, not published during the lifetime). 736 p.
7. Gevorkyan A.V. [On the “synthesis of arts”: notes to the topic]. In: *Poetika russkoi literatury kontsa XIX–nachala XX veka. Dinamika zhanra. Obshchie problemy. Proza* [The poetics of the Russian literature of the late 19–early 20th century. The dynamics of the genre. Common problems. Prose]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of RAS Publ., 2009. pp. 211–244.
8. Dienes L. *Gaito Gazdanov. Zhizn' i tvorchestvo* [Gaito Gazdanov. Life and work]. Vladikavkaz, Publishing house of the North Ossetian Institute of Humanitarian Studies, 1995. 303 p.
9. D'yakonova I.A. [“Metanovel” cycle by Gito Gazdanov]. In: *Problemy kul'tury, yazyka, vospitaniya* [Problems of culture, language, education], 2002, no. 5, pp. 207–211.

10. Kibal'nik S.A. *Gaito Gazdanov i ekzistentsial'naya traditsiya v russkoi literature* [Gaito Gazdanov and existential tradition in the Russian literature]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2011. 412 p.
11. Kibal'nik S.A. [Metempsychosis as metateme of autobiographical novels of G. Gazdanov]. In: *Literaturnye napravleniya i techeniya v russkoi literature XX veka* [Literary trends and currents in the Russian literature of 20th century], 2005, iss. 2, pp. 3–13.
12. Kuchina T.G., Slastenina O.A. [The principles of musical composition in the poems of Boris Pasternak]. In: *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhski Philological Bulletin], 2016, no. 1, pp. 132–137.
13. Makhov A.E. *Musica literaria. Ideya slovesnoi muzyki v evropeiskoi poetike* [Musica literaria. The idea of verbal music in European poetics]. Moscow, Intrada Publ., 2005. 224 p.
14. Nietzsche F. [The birth of tragedy or ellinstvo and pessimism]. In: *Polnoe sobranie sochinenii v 13 tomakh* [Complete works in 13 volumes]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2012. Vol. 1. Part 1 (The birth of tragedy. From Heritage 1869–1873). 416 p.
15. Hansen-Löve A. *Russkii simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Rannii simvolizm* [Russian symbolism. System of poetic motives. Early symbolism]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 512 p.
16. Schopenhauer A. *Sobranie sochinenii v 6 t.* [Collected works in 6 vol.]. Moscow, Respublika Publ., 1999. Vol. 1: The world as will and representation. 496 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нижник Анна Валерьевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин Института русского языка и культуры Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;
e-mail: annnijnik@gmail.com

Кольцова Наталья Зиновьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: koltsovaru@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Nizhnik – PhD in Philological Sciences, lecturer at the Department of Natural and Humanities Sciences, Institute of Russian Language and Culture, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: annnijnik@gmail.com

Natalia Z. Koltsova – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of History of Newest Russian Literature and Modern Literary Process, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: koltsovaru@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нижник А.В., Кольцова Н.З. Музыка в творчестве Г Газданова («Безмолвный концерт» в «Вечера у Клэр» и «Немая симфония» в «Эвелине и её друзьях») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 111–120

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-111-120

FOR CITATION

Nizhnik A.V., Koltsova N.Z. Gaito Gazdanov's music ("The silent concerto" in "An Evening At Claire's" and "The mute symphony" in "Evelina and her friends"). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 111–120

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-111-120

УДК 82-14

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-121-127

ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ ЛЮБВИ В ЗРЕЛОЙ ЛИРИКЕ РЮРИКА ИВНЕВА

Кучин В.Л.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье рассматривается любовная лирика позднего периода творчества Рюрика Ивнева (псевдоним М.А. Ковалёва) и выявляются основные особенности, мотивы, настроения, структура произведений и их отличие от стихотворений, относящихся к раннему периоду творчества и посвящённых любовной тематике. Мотивы расставания с любимым человеком, переосмысление мировоззренческих ориентиров, поиски истоков настоящей любви и особенностей её воплощения в жизни, причины, определяющие это чувство, цикличность осознания бытия – всё это интересует поэта. В результате анализа поэтических текстов и сопоставления поздних и ранних произведений доказывается, что философское осмысление жизни Рюриком Ивневым подвергается изменению, что находит отражение в его творчестве.

Ключевые слова: Рюрик Ивнев, любовная лирика, мотив, художественный образ, композиция стихотворения, образ-символ.

WAYS AND MOVES OF LOVE IN A MATURE LYRIC OF RYURIK IVNEV

V. Kuchin*Moscow Region State University**10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. This article examines the love lyrics of the late period of Ryurik Ivnev's work (alias of M. Kovalev) and reveals the main features, motives, moods, structure of the works and their difference from the poems related to the early period of creativity and devoted to love themes. The motives of parting with a loved one, rethinking world outlook landmarks, the search for the origins of true love and the peculiarities of its embodiment in life, the reasons that determine this feeling, the cyclicity of awareness of being – all this is of interest to the poet. As a result of the analysis of poetic texts and the comparison of late and early works, it is proved that the philosophical understanding of life by Rurik Ivnev changed, which is reflected in his work.

Key words: Rurik Ivnev, love poems, motive, artistic image, the composition of the poem, the image of the symbol.

Тема любви волновала Рюрика Ивнева (псевдоним М.А. Ковалёва) до последних дней его жизни, была определяющей в его творчестве и в разные периоды раскрывалась по-разному, так как менялось понимание жизни и отношение к этому чувству.

Любовная тематика как в ранней, так и в поздней поэзии Рюрика Ивнева является важнейшей составляющей концепции человека и мира, потому что отображает смену мировоззренческих ориентиров и соотнесённость мировой гармонии и дисгармонии, «развивается в координатах экзистенциальных и экспрессионистских литературно-эстетических концепций XX века» [6, с. 26]. Если до поездки во Владивосток в 1927 г. во время первого, «раннего», периода творчества у Рюрика Ивнева «любовь сопряжена с “рабством”, “пыткой”, “мукой”, “крепостным правом”» [1, с. 204], то в «позднем» творчестве у поэта меняется отношение к человеческой любви. Это находит отображение и в лирике: появляются новые мотивы, настроения и ощущения. Е.В. Тырышкина верно замечает: «Лирика Р. Ивнева – это шаг к трансформации модернизма» [11, с. 246].

Через любовную лирику Рюрика Ивнева зрелого периода творчества проходит лейтмотив «расставания» с чем-то или кем-то любимым. В сознании поэта происходит некий перелом.

В 1927 г. на палубе парохода «Индигирка» он создаёт стихотворение «Расставание».

*Я шептал твоё имя тихонько,
Чтобы память свою не будить.
Историческая гармоника
Стала плакать и воровать.*

*Ох, как схожи все эти разлуки,
Одинаковые на вид.
Кто учил нас этой науке?
Этой горькой науке – любви?*

*Здесь прощались целыми стаями.
Сколько было таких же, как мы!
Я покачивался, как пьяный,*

Вместе с палубой кормы.

*Пахло нефтью, морем, рогожей,
Ветер в небе затих – застыл.
И окурки были похожи
На растоптанные цветы.*

*Скрежетали лебёдки в цепи
В безысходной своей тоске,
Голубые, морские степи
Ожидают меня вдалеке.*

*Историческая гармоника
Стала плакать и воровать.
Я шептал твоё имя тихонько,
Чтобы память свою не будить.
[3, с. 26].*

Обострённое чувственное восприятие окружающего мира лирическим героем (зрение: «одинаковые на вид», «окурки были похожи»; слух: «скрежетали»; обоняние: «пахло нефтью, морем, рогожей»; вкус: «горькая наука») помогает постигнуть смысл уходящей любви, изменить своё отношение к этому чувству, сохранить память о дорогом человеке.

Стоит отметить образ *исторической гармоники*, выражающей настроение данного стихотворения. Гармоника – музыкальный инструмент, который издаёт тонкие лиричные напевы, похожие на человеческий плач, передающий чувства людей при расставании. Лирический герой понимает, что разлука с любимой является неким таинственным магическим ритуалом, поэтому мелодия человеческой жизни привораживает близкого.

Тихое произнесение любимого имени позволяет напомнить о своих чувствах и переживаниях. Поэт называет любовь «горькой наукой». Как отмеча-

лось выше, в ранних стихотворениях, «отличающихся особой интимностью, сакральностью и исповедальностью» [7, с. 78], Рюрик Ивнев воспринимает любовь как мучение и страдание, понимая, что недостойн этого высокого чувства, поэтому «повторяющаяся лирическая ситуация преступной страсти у Ивнева приобретает характер навязчивого говорения, в котором боль не изживается, а возобновляется за счёт травмирующих меток» [10, с. 5]. Любая встреча ведёт к разлуке. Даже родившийся человек, который встретился с «новым» миром, когда-нибудь этот мир покинет. Так и в любви: это чувство оставляет после себя горькое послевкусие.

В стихотворении существуют два мира: воспоминания и реальность. Именно после размышлений лирического героя о своём поступке, о восприятии прошлого он резко возвращается в реальность, которая пахнет смесью нефти, рогожи и морем. Характерная для импрессионизма манера лирического повествования – резкий переход от мечты к действительности – отображается в данном стихотворении. Героя окружает корма судна, на котором он отплывает от земли. Прошлое актуализируется в «*растоптанных окурках*» – чём-то использованном и ненужном. Но в окурках остаётся табак. Этому соответствует и человеческая жизнь: после расставания душа изранена, но на ней остаётся «любовный ожог» – нужно найти в себе силы, чтобы эту боль преодолеть. Мучительное душевное состояние символизирует и «застывший» ветер.

Интересен образ цепи, которая движется с противным, резким и скрипящим звуком – скрежетом лебёдки. Не

важно, что окружает и что ощущается в сиюминутности: неприятные звуки, запахи, безысходное положение; цепь – соединение множества звеньев в одно целое – выполняет свою работу. Именно тогда, когда одна из частей этого «организма» выходит из строя, цепь рвётся. Так и в человеческой сущности необходимо внутреннее единение и гармония с окружающим миром и, прежде всего, с самим собой. Подобное органическое единство запечатлено в «голубых морских степях». Голубой цвет всегда ассоциируется с жизнеутверждающим началом.

Кольцевая композиция стихотворения иллюстрирует свежесть воспоминаний. Но происходит одно важное изменение: поэт преднамеренно в последней строфе меняет местами 1 и 2 двустихия, чтобы показать, что и отношение к этому расставанию в сознании лирического героя меняется. Драматическая ситуация разрешается пусть робкой, но надеждой на возвращение подлинного чувства.

В поздней любовной лирике Рюрик Ивнев постоянно размышляет об истоках чувства, особенностях его воплощения на земле. Нередко поэт стремится акцентировать неисповедимость его возникновения, как, например, в стихотворении «Любовь (Она приходит разными путями...)» (1954):

*Она приходит разными путями,
Но к одному приводят все пути.
Она – испепеляющее пламя,
И от неё нам некуда уйти.*

*И мы в плену у языков палящих,
Дотла сгораем, но в самой золе
Вновь воскресаем чудом настоящим,*

Чтоб жить, любить и плакать на земле.

*И снова рваться к огненному морю
И, поражая изумлённый мир,
Вновь искры счастья высекать из
горя
И всех влюблённых созывать на пир.*

*Любовь приходит разными путями.
Не жди её в истоме быстрых дней,
Она сама расправится с сердцами,
Когда и как – известно только ей
[5, с. 207].*

В данном лирическом произведении возникает важнейший образ-символ, проходящий через всю поэзию Рюрика Ивнева, – пламени¹, которому бессмысленно сопротивляться. Он часто связан с любовью и разрушительно воздействует на человеческую душу. Давая характеристику огню, поэт наделяет его эпитетом «испепеляющий», то есть мгновенно уничтожающий, сжигающий дотла, но при этом мучительный и губительный. Всё человеческое существование уничтожается в один миг – когда в его душу врывается любовь.

Огонь для поэта – это не только уничтожение, это перерождение человека. Именно в такие минуты, когда всё ужасное в человеке сгорает и превращается в прекрасное, когда в душе происходят изменения, он становится счастливым.

Назвав это явление «чудом» и «воскрешением», лирический герой уверен в святости любви. Почему человек возрождается из пепла, словно Феникс или Огненная саламандра? Когда произошло воскрешение Иисуса Христа,

люди также не смогли дать логическое объяснение данному явлению, назвав его «божественным чудом». Да, скорее всего, человека снова постигнет «горькая наука» любви, но в страдании надлежит искать силу. Так, «высекать искры счастья из горя» – это удел только перерождённого, возродившегося человека, обладающего неким Знанием.

Любовь, по мнению поэта, – это высшее духовное начало, словно божество, а приход божества предугадать невозможно. И если в первой строке данного стихотворения используется личное местоимение «она», то уже в последней строфе этому явлению даётся имя – любовь. Называется то чувство, которое воспевается поэтом.

Причины непостижимой мощности и энергетики любви – тема многих стихотворений Рюрика Ивнева. Поэт замечает в дневнике: «Любовь с широко открытыми глазами гаснет, как спичка на ветру. Любить можно только с полузакрытыми глазами. Проще говоря, человек, который любит, должен смотреть, как говорится, сквозь пальцы на многое, чтобы не убить в себе любовь ...» [2, с. 639] (ночь на 17 сентября 1968 г.). Дано ли это чувство человеку судьбой, Богом, природой, Космосом или же сами люди обретают и достигают его в течение всей жизни? Подобные философские раздумья вылились в создание стихотворения «Ещё до рожденья звездой путеводной ...» (1967).

*Ещё до рожденья звездой путеводной
Нам служат горячие гроздь любви,
На торжищах людных, в пустыне
безводной,
На дне подсознанья, в душе и в крови.*

*И мы, повинясь магической силе,
Несёмся песчинками, словно самум.*

¹ См. подробнее: Кучин В.П. Образ-символ огня в лирике Рюрика Ивнева [8].

*Становимся сами мифической пылью,
Не мысля опомниться, взяться за ум.*

*Несёмся мы бурей и буре подобны.
Никто мы и всё. Нет для нас аксиом.
Мы солнце Вселенной и хаос загробный,
Но гроздьям любви мы послушны во всем.*

*И в этом чудовищно-быстром дви-
жении,
Медлительно-долгом, спокойном на вид,
Быть может, мы только твоё от-
ражение,
Звезда путеводная первой любви
[4, с. 111].*

Человеческая жизнь – небольшой миг в движении времени в вечность. Снова поэтом создаётся пространственно-временная неограниченность, следовательно, не важно, где и когда происходит этот процесс. Чувство любви поэт соотносит с путеводной звездой, которая указала путь Волхвам к месту, где родился Спаситель. Это жизненный священный ориентир, способный спасти человеческую жизнь, облагородить его душу. Обращает на себя внимание образ «гроздьев любви» – собрания каких-то отдельных частей воедино. Но что это за части? Можно предположить, что таковыми являются не только любовь двоих друг к другу, но и любовь ко всему живому, к природе, к родине, к родителям, друзьям, к человечеству вообще, то есть любовь в широком понимании этого слова. Именно такое чувство является «огненным», горячим, способным преобразить и воскресить человеческую душу. Частичка этой «всвременной и всепространственной» [9, с. 257] любви всегда достигнет своей цели, она проникает даже туда, где человек не

способен выжить, она вклинивается в каждую каплю человеческой крови.

Поэт, как и раньше, относит любовь к таинственной, неизведанной магической силе. Но если в более ранних лирических откровениях запечатлевалась надежда на спасение души от этой катастрофы, то теперь приходит осознание того факта, что человеческая сущность не в силах совладать с этим явлением, поэтому стоит повиноваться и следовать за ним.

Уподобляя путь человеческой жизни сухому, горячему, пустынному ветру самому, поэт подчёркивает его хаотичность и непредугаданность. Человеческая жизнь в сравнении с магической силой любви – всего лишь незначимая частица этого «ветра», поэтому и остаётся от его памяти всего лишь «мифическая» пыль.

В последней строфе данного лирического размышления поэт даёт обобщение всему вышесказанному. Не важно, в каком темпе протекает человеческое существование на земле (антитеза «чудовищно-быстрое»/«медлительно-долгое»), результат один и тот же – все мы подчиняемся высшей силе, которая главенствует над людьми. Вводная конструкция «*быть может*» вносит оттенок сомнения и неуверенности в правоте своих слов. Поэт как будто предполагает, что такое возможно. И образ «первой любви» говорит о том, что этот путь чистый, невинный, безгрешный, светлый, способный возвысить человека, дать ему минуты блаженства и счастья, оторвать его от бытовой реальности, сделать владыкой мира. Именно к этому и ведёт искренняя человеческая любовь.

Подводя итог многим лирическим размышлениям, в феврале 1981 г. Рю-

рик Ивнев пишет стихотворение «Я всё слежу с открытым ртом», в котором философски рассуждает о предназначении любимого человека в жизни каждого из нас:

*Я всё слежу с открытым ртом,
Как жизнь очерчивает круги:
Сначала верный друг,
Потом —
Мечта о женщине,
Потом —
Потребность в женщинах,
Потом —
Потребность в старом верном дру-
ге* [5, с. 336].

Поэт, проживший почти 90 лет, понимает и оценивает предназначение любви и выражение её в окружающем мире. С изумлением отмечает, что жизнь похожа на замкнутый круг, в определённое время всё возвращается

в привычное положение. Крохотное лирико-философское произведение образно «структурирует» человеческую жизнь, выделив в ней несколько этапов.

Детство озаменовано неосознанным тяготением к близкому существу, юность поселяет в воображение Прекрасную даму, зрелость позволяет обрести её, а старость нуждается в поддержке и защите. Даже такое маленькое стихотворение актуализирует силу общечеловеческой, христианской любви, основанной на искренности, преданности и милосердии.

Цикличность характерна для любого живого начала на Земле. Очерчивая новые круги, жизнь вбирает в себя всё больше новых человеческих душ, которые заменяют ушедшие старые. Именно такому феномену любви и посвящены зрелые произведения поэта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белых А.Е. Ситуация «Рюрик Ивнев» // Дальний Восток. 2013. № 2. С. 198–228.
2. Ивнев Р. Дневник. 1906–1980 / сост. Н.П. Леонтьева, подгот. текста А.П. Дмитриева, Н.П. Леонтьева и А.В. Леонтьева, коммент. А.П. Дмитриева; под общей ред. А.П. Дмитриева. М.: Эллис Лак, 2012. 880 с.
3. Ивнев Р. Избранное. Стихотворения и поэмы. 1907–1981 / предисл. Н. Леонтьева. М.: Художественная литература, 1985. 759 с., с портр.
4. Ивнев Р. Память и время. М.: Советский писатель, 1969. 151 с.
5. Ивнев Р. Стихи о любви. М.: Эксмо, 2008. 349 с.
6. Исаев Г.Г. Поэт и критика // Гуманитарные исследования. 2017. № 1(61). С. 26–32.
7. Кучин В.П. Стихотворения-молитвы в творчестве Рюрика Ивнева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 3. С. 77–83.
8. Кучин В.П. Образ-символ огня в лирике Рюрика Ивнева // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи : Сборник статей по итогам II Международной научной конференции «Смирновские чтения» (г. Москва, МГОУ, 22–23 января 2016 г.). М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 55–59.
9. Лосский Н.О. Лев Платонович Карсавин // Вестник Русского студенческого христианского движения. Париж–Нью-Йорк, 1972. № 104–105. С. 257.
10. Тырышкина Е.В. Формирование читательской реакции в лирике модернизма (В. Маяковский, Р. Ивнев): монография. Новосибирск: Издательство Новосибирский государственный педагогический университет, 2013. 165 с.
11. Tyrysckina J. // Slavica Wratislaviensia. 2014. № 158. pp. 237–247.

REFERENCES

1. Belykh A.E. [The Situation "Ryurik Ivnev"]. In: *Dal'nii Vostok* ["Far East"], 2013, no. 2, pp. 198–228.
2. Ivnev R. *Dnevnik. 1906–1980* [Diary. 1906–1980]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2012. 880 p.
3. Ivnev R. *Izbrannoe. Stikhotvoreniya i poem. 1907–1981* [Favorites. Poetry and poems. 1907–1981]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, 1985. 759 p.
4. Ivnev R. *Pamyat' i vremya* [Memory and time]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1969. 151 p.
5. Ivnev R. *Stikhi o lyubvi* [Love poems]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 349 p.
6. Isaev G.G. [Poet and critic]. In: *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Researches], 2017, no. 1(61), pp. 26–32.
7. Kuchin V.P. [Poems-prayers in the works of Ryurik Ivnev]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2017, no. 3, pp. 77–83.
8. Kuchin V.P. [The image-symbol of fire in the lyrics of Ryurik Ivnev]. In: *Slovesnoe iskusstvo Serebryanogo veka i Russkogo zarubezh'ya v kontekste epokhi: sbornik statei po itogam II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Smirnovskie chteniya"* (g. Moskva, MGOU, 22–23 yanvarya 2016 g.) [The verbal art of the Silver Age and the Russian Abroad in the context of the era: Collection of articles on the results of the II International Scientific Conference "Smirnov Readings" (Moscow, MRSU, January 22–23, 2016)]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2016. pp. 55–59.
9. Losskii N.O. [Leo Platonovich Karsavin]. In: *Vestnik Ruskogo studentcheskogo khristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian student Christian movement]. Paris–New-York, 1972, no. 104–105, pp. 257.
10. Tyryshkina E.V. *Formirovanie chitatel'skoi reaktsii v lirike modernizma (V. Mayakovskii, R. Ivnev)* [Formation of the reader's reaction in the lyricism of modernism (V. Mayakovsky, R. Ivnev)]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2013. 165 p.
11. Tyryshkina J. [Love affection in early lyrics by Ryurik Ivnev]. In: *Slavica Wratislaviensia*, 2014, no. 158. pp. 237–247.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кучин Владимир Петрович – аспирант кафедры русской литературы XX века, Московского государственного областного университета;
e-mail: kychin-volodia@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir P. Kuchin – postgraduate student at the Department of Russian literature of 20th century, Moscow Region State University;
e-mail: kychin-volodia@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кучин В.П. Пути и перепутья любви в зрелой лирике Рюрика Ивнева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 121–127
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-121-127

FOR CITATION

Kuchin V. Ways and moves of love in a mature lyric of Ryurik Ivnev. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 121–127
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-121-127

УДК 82-3

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-128-134

ЛЕРМОНТОВСКИЙ ТЕКСТ В ПРОЗЕ М. АГЕЕВА

Летаева Н.В.

Московский государственный институт международных отношений (Университета)
МИД России (Одинцовский филиал)
143005, г. Одинцово, Московская обл., ул. Ново-Спортивная, д. 3,
Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен новый материал по актуальной проблеме творческого диалога писателей русского зарубежья и русских классиков XIX в. В научный оборот вводится исследование лермонтовского дискурса в творчестве М. Агеева, прозаика младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции. Основное содержание исследования составляет анализ архитектоники и мотивно-тематического комплекса текстов М. Агеева и М. Лермонтова. Делается вывод о том, что лермонтовский текст позволяет М. Агееву сформировать надтекстовое повествование о диалоге поколений первой трети XIX и XX в.

Ключевые слова: русское зарубежье, проза, младшее поколение русских писателей первой волны эмиграции, М. Агеев, М. Лермонтов.

LERMONTOV'S DISCOURSE IN PROSE OF M. AGEYEV

N. Letaeva

MGIMO University (Odintsovo Branch)
3 Novo-Sportivnaya st., Odintsovo, 143005, Moscow region, Russian Federation

Abstract. The article presents a new material on the actual problem of the creative dialogue between the writers of Russian Diaspora and the Russian literary classics of the 19th century. The research focuses on Lermontov's discourse in prose of M. Ageyev, the writer of the younger generation of the Russian writers of the first wave of emigration, is introduced into scientific circulation. The main content of the issue represents the analysis of architectonics, themes, motifs of Ageyev's and Lermontov's texts. It's concluded that the Lermontov's discourse allows M. Ageyev to form an extra-textual narrative about the dialogue of generations of the first third of the 19th and 20th centuries.

Key words: Russian Diaspora, prose, younger generation of the Russian writers of the first wave of emigration, M. Ageyev, M. Lermontov.

Изучение прозы русского зарубежья является одним из актуальных и перспективных направлений современного литературоведения. В рамках этого направления особого внимания требует творчество младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции, большая часть которых остаётся на

периферии научных интересов. В русском зарубежье это поколение, вырабатывая «механизмы самосохранения» [10, с. 13], ориентируется на ранее существующие тексты, переосмысливает литературные схемы, жанры, сюжеты и пр., совершая «совместное открытие, касательное метафизики “тёмной русской личности”» [5, с. 205]. В данной работе представлен новый материал по актуальной проблеме творческого диалога младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции и русских классиков XIX в. В научный оборот вводится исследование лермонтовского дискурса в творчестве М. Агеева. Основное содержание исследования составляет анализ архитектоники и мотивно-тематического комплекса текстов М. Агеева и М. Лермонтова.

В прозе М. Агеева, культуроцентристской по своей сути, явственны творческие диалоги с классиками и современниками, особое место среди которых занимает М. Лермонтов. Сложившаяся в русском зарубежье оппозиция «Лермонтов – Пушкин» [4] демонстрирует преимущество «Лермонтовского времени» [7, с. 310], внимание к «истории души человеческой». В «Романе с кокаином», имеющем первоначальное заглавие «Повесть с кокаином» и под таким заглавием опубликованном в 1934 г. в журнале «Числа», М. Агеев представляет «историю души» «героя» своего времени – начала XX в. Заглавие, претерпев изменение, раскрывает не только суть отношения главного героя Вадима Масленникова к распространявшемуся в XX в. наркотику, но и жанровую модификацию, подчёркивающую преемственность с романной литератур-

ной традицией. Примечательно, что в «Числах» М. Агеев опубликовал только первую часть романа как отдельную новеллу, как в своё время поступил М. Лермонтов, публикуя «Героя нашего времени» частями в «Отечественных записках».

Повествуя о Масленникове, оказавшемся, подобно лермонтовскому Печорину, «лишним», М. Агеев, углубляясь в сложные психологические процессы своего героя, избирает форму «рукописи», начинающуюся и заканчивающуюся фразой «Буркевиц отказал». Эта конструкция, уподобляясь риторической фигуре просаподосиса, выполняет в тексте своеобразную функцию зачина и эпилога и создаёт эффект замкнутого круга человеческого существования. «Рукопись» в романе М. Агеева играет ту же роль, что и в «Герое нашего времени»: автору важно раскрыть мировоззрение своего героя – представителя поколения, ставшего жертвой исторического времени и геополитических изменений (в повести обозначен период российской действительности с 1914 по январь 1919 г.). В романе М. Агеева сюжетность перемежается с пространственными монологами, посвящёнными кропотливому анализу чувств героев. Форма подобного рода произведений предопределяет самосознание персонажей доминантой художественного пространства, при этом так называемая вертикальная память (в этом отношении символичен сон-бред Масленникова, в котором он оказывается в боярских палатах) является отражением сложного, многоракурсного опыта главного героя.

Близость архитектоники «Романа с кокаином» «Герою нашего времени»

очевидна и в том, что роман М. Агеева включает четыре главы новеллистического характера: «Гимназия», «Соня», «Кокаин», «Мысли». В главу «Соня» включено письмо Сони Минц Масленникову, вполне сопоставимое с письмом Веры Печорину. Обращает на себя внимание близость размышлений Масленникова и Печорина о женщинах и сути взаимоотношений мужчины и женщины. Кроме того, как и в лермонтовском романе, о смерти главного героя мы узнаём от третьего лица (историю Масленникова завершает врач больницы). И как Печорин, Масленников мучительно борется с жизнью в поисках смерти, разочаровавшись в смысле человеческого существования и сосуществования.

Динамика повествования в романе М. Агеева, как и в романе М. Лермонтова, определяется, как было сказано выше, не только традиционным способом формирования сюжетных линий и приёмами сюжетостроительства, но и мыслительной работой главного героя, репрезентирующего мировосприятие «человека 30-х годов» (Ю. Терапиано) XX в., «в социальном смысле» находящегося «в пустоте, нигде и ни в каком времени», как бы выброшенного «из общего социального мира» и предоставленного себе [2, с. 164]. В такой ситуации интеллектуальная деятельность, рефлексия становятся средством преодоления дистанцированности в отношениях с людьми, адаптации к социальной среде, выхода за пределы одиночества, придавая повествованию М. Агеева (как в своё время и повествованию М. Лермонтова, а впрочем, и всему творчеству поэта) полемический тон и публицистический пафос, свойственный литературе русского

зарубежья. Дискуссия как составляющая часть поэтики романа М. Агеева эксплицирует именно те вопросы, которые волновали русского человека начала XX в. в России и продолжали волновать русского человека в эмиграции. Одним из главных вопросов остаётся лермонтовский вопрос «Неужели зло так привлекательно?..» [3, с. 538].

Рассуждая о «душе человеческой», М. Агеев, как и М. Лермонтов, пытается понять причины раздвоенности человеческого сознания, дивиантного поведения внешне вполне благополучного молодого человека, имеющего необходимые для жизни блага. Прибегая к развёрнутой метафоре, основанной на сопоставлении жизни с театром, а человека со зрителем, Вадим Масленников приходит к выводу, что в человеческой душе в целом и в его душе в частности «человечнейшие чувства словно ниточкой связаны» со «зверинными чувствами» и что «предельное напряжение» одних «влечёт и тянет за собою» другие, «подобно песочным часам» [1, с. 162] или качелям, которые, «получив толчок в сторону человечности», «подвергаются предрасположению откатнуться в сторону зверства» [1, с. 163], что в итоге демонстрирует «смутную, страшную природу» [1, с. 170] человеческих душ.

Теоретические размышления Масленникова о «душе человеческой» находят вполне практическое подтверждение в поступках самого героя. Шестнадцатилетний юноша в своих записках подробно излагает, как ненавидит свою мать именно потому, что жалеет её; как переживает два чувства, когда узнаёт, что у священника убит сын на войне: первое – «прижаться к батюшкиному лицу, поцеловать его и

нежно расплакаться»; второе – «рассказать всё и жестоко посмеяться» [1, с. 60–61]; как возвышенное отношение к Соне Минц, рождающее в душе Масленникова «рыдающую нежность», тем не менее не отвращает его от сквернословия и оскорбительных слов в адрес Сони. Подводя итог своим размышлениям, Вадим пишет: «Таковы были мои отношения к людям, такова была эта раздвоенность, – с одной стороны, влюблённое желание обнять весь мир, осчастливить людей и любить их, – с другой бессовестная трата трудовых грошей старого человека (няньки Вадима, отдавшей ему все свои сбережения. – Н. Л.) и безмерная жестокость к матери. И особенно странным здесь было то, что и бессовестность эта и жестокость нисколько не противоречили этим моим влюблённым позывам обнимать и любить весь живой мир – как будто усиление во мне, столь необычных для меня, добрых чувств – в то же время помогало совершать мне жестокости, к которым (отсутствуй во мне эти добрые чувства) – я не счёл бы себя способным» [1, с. 89–90]. «Мысли» Масленникова можно определить как своеобразный диалог с размышлениями лермонтовских героев о зле и противоречивости человеческой природы, ищущей выходы за пределы собственного «я» и вторгающейся в жизни других людей. Эти «мысли», как своеобразный ответ на вопрос «Неужели ... моё единственное назначение на земле – разрушать чужие надежды?» [3, с. 546], убеждают, что причины «болезни», на которую указал М. Лермонтов в предисловии к «Герою нашего времени», следует искать внутри, а не вне, как это пытается делать Печорин, во многом, как ви-

дится, играя роль, чтобы доказать, что «человек не может быть так дурен» [3, с. 456]. М. Агеев, создавая образ Масленникова как «портрет, составленный из пороков» поколения «в полном их развитии» [3, с. 456], отвергает роль внешнего влияния на формирование личности. И в этом отношении концептуально авторское обращение к образу окна, символизирующего потребность нахождения в ином измерении: в «Герое нашего времени» Печорин из любопытства подкрадывается к окну и заглядывает в него извне [3, с. 555, 559], в то время как в романе М. Агеева Масленников от тоски смотрит из окна своей «комнатёнки» на стену соседнего дома, во двор или на небо [1, с. 115–116].

Нравственное падение, представленное в своё время М. Лермонтовым, как основная тема возвращается на страницы романа М. Агеева. Авторские интенции представлены в ответе Василия Буркевича на уроке истории, доказывающего, что отличия между столетиями нет, потому что не существует отличия между людьми жившими и живущими, и что «именно отсутствием-то отличия и объясняется поразительное сходство человеческих взаимоотношений» [1, с. 34], когда «жить человеку глупому легче, чем умному, хитрому лучше, чем честному, жадному вольготней, чем доброму, жестокому милее, чем слабому, властному роскошней, чем смиренному, лживому сытнее, чем праведнику, и сластолюбцу слаще, чем постнику» [1, с. 36]. Очевидна риторика печоринских монологов, как, впрочем, и позиция автора, солидарного с призывом М. Лермонтова: «Довольно людей кормили сластями; у них от этого испор-

тился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины» [3, с. 456]. Но, как и русский классик, М. Агеев избегает роли исправителя «людских пороков» [3, с. 456].

По сути, М. Агеев в романе отвечает на лермонтовский вопрос о зле сквозь призму своего времени, при этом на первый план выходит мир, где постоянно ведётся борьба «за человеческий дух», которую Г. Федотов назвал борьбой «между Буддой и Христом, между нирваной и вечной жизнью» [9, с. 143]. В этой борьбе «принцип зла неуловим» [6, с. 233], а потому человек, как показывают М. Лермонтов и М. Агеев, обречён на отверженность, «неудачность», «лишность» и, как следствие, исчезновение. Фатализм мироощущения очевиден в текстах М. Лермонтова и М. Агеева. Печорин и Масленников, дополняя друг друга, раскрывают новые грани в понимании не только литературных образов, но и поколений разных веков, отражая духовную болезнь русского человека и общества, которую В. Перемилловский определил как «эстетический взгляд на жизнь, уводящий своего носителя как бы прочь от реального мира, в котором он физически пребывает, и обуславливающий поэтому его вневременное (в оценке же этого мира – безнравственное) поведение, что, в свою очередь, влечёт за собой, как неизбежный результат, глухую неудовлетворённость с вечными переходами от крайности к крайности, от огромной энергии к полной апатии, скуке и отчаянию мысли» [8, с. 137–138]. «Эстетический взгляд на жизнь» проявляется в созерцании и самосозерцании, рассуждениях о себе и о мире, порождающих исповедальность, чувство отвержен-

ности и одиночества, состояние странничества. Как Печорин, наблюдающий за внешним миром и дающий ему оценку (например, описание «водяного» общества), оценивающий себя сам и со стороны, пребывающий в состоянии неукоренённости, так и Масленников размышляет о себе и окружающем (например, подробно описывает «гимназическое» общество), вступает в воображаемые диалоги, избирает основой своей жизни маргинальность.

По сути, М. Агеев продолжил наблюдение тех процессов, которые развиваются в человеке под воздействием длительного одиночества, глубоко поражающего духовную жизнь человека, не способного адаптироваться к какой-либо социальной среде. «Лишний человек» XIX века трансформировался в эмигрантского «человека 30-х годов» XX века, актуализировав лермонтовский код и главнейшую проблему эпохи – утрату личностью цельности. Результатом «эстетического взгляда на жизнь» становится неминуемая сначала духовная, затем физическая смерть: умирает ищущий смерти лермонтовский Печорин; сознательно умирает от передозировки кокаином агеевский Масленников.

В имени Масленникова открывается аллюзия на лермонтовского Вадима. Стилистика романа М. Агеева близка стилистике «Вадима» исповедальностью, интеллектуальной экспрессивностью монологов, поэтикой контрастов, глубокими психологическими коллизиями, отражающими духовную жизнь личности, отличающейся сложной сменой чувств и настроений, губительных для неё самой. Близость лермонтовского и агеевского героев заложена и в семантике антропозони-

ма, но если М. Лермонтов апеллирует и к внешней, и внутренней (ненависть, месть) уродливости своего героя, то М. Агеев акцентирует всё внимание на духовной деградации. На уровне архитектоники отметим сходные вкрапления драматического диалога: в «Вадиме» диалог двух «голосов», в романе М. Агеева – диалог Сони и Масленникова. Подобного рода вкрапления, как и представленная выше развёрнутая метафора уподобления М. Агеевым жизни театру, актуализируют прецедентную шекспировскую фразу («Весь мир – театр») из пьесы «Как вам это понравится» и расширяет художественное пространство текстов. Отметим, что М. Лермонтов изображает в «Вадиме» смутное время пугачёвщины, что вполне коррелируется со «смутным» пореволюционным време-

нем, эскизно отображённым в романе М. Агеевым.

Таким образом, ориентация на прецедентные тексты М. Лермонтова позволяет М. Агееву в рамках своего романа представить не только повествование о событиях, но и надтекстовое повествование о диалоге поколений, исследование которого важно для понимания мироощущения «человека 30-х годов», родившегося в дореволюционной России и сформировавшегося в условиях эмиграции. Лермонтовский код играет в прозе М. Агеева роль связующей нити с прошлым, в котором обнаруживаются причины настоящего. Кроме того, творчество М. Лермонтова для М. Агеева становится проекцией осмысления национальных основ русской личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев М. Роман с кокаином. Паршивый народ // Статья Никиты Струве. М.: Художественная литература, 1990. 222 с.
2. Варшавский В. О «герое» эмигрантской молодой литературы // Числа. 1932. № 6. С. 164–172.
3. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах / сост. и комм. И.С. Чистовой; ил. В.А. Носкова. М.: Правда, 1990. Том 2. 704 с.
4. Летаева Н.В. Оппозиция «Пушкин – Лермонтов» на страницах журнала русского зарубежья «Числа» // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 1(84). С. 42–45.
5. Поплавский Б. Вокруг «Чисел» // Числа. 1934. № 10. С. 204–209.
6. Поплавский Б.Ю. Неизданное: дневники, статьи, стихи, письма / сост. и коммент. А. Богословского и Е. Менегальдо. М.: Христианское издательство, 1996. 512 с.
7. Поплавский Б. О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Числа. 1930. № 2/3. С. 308–311.
8. Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: Из наследия первой эмиграции / сост., авт. вступ. ст. и коммент. М.Д. Филин. М.: Русский Мир, 1999. 286 с.
9. Федотов Г.П. О смерти, культуре и «Числах» // Числа. 1930. № 4. С. 143–148.
10. Хатямова М.А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века / науч. ред. В.А. Суханов. М.: Языки славянской культуры, 2008. 328 с.

REFERENCES

1. Ageev M. *Roman s kokainom. Parshivyi narod* [A novel with cocaine. The lousy people]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 222 p.

2. Varshavskii V. [About “hero” of the young émigré literature]. In: *Chisla* [Numbers], 1932, no. 6, pp. 164–172.
3. Lermontov M.Yu. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. Moscow, Pravda Publ., 1990. Vol. 2. 704 p.
4. Letaeva N.V. [The opposition “Pushkin – Lermontov” in the journal of the Russian abroad “Chisla”]. In: *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University. Series: The humanities], 2015, no. 1(84), pp. 42–45.
5. Poplavskii B. [Around the “Chisla”]. In: *Chisla* [Numbers], 1934, no. 10, pp. 204–209.
6. Poplavskii B.Yu. *Neizdannoe: dnevnik, stat'i, stikhi, pis'ma* [Unreleased: diaries, articles, poems, letters]. Moscow, Christian Publishing House, 1996. 512 p.
7. Poplavskii B. [On the mystical atmosphere of young literature in exile]. In: *Chisla* [Numbers], 1930, no. 2/3, pp. 308–311.
8. Filin M.D., comp. *Fatalist. Zarubezhnaya Rossiya i Lermontov: Iz naslediya pervoi emigratsii* [A fatalist. Foreign Russia and Lermontov: from heritage of the first emigration]. Moscow, Russkii Mir Publ., 1999. 286 p.
9. Fedotov G.P. [About death, culture and “Chisla”]. In: *Chisla* [Numbers], 1930, no. 4, pp. 143–148.
10. Khatyamova M.A. *Formy literaturnoi samorefleksii v russkoi proze pervoi treti XX veka* [The forms of literary reflection in the Russian prose of the first third of the 20th century]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2008. 328 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Летаева Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики языкового образования, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (Одинцовский филиал);
e-mail: letaewa.n@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya V. Letaeva – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of Pedagogics and Methods of Language Education, MGIMO University (Odintsovo Branch);
e-mail: letaewa.n@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Летаева Н.В. Лермонтовский текст в прозе М. Агеева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 128–134
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-128-134

FOR CITATION

Letaeva N.V. Lermontov's discourse in prose of M. Ageyev. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 128–134
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-128-134

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-135-145

О МЕДВЕДЯХ, ОХОТЕ И ЛЮБВИ: «МЕДВЕЖИЙ» СЮЖЕТ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ТОЛСТОГО

Нагина К.А.*Воронежский государственный университет**394000, г. Воронеж, пл. Ленина, д. 10, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается «медвежий» сюжет в творчестве Л. Толстого. Этот сюжет реализуется в романах «Война и мир», «Анна Каренина», рассказах «Три медведя», «Крестник», а также в трактатах «В чём моя вера?» и «Путь жизни». В романе «Анна Каренина» он поддерживает линии Константина Левина и Кити, сопрягаясь с матримониальной символикой и мифологическими представлениями славян. В романе «Война и мир» его персонажем является Пьер Безухов, а в позднем творчестве Л. Толстого медведи включаются в фольклорный сюжет, иллюстрирующий идею непротivления злу насилем. Во всех указанных случаях «медвежий» сюжет содержит звёздную символику, что в художественном мире Л. Толстого традиционно связывается с поисками смысла бытия.

Ключевые слова: Л. Толстой, «медвежий сюжет», художественная антропология, «Война и мир», «Анна Каренина».

ON BEARS, HUNTING AND LOVE: “BEAR” PLOT IN THE WORKS OF L. TOLSTOY

K. Nagina*Voronezh State University**10 Lenin square, Voronezh, 394000, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the “bear” plot in the works of L. Tolstoy. This plot is realized in novels “War and Peace”, “Anna Karenina”, stories “Three Bears”, “The Godson”, and also in treatises “What I believe” and “The Only Way”. In the novel “Anna Karenina”, he supports the courses of Konstantin Levin and Kitty, interfacing with matrimonial symbols and mythological representations of the Slavs. In the novel “War and Peace” his character is Pierre Bezukhov, and in the late works of L. Tolstoy bears are included in the folk story, illustrating the idea of non-resistance to evil violence. In all these cases, “bear” plot contains star symbols, which are traditionally associated with the search for the meaning of being in the literary world of L. Tolstoy.

Key words: L. Tolstoy, “bear plot”, artistic anthropology, “War and Peace”, “Anna Karenina”.

«Медвежий» сюжет, ясно прослеживающийся в творчестве Л.Н. Толстого, развивается в нескольких направлениях. Первое, представленное в «Анне Карениной», связано с матримониальной семантикой; к нему примыкает второе, опирающееся на мифологические представления славян о медведе как воплоще-

нии земли, мира предков; и, наконец, третье, разворачивающееся в пространстве поздних произведений писателя, соединяется с идеей непротивления злу насилием.

Когда Константин Левин приезжает в Москву, чтобы сделать предложение Кити Щербацкой, он встречает её на катке в Зоологическом саду в сопровождении гувернантки. Называя свою воспитанницу «Tiny bear» – медвежонок, старая дама напоминает Левину «его шутку о трёх барышнях, которых он называл тремя медведями из английской сказки». Причём сам Левин «решительно не помнил этого, но она уже лет десять смеялась этой шутке и любила её» [10, т. 8, с. 39]. Почему же эта «шутка» стёрлась из памяти Константина Дмитрича и каковы истинные причины ассоциативного сближения трёх сестёр Щербацких с тремя медведями?

Первые главы «Анны Карениной» были напечатаны в январе 1875 г., как раз в период завершения работы над «Новой азбукой», в которую вошёл перевод английской сказки «Три медведя», благодаря Л.Н. Толстому получившей столь широкую известность. Следовательно, перед нами – одно из свойственных творчеству писателя пересечений сюжетов, над которыми он работал примерно в одно и то же время. Позволим себе напомнить, что в знаменитой сказке девочка, заблудившаяся в лесу, заходит в домик, где живут три медведя: большой, поменьше и самый маленький. Девочка поочерёдно пробует еду из трёх чашек, по очереди сидит на трёх стульях и лежит на трёх кроватях, причём отдаёт предпочтение всему тому, что принад-

лежит медвежонку. В его кровати она и засыпает.

В романе «Анна Каренина» Константин Левин оказывается в положении девочки из сказки: он «влюбился в дом Щербацких. Как это ни странно может показаться, но Константин Левин был влюблён именно в дом, в семью, в особенности в женскую половину семьи Щербацких» [10, т. 8, с. 29]. Подобно героине, ставящей себя на место медведей, он поочерёдно примеривается к каждой из трёх сестёр, в итоге отдавая предпочтение меньшей: «Во время студенчества он чуть было не влюбился в старшую, Долли, но её вскоре выдали замуж за Облонского. Потом он начал влюбляться во вторую. Он как будто чувствовал, что ему надо влюбиться в одну из сестёр, только не мог разобрать, в какую именно. Но и Натали, только что показавшись в свет, вышла замуж за дипломата Львова. Кити ещё была ребёнок» [10, т. 8, с. 30]. После этого Левин уехал в деревню, а вернувшись, обнаружил, что «Tiny bear уже стал большой». «Он понял, в кого из трёх сестёр ему действительно суждено было влюбиться» [10, т. 8, с. 30]. Так обнажаются причины вытеснения этого сказочного сюжета из памяти героя. «Любопытное текстуальное подтверждение тому, что сказка актуальна для Толстого и на уровне описания», Б. Леннkvист обнаруживает в пассаже о трёх сёстрах Щербацких, «где они представлены от старшей к младшей по длине их шубок» [5, с. 98]: «... подъезжали в коляске к Тверскому бульвару в своих атласных шубках – Долли в длинной, Натали в полудлинной, а Кити в совершенно короткой, так что статные ножки её в туго натянутых

красных чулках были на всём виду» [10, т. 8, с. 30].

Сказочная история заканчивается бегством девочки из дома медведей, причём не последнюю роль тут играет медвежонок, обнаруживший девочку в своей постельке и завизжавшей так, «как будто его режут» [10, т. 10, с. 8]. Первая попытка сватовства к Кити заканчивается для Левина «позором отказа» [10, т. 8, с. 168], однако «медвежий» сюжет не заканчивается, как не остывает в сердце Левина любовь к “Tiny bear” Кити.

Занятый обычными для деревенского жителя весенними хлопотами, Константин Дмитрич пребывает в «счастливом ... расположении» духа [10, т. 8, с. 177], когда к нему приезжает Степан Аркадьевич Облонский. Левин хочет узнать у него, не вышла ли замуж Кити. Друзья отправляются на охоту, а Стива проявляет свойственную ему деликатность, не упоминая интересующий Левина предмет. Разговор идёт о вопросах хозяйства, которое в этот период больше всего занимает Левина. « – Нет, ты счастливый человек», – замечает Облонский. – Всё, что любишь, у тебя есть. Лошадей любишь – есть, собаки – есть, охота – есть, хозяйство – есть» [10, т. 8, с. 180]. Так охота утверждается в числе любимых занятий Левина. К вечеру охота на птиц сменяется охотой на звёзды: «Над головой у себя Левин ловил и терял звёзды Медведицы» [10, т. 8, с. 183].

На ночном небе герой видит и другие звёзды: «Ясная серебряная Венера низко на западе уже сияла из-за берёзок своим нежным блеском, и высоко на востоке уже переливался своими красными огнями мрачный Аркутурус. Над головой у себя Левин ловил и

терял звёзды Медведицы. Вальдшнепы уже перестали летать: но Левин решил подождать ещё, пока видная ему ниже сучка берёзы Венера перейдёт выше его и когда ясны будут везде звёзды Медведицы. Венера перешла уже выше сучка, колесница Медведицы с своим дышлом была уже вся видна на тёмно-синем небе, но он всё ещё ждал» [10, т. 8, с. 183]. Глядя в небо, Левин спрашивает Стиву о Кити. Созерцание созвездия Большой Медведицы придаёт ему силы: «Левин чувствовал себя столь твёрдым и спокойным, что никакой ответ, он думал, не мог взволновать его» [10, т. 8, с. 184]. «Толстой позволяет нам проникнуть в подсознание Левина, – комментирует эту сцену Б. Леннkvист, – оживает связь слов “tiny bear уже стал большой” с Большой Медведицей» [5, с. 99]. Кити имеет своего двойника в звёздном небе, тем более что звёздная символика в этой сцене вполне прозрачна. Левин ждёт, когда Венера, женская планета, символ небесной и земной любви, перейдёт выше и ему полностью откроется созвездие Большой Медведицы, в которое, согласно древнегреческим легендам, была превращена Зевсом прекрасная нимфа Каллисто, спутница и подруга Артемиды. «Стражем медведицы» является её сын, превращённый в звезду Аркутр, ярчайшую в созвездии Волопаса. Волопас – пахарь, правящий Большой и малой Медведицами, которые тянут за собой плуг, возделывая небесные поля, «чтобы вращение небес никогда не прекращалось». Так звёзды актуализируют два нераздельно связанных семантических поля, в которые вписан Левин: его любовь к Кити и приверженность труду,

наделённому в романе сакральным значением.

Забегая вперёд, скажем, что идея «вращения небес» путём «вспахивания небесного поля» парадигматически обнаруживает себя в финальной сцене романа, когда, в очередной раз глядя на звёздное небо, Левин видит «знакомый ему треугольник звёзд» и проходящий в середине его Млечный Путь. Он размышляет об «общем проявлении бога для всего этого мира со всеми этими туманными пятнами» [10, т. 9, с. 415]. «Разве я не знаю, что звёзды не ходят? – спросил он себя, глядя на изменившую своё положение к высшей ветке берёзы яркую планету. – Но я, глядя на движение звёзд, не могу представить себе вращения земли, и я прав, говоря, что звёзды ходят.... И точно так же, как праздны и жалки были бы заключения астронавтов, не основанные на наблюдениях видимого неба по отношению к одному меридиану и одному горизонту, так праздны и жалки были бы и мои заключения, не основанные на том понимании добра, которое для всех всегда было и будет одинаково и которое открыто мне христианством и всегда в душе моей может быть поверено» [10, т. 9, с. 415–416]. К этому следует добавить, что, когда Левин трудится на земле, он не задумывается о смысле жизни, и, подобно Волопасу, вспахивающему небесные поля с помощью колесницы Медведицы, вспахивает поле земное, воспроизводя саму жизнь. Не случайно земледельческий труд Левина связывается с «вопросом об общем благе» [10, т. 8, с. 378] народа и является для героя «единственной нитью в ... темноте» [10, т. 8, с. 387]. Так звёзды на ночном небе, увиденные Левиным,

устойчиво сопрягаются с ситуацией труда и любовью к Кити.

В очередной раз звёздное небо открывается герою Толстого после решения вопроса о покосе с мужиками «сестриной деревни». Вечером Константин Дмитрич любит сцены «весеннего общего труда», испытывая «чувство зависти к людям, живущим» «трудовой, чистой и общей прелестной жизнью» [10, т. 8, с. 301]. Глядя на звёзды, он отрекается «от своих бесполезных знаний, от своего ни к чему не нужного образования» [10, т. 8, с. 304] и даже задумывается о женитьбе на крестьянке. «Перламутровая раковина из белых барашков-облачков», появившаяся в утреннем небе [10, т. 8, с. 305], связывается им с переменой взглядов на жизнь. Но в следующую, уже «пасмурную минуту, предшествующую обыкновенно рассвету, полной победе света над тьмой», Левин видит едущую ему навстречу карету, в которой у окна сидит Кити, и в сердце Константина Дмитрича вновь вспыхивает любовь к ней. Перемены в настроении героя подтверждает небо, «в недостижимой вышине» которого «совершилась уже таинственная перемена. Не было и следа раковины, и был ровный, расстилавшийся по целой половине неба ковёр всё уменьшающихся и уменьшающихся барашков» [10, т. 8, с. 306].

Следующая встреча Левина и Кити вновь проходит под знаком Медведицы. Сказочных и звёздных медведей сменяет медведица из охотничьего сюжета. Когда Степан Аркадьевич приходит звать Левина на ужин, на котором хочет свести его со своей свояченицей, то в гостиничном номере вместе с хозяином застаёт тверского мужика, аршином измеряющего шкуру медведицы.

Разговор идёт об охоте и других «самых задушевных предметах»: «об отношении рабочего народа к земле» и мыслях о смерти, одолевающих Левина [10, т. 8, с. 412–413]. «Ведь весь этот мир наш – это маленькая плесень, которая выросла на крошечной планете», – говорит Левин Стиве, как бы вспоминая ночное звёздное небо, увиденное им в середине лета. «Когда поймёшь, что нынче-завтра умрёшь и ничего не останется, то как всё ничтожно! И я считаю очень важную свою мысль, а она оказывается так же ничтожна, если бы даже исполнить её, как обойти эту медведицу. Так и проводишь жизнь, развлекаешься охотой, работой, – чтобы только не думать о смерти» [10, т. 8, с. 413]. Не совсем понятно, что подразумевает герой под словами «обойти эту медведицу»: то ли обойти шкуру убитой медведицы, то ли «обойти» кругом место предполагаемой берлоги, как это обычно делается на охоте. Но одно несомненно: Толстой актуализирует символику медведя как «русского зверя, воплощения земли и мира предков» [4, с. 160–161; 11, с. 185–212].

Ассоциативная связь между Левиним и медведем, возникающая на основе педалирования Толстым мотива медвежьей охоты, отчасти выстраивается на тех же основаниях, что и сновидческая встреча Татьяны Лариной с медведем в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: «Медведь – патрон зимней, то есть русской природы, – поясняет А.И. Иваницкий. – ... “русский зверь”, прочитываемый исследователями романа как природный и национальный первопредок самой Татьяны» [3, с. 14]. Встреча Татьяны с медведем «обеспечивает сохранение традиций, единство и непрерывность националь-

ного бытия» [6, с. 75]. Левин, как и Толстой, «славянофил ... , уверенный в существовании особой соотносительной гармонии между землевладельческой аристократией и крестьянством» [12, с. 184]. Нравственность передаётся через традицию – утверждает Толстой. Отсюда его интерес к народу – носителю мудрости и моральных истин. Земледельческий труд – часть крестьянской культуры, традиции, способ сохранения и «передавания жизни», что во многом интуитивно чувствует Константин Левин. Так что «медвежья» тема, связанная с ним, демонстрирует его приверженность к «почве» – тому крестьянскому миру, который сохраняет и передаёт земледельческую, культурную и религиозную традиции.

Участие Левина в медвежьей охоте приводит к тому, что его принимают за крестьянина. На вечере у Облонских в присутствии Кити Константин Дмитрич «весело и забавно» рассказывает о том, как, возвращаясь из Тверской губернии, где как раз и охотился на медведицу, он «в полушубке ворвался в отделение Алексея Александровича» Каренина, и «кондуктор, как и сам Каренин», хотел «по полушубку» «изгнать» его «вон» [10, т. 8, с. 423].

В этой сцене актуализируется матримонимальная символика, в славянской культуре присущая медведю, символу плодородия и плодовитости. Предметом обсуждения в гостиной становится сам Левин, его крепкие мышцы и смелость, проявленная в охоте на медведя. В разговоре участвует и Кити:

«– Я думаю, надо иметь большую силу для охоты на медведей, – сказал Алексей Александрович, имевший самые туманные понятия об охоте...

Левин улыбнулся.

– Никакой. Напротив, ребёнок может убить медведя, – сказал он, сторонясь с лёгким поклоном пред дамами, которые с хозяйкой подходили к столу закусок.

– А вы убили медведя, мне говорили? – сказала Кити ... – Разве у вас есть медведи? – прибавила она, вполборота повернув к нему свою прелестную головку и улыбаясь» [10, т. 8, с. 421–422].

Во время беседы Левин чувствует себя «победителем». Это ощущение внутренней силы заставляет его умалить свои охотничьи заслуги: он, безусловно, лукавит, когда говорит, что даже «ребёнок может убить медведя». Подтверждением тому является рассказ «Охота пуще неволи», написанный Л. Толстым в 1875 г. во время работы над «Анной Карениной». В этом рассказе он описывает свой опыт медвежьей охоты. Охотясь в 1858 г. под Вышним Волочком, писатель чуть было не расстался с жизнью: огромный медведь едва не откусил ему голову. На память об этой охоте остался шрам на лбу, который Лев Николаевич иногда показывал знакомым. Кстати, и Толстой, подобно Левину, своим внешним видом вводил в заблуждение незнакомых людей: его традиционный охотничий наряд состоял из простой блузы непонятного цвета, которая, как и полушубок Левина, скрывала его действительное положение в обществе [8].

Главным охотничьим трофеем Левина становится Кити, о чём говорит готовность Константина Дмитрича вообще отказаться от медвежьей охоты, если «жена его не пустит». Об этом он сообщает своему товарищу по охоте,

которого он весьма символично избирает свадебным шафером.

Б. Леннkvист предположила, что «физическая сила Левина, его нелюдимость и социальная “взъерошенность” могут вызвать ассоциации с медведем». Однако эта мысль представилась исследователю недостаточно убедительной, и она отвела герою роль «стража медведицы» [5, с. 103]. Но не стоит сбрасывать эти ассоциации со счётов. Уже отмеченная связь с медведем с почвой и национальной традицией делает Левина активным участником «медвежьего» сюжета не только в роли «стража медведицы», но и самого медведя. Об этом свидетельствует и новое увлечение героя, сменяющее страсть к медвежьей охоте – «охота медоная». Это сближение делается особенно прозрачным, если учесть этимологию слова «медведь» – «поедающий мёд». В итоге «пчелиная охота» становится необходимым звеном в цепи событий, приведших Левина к обретению веры и смысла бытия [5, с. 105–109].

Ассоциация «Левин – медведь» поддержана в творчестве Л. Толстого сближением на той же основе ещё одного автореферентного героя с медведем – Пьера Безухова, и отталкиванием от медведя Алексея Вронского.

В сцене первого появления графа Безухова на страницах романа в салоне Шерер князь Василий называет его медведем: «Образуйте мне этого медведя» [10, т. 4, с. 22], – обращается он к Анне Павловне. У хозяйки салона Пьер вызывает «страх, подобный тому, который выражается при виде чего-нибудь слишком огромного и не свойственного месту» [10, т. 4, с. 15]. В этом ключе любопытно сближение Пьера с фигурой ловчего Ростовых Да-

нилы, основой для которого становится всё тот же медведь. Появление Данилы в кабинете Николая напоминает появление Пьера в гостиной Шерер: «... видеть его в комнате производило впечатление подобное тому, как когда видишь лошадь или медведя на полу между мебелью и условиями людской жизни» [10, т. 5, с. 255].

Сближение Пьера с медведем работает и в сцене дуэли с Долоховым. Вряд ли отчаянный бретер боится Пьера, однако тот вызывает у него вполне определённые ассоциации.

«Ежели ты идёшь на дуэль и пишешь завещание да нежные письма родителям ... , ты – дурак и наверное пропал; а ты иди с твёрдым намерением его убить ... , – говорит он накануне дуэли Николаю Ростову. – Как мне говаривал наш костромской медвежатник: медведя-то, говорит, как не бояться? Да как увидишь его, и страх пропал, как бы только не ушёл! Ну так-то и я» [10, т. 5, с. 28].

«Медвежий» сюжет в линии Пьера поддерживается сценой пирушки у Курагина и историей с квартальным. Одним из центральных персонажей «попойки» оказывается медведь: «Трое возились с молодым медведем, которого один таскал на цепи, пугая им другого» [10, т. 4, с. 42]. Недюжинная физическая сила, чуть ли не равная медвежьей, позволяет Безухову «ухватить медведя, и, обняв и подняв его», «кружиться с ним по комнате» [10, т. 4, с. 47].

Эта сцена получает своё продолжение. Выходкой молодых людей веселят гостей в доме Ростовых на именинах Наташи, заставляя графа покатываться со смеху: «... Они втроем достали где-то медведя, посадили с собой в карету и повезли к актрисам. Прибежа-

ла полиция их унимать. Они поймали квартального и привязали его спина со спиной к медведю и пустили медведя в Мойку; медведь плавает, а квартальный на нём» [10, т. 4, с. 50]. К слову сказать, сцена, так позабавившая старого графа, вдохновила и карикатуристов сатирического журнала «Искра», популярного в России 1860-х гг. Картинка, изображающая квартального, плывущего на медведе, получила подпись в духе историософии автора «Войны и мира»: «Если б судьба не решила – квартальному плыть на медведе по речке... – многое б было на свете иначе» [1].

Эта история с медведем всплывает и ещё раз, когда Марья Дмитриевна будет отчитывать Пьера за дурное поведение: « – Хорош, нечего сказать! Хорош мальчик!.. Отец на одре лежит, а он забавляется, квартального на медведя верхом сажает. Стыдно, батюшка, стыдно! Лучше бы на войну шёл. – Она отвернулась и подала руку графу, который едва удерживался от смеха» [10, т. 4, с. 79].

Толстой наделяет Пьера некоторыми медвежьими чертами: он «толстый», крупный, неуклюжий, сильный и, если его разозлить, агрессивный и даже свирепый, что проявляется в сцене скандала с Элен. «Привив Пьеру медвежьи черты», писатель «создал персонаж поразительной инаковости – обаятельного человека, заключённого в медвежьем обличье» [1].

В «объединении» Пьера с медведем Дж. Брукс обнаруживает «точный» толстовский юмор, «украшающий самые неожиданные контексты». Природу этого юмора исследователь возводит к смеховой культуре Руси, отказываясь от попытки «трактовать его в свете со-

временной Толстому и знакомой ему европейской элитарной культуры, где печатная юмористическая продукция занимала ... более видное место, чем в России». В этом смысле ключевой становится фигура медведя и его роль в русской культуре. Древний культ медведя, его присутствие в народных сказках, выступления дрессированных медведей на рынках и ярмарках, приписываемая народным сознанием способность медведя к оборотничеству, наделение фольклорных и литературных героев медвежьими чертами – всё это позволяет Дж. Бруксу проследить «ясную родословную» «толстовского медведя», восходящую к средневековой Руси. Смеховая народная культура, с точки зрения исследователя, сделала возможным и появление карикатур на «Войну и мир» в «Искре»: «Широкий и разнообразный спектр комического перекочевал из массовой и народной культуры в “Войну и мир” и в массовую культуру оттуда вернулся, аннулировав толстовскую серьёзность» [1]. Отчасти толстовский юмор направлен и на включение в «медвежий» сюжет одного из главных героев второго романа писателя – Алексея Вронского. Вернувшись домой, Алексей Александрович Каренин обнаруживает в собственной передней «красавца лакея в галунах и медвежьей пелеринке». Эта медвежья пелеринка не имеет ничего общего с медвежьей шубой Пьера, как бы являющейся его продолжением, и подчёркивает всю неуместность пребывания лакея Вронского, любовника жены Карениной, у того в передней. Некоторую трагическую комичность ситуации придаёт уменьшительный суффикс, превращающий массивную и тёплую одежду в предмет гардероба городских модников.

Вронский не питает страсти к медвежьей охоте, но поневоле должен принимать в ней участие. Эта охота является пародией на ту, в которой участвует Левин, настоящий охотник на медведей. Медвежья охота с участием Вронского включается в ряд «специально русских удовольствий», которые он должен предоставить иностранному принцу, приехавшему в Петербург: «Вронскому, бывшему при нём как бы главным церемониймейстером, большого труда стоило распределить все предлагаемые принцу различными лицами русские удовольствия. Были и рысаки, и блины, и медвежьи охоты, и тройки, и цыгане, и кутежи с русским битьем посуды» [10, т. 8, с. 389]. Медвежья охота, включаясь в этот сниженный ряд, превращается в представление «русского молодечества» [10, Т. 8, с. 390]. Вронским она воспринимается как тяжёлая и постыдная обязанность, поскольку в принце он с отвращением видит зеркальное отражение самого себя: «... он невольно видел в нём себя самого. И то, что он видел в этом зеркале, не льстило его самолюбию. ... “Глупая говядина! – Неужели я такой?” – думал он». Впечатления от медвежьей охоты сливаются в сознании героя с «воспоминаниями безобразных сцен, виденных им в последние дни», и мужик-обкладчик, играющий «важную роль» в ней, превращается в кошмарный образ его сновидения: «“Что такое странное я видел во сне? Да, да. Мужик-обкладчик, кажется, маленький, грязный, со взъерошенной бородкой, что-то делал нагнувшись и вдруг заговорил по-французски какие-то странные слова ... Но отчего же это было так ужасно?” Он живо вспомнил опять мужика и те непонятные фран-

цузские слова, которые произносил этот мужик, и ужас пробежал холодом по его спине» [10, т. 8, с. 391]. Похожего «маленького» и «странного» «мужика со взъерошенной бородой» видит во сне Анна, и Вронский, слушая её рассказ об этом сновидении, испытывает «ужас, наполнивший его душу».

Так медвежья охота становится в ряд общих для Вронского и Левина занятий: семейной жизнью, сельским хозяйством, имением, – которые поддерживаются сходными мотивами [7, с. 392–400]. Система зеркальных мотивов и образов работает на сопоставление героев, причём она поддерживает идею бытийной состоятельности Левина в противовес несостоятельности Вронского. Медвежья охота Левина завершается браком с Кити, а охота Вронского превращается в кошмарное предзнаменование гибели Анны.

Свою символическую роль медведи выполняют и в позднем творчестве писателя, где обыгрывается один и тот же фольклорный сюжет, к которому Толстой по своему обыкновению обращается как минимум дважды: в художественном и религиозно-философском сочинениях. Первый раз этот сюжет возникает в трактате «В чём моя вера?» и служит иллюстрацией одной из заповедей Христа: «Ещё говорит: за зло не плати злом, а то зло вернётся на тебя ещё злее, чем прежде, как подвешенная колода над медом, которая убивает медведя» [9, т. 23, с. 423]. Вполне понимая, что подобный способ охоты на медведя является для русского человека экзотическим, Толстой даёт ему развёрнутый комментарий, но уже в трактате «Путь жизни»: «Медведя убивают тем, что над корытом мёда вешают на верёвке тяжёлую колоду. Мед-

ведь отталкивает колоду, чтобы есть мёд. Колода возвращается и ударяет его. Медведь сердится и сильнее толкает колоду – она сильнее бьёт его. И это продолжается до тех пор, пока колода не убивает медведя. Люди делают то же, когда злом платят за зло людям. Неужели люди не могут быть разумнее медведя?» [9, т. 45, с. 230].

Сюжет о медведе и бревне «не встречается в репертуаре известных русских сказителей». Он плод «смекалки башкирских бортников, использующих подвешенное перед мешком борта с пчелиной семьёй бревно в качестве своеобразного замка, защищающего мёд от медведей» [2]. Этот сюжет в очередной раз привлёк внимание Л. Толстого в рассказе «Крестник», где послужил наглядной иллюстрацией тезиса о неизбежном возвращении причинённого людям зла.

И по какому-то удивительному внутреннему «сцеплению» образов и идей, свойственных творчеству Толстого, земные медведи, превращаясь в звёздных, всё в том же трактате «Путь жизни» утверждают идею добра. Писатель рассказывает о девочке, которая во время большой засухи чудесным образом получила ковшик воды. Сама она не отпила ни глотка, но, пока несла ковшик больной матери, напоила собачку, и ковшик из деревянного стал серебряным. Мать отдала воду дочери, и ковшик стал золотым. Когда девочка поднесла ковшик страннику, на нём «выскочило семь огромных бриллиантов, и из него полилась большая струя чистой, свежей воды. А семь бриллиантов стали подниматься выше и выше и поднялись на небо и стали теми семью звёздами, которые называются Большой Медведицей. То, что ты отдал, то

твоё, а то, что ты удержал, то чужое. Если ты отдал что-нибудь другому, оторвав от себя, ты сделал добро себе, и это добро навсегда твоё, и никто не может отнять его от тебя. Если же ты удержал то, что хотел иметь другой, то ты удержал это только на время или до того времени, когда тебе придётся от-
дать это. А отдать придётся наверное, когда придёт смерть» [9, т. 45, с. 391].

Вот так парадигматически завершается в творчестве Л.Н. Толстого «медвежий» сюжет. Писатель «сводит круг», поразительным образом включая в него Кити – Большую Медведицу, Левина, который «ловит и теряет» звёзды Большой Медведицы на небосклоне, и Пьера, в медвежьей шубе нараспашку наблюдающего полёт кометы Галлея в звёздном небе 1812 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брукс Дж. Лев и медведь: юмор в «Войне и мире» [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2011. № 109 (3/2011). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1901> (дата обращения: 01.02.2018).
2. Зайденшнур Э.Е. Использование Толстым фольклора народов России в своём творчестве. Выступление на толстовских чтениях 1982 года. Фрагменты // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/nta/nta-433-.htm>. (дата обращения: 01.02.2018).
3. Иваницкий А. «Зимний путь» у Пушкина («Национальная» природа – кухня истории как культуры) // Slavica tergestina. 1998. № 6. С. 5–36.
4. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие системы. Древний период. М.: Наука, 1965. 251 с.
5. Леннkvист Б. Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: Анна Каренина. М.: Языки славянской культуры, 2010. 128 с.
6. Маркович В.М. Сон Татьяны в поэтической структуре «Евгения Онегина» // Болдинские чтения. 1980. № 5. С. 69–90.
7. Нагина К.А. Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л.Н. Толстого. Воронеж: Научная книга, 2012. 443 с.
8. Никитина Н.А. Повседневная жизнь Льва Толстого в Ясной Поляне // Интернет библиотека. URL: http://www.xliby.ru/literaturovedenie/povsednevnaia_zhizn_lva_tolstogo_v_jasnoi_poljane/index.php (дата обращения: 1.02.2018).
9. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1928–1958.
10. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература, 1978–1985.
11. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Издательство Московского университета, 1983. 248 с.
12. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л.: Художественная литература, 1974. 360 с.

REFERENCES

1. Brooks J. [The lion and the bear: the humor in “War and Peace”]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*. [New Literary Observer], 2011, no. 109 (3/2011). Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/1901> (accessed: 01.02.2018).
2. Zaidenshnur E.E. [Tolstoy's use of the folklore of the peoples of Russia in his work. Speech at the Tolstoy readings in 1982. Fragments]. In: *Fundamental'naya elektronnaya biblioteka “Russkaya literatura i fol'klor”*. [Fundamental electronic library “Russian literature and folklore”]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/nta/nta-433-.htm>. (accessed: 01.02.2018).

3. Ivanitskii A. ["Winter journey" by Pushkin ("national" nature is the kitchen of history as culture)]. In: *Slavica tergestina*, 1998, no. 6, pp. 5–36.
4. Ivanov V.V., Toporov V.N. *Slavyanskije yazykovye modeliruyushchie sistemy. Drevnii period* [Slavic language modeling system. The ancient period]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 251 p.
5. Lennkvist B. *Puteshestvie vglub' romana. Lev Tolstoi: Anna Karenina* [Travel deep into the novel. Leo Tolstoy: Anna Karenina]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2010. 128 p.
6. Markovich V.M. [Tatyana's dream in the poetic structure "Yevgeniy Onegin"]. In: *Boldinskie chteniya* [Boldin Readings.], 1980, no. 5, pp. 69–90.
7. Nagina K.A. *Prostranstvennye universalii i kharakterologicheskie kollizii v tvorchestve L.N. Tolstogo* [Spatial universals and characterological collisions in the works of L. Tolstoy]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2012. 443 p.
8. Nikitina N.A. [The daily life of Leo Tolstoy in Yasnaya Polyana]. In: *Internet biblioteka*. [The Internet library.]. Available at: http://www.xliby.ru/literaturovedenie/povsednevnaia_zhizn_lva_tolstogo_v_jasnoi_poljane/index.php (accessed: 1.02.2018).
9. Tolstoi L.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t* [Complete works: in 90 vol.]. Moscow-Leningrad, State Publishing House of Fiction, 1928–1958.
10. Tolstoi L.N. *Sobranie sochinenii: v 22 t* [Collected works: 22 vol.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978–1985.
11. Uspenskii B.A. *Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostei* [Philological researches in the field of Slavic antiquities]. Moscow, Moscow University Publ., 1983. 248 p.
12. Eikhenbaum B.M. *Lev Tolstoi. Semidesyatyie gody* [Leo Tolstoy. The seventies]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1974. 360 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нагина Ксения Алексеевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы Воронежского государственного университета;
e-mail: k-nagina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia A. Nagina – Doctor in Philological Sciences, associate professor, professor at the Department of history and typology of the Russian and foreign Literature, Voronezh State University;
e-mail: k-nagina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нагина К.А. О медведях, охоте и любви: «медвежий» сюжет в творчестве Л. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 135–145
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-135-145

FOR CITATION

Nagina K.A. On bears, hunting and love: "bear" plot in the works of L. Tolstoy. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 135–145
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-135-145

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-146-152

«БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ КАТАЛОГ РОССИЙСКИМ ПИСАТЕЛЬНИЦАМ» С.В. РУССОВА

Пуряева Н.Н.*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова**119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Российская федерация*

Аннотация. В статье рассматривается первое в отечественной литературе специализированное издание, посвящённое русским писательницам – «Библиографический каталог русских писательниц», составленный С.В. Руссовым (1826). Каталог Руссова стал первой манифестацией систематического интереса, наметившегося к истории женской литературы с 1820-х гг. В статье проанализированы источники, которыми пользовался составитель каталога, рассмотрен вопрос методологии отбора персоналий. Основная цель, которую ставил перед собой Руссов, – сохранить максимальное возможное количество имён писательниц (в самом широком понимании этого слова).

Ключевые слова: русские писательницы, история женской литературы, С.В. Руссов, Н.И. Новиков, митрополит Евгений (Болховитинов), А.П. Бунина, М. Пospelova.

BIBLIOGRAPHIC CATALOGUE OF RUSSIAN FEMALE WRITERS BY S. RUSSOV

N. Puryaeva*Lomonosov Moscow State University**1 bld. 51, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the first in the Russian literature specialized edition devoted to Russian female writers – “The Bibliographic Catalogue of Russian Female Writers” compiled by S. Russov (1826). Russov's catalog manifested emerging in 1820s interest in the history of women's literature. The article analyzes the sources used by the compiler of the catalogue as well as the leading principles of selecting personalities. The main goal, set by Russov, is to preserve the maximum possible number of writers' names (in the broadest sense of the term).

Key words: Russian writers, the history of women's literature, S. Russov, N. Novikov, Metropolitan Eugene (Bolkhovitinov), A. Bunina, M. Pospelova.

Первым специализированным изданием, посвящённым русским писательницам, стал «Библиографический каталог ...», опубликованный в 1826 г. До этого момента дифференциации по гендерному принципу между авторами литературных произведений в кодифицирующих изданиях (словарях) не делалось.

Автор каталога – С.В. Руссов – в некотором смысле случайная в данном вопросе фигура, хотя ко времени составления каталога им написана довольно об-

ширная статья, имеющая отношение к женской теме – разыскание, посвящённое биографии Анны Ярославны [10]. Специализировался же он на исследованиях в области истории и культурологии, хотя самым значимым итогом его деятельности остался всё же «Библиографический каталог...». Подробнее о биографии Руссова см. [9, с. 627–630].

Книга представляет собой перечень 87 авторов (и 14 нераскрытых псевдонима), в основном с указанием сочинений, опубликованных в журналах или отдельными изданиями.

Замысел каталога, как следует из предпосланного ему письма, принадлежал не Руссову, а сам он стал результатом выполнения заказа по каталогизации библиотеки: «Письмо ея превосходительству. NN»¹: «Ваше превосходительство, держась правильного мнения, что число писательниц какой-либо страны показывает особую степень просвещения оной, извоили

возложить на меня все творения российских писательниц, находящиеся в прекрасной вашей библиотеке отобрать в особое отделение и составить тем писательницам исторический словарь. Первую часть поручения вашего я исполнил; но другую, относительно составления исторического словаря нашёл совершенно невозможною; кроме других препятствий одно собрание сведений требует переписки бесконечной. Посему вместо исторического словаря подношу вам библиографический каталог российским писательницам и то не совершенно исправный. Если соберётся достаточное количество жизнеописаний, то впоследствии не премину поместить их в втором исправленном издании сей книжки. Честь имею быть и пр. Руссов» [8, с. 3–4].

Круг периодических изданий, которые описывает Руссов, довольно типичный для образованной дворянской семьи 1820-х гг. набор толстых журналов. Они, прежде всего, петербургские («Благонамеренный», «Северный архив», «Сын отечества», «Отечественные записки», «Труды вольного экономического общества»), а также пара московских – «Московский телеграф» и «Дамский журнал». Имеется одна ссылка на «Вестник Европы». Однако во всех случаях речь идёт о разрозненных номерах за 1820-й – 1826-й гг. (за исключением «Трудов...», где отсутствуют ссылки на конкретные номера; впрочем, журнал был приостановлен в 1820 г.). Особняком стоят не типичные для Петербурга «Украинский вестник» и «Харьковский журнал». Что касается книг, приведённых в каталоге, они датируются 1778–1825 гг.

¹ Не возьмёмся однозначно утверждать, кто являлся заказчицей работы. Судя по обращению, супруг дамы – чиновник 3 или 4 класса (тайный советник или действительный статский советник). Осторожно предположим, что за инициалами NN могла стоять Е.А. Карамзина, известная не только как вторая жена, а затем вдова Карамзина, но прежде всего как хозяйка петербургского литературного салона.

Обратившись к декларированному в предисловии принципу, что об образованности общества судят по количеству писательниц, легко прочитаем здесь взгляд самого Карамзина. В этом смысле интерес его вдовы к женской литературе вполне ожидаем. Однако ряд фактов (очень короткий срок между датой смерти Карамзина – 22 мая 1826 г. – и временем работы над каталогом с вытекающим отсюда вопросом об исходной причине, побудившей к его созданию; отсутствие среди источников журналов и альманахов Карамзина, пусть и начала века), не позволяет безапелляционно принять эту версию.

Самый «свежий» из перечисленных в каталоге журналов имеет цензурное разрешение от 11 июня 1826 г. – «Отечественные записки», 1826, кн. 27, № 75, – а цензурное разрешение самого каталога было получено 16 июля. Таким образом, завершение работы над ним можно датировать не позднее, чем серединой – второй половиной июня 1826 г.

Причина создания каталога – опись библиотеки (или её части) – не позволяет говорить о явной методологии отбора персоналий. Однако Руссов не ограничивается именами из каталогизируемых изданий, он вводит полный список писательниц из «Опыта исторического русского словаря о российских писателях» (1772) Н.И. Новикова¹ (М.В. Зубова, Е.А. Княжнина, А.Ф. Ржевская, Н.И. Титова, Е.В. Хераскова, М.В. Храповицкая, Е.С. Урусова), видимо, стремясь сохранить в истории имена, уже выпавшие из круга внимания современников. При этом Руссов почти дословно переносит тексты Новикова², чем объясняется их некоторая оценочность. При этом лишь статье об Урусовой добавлена ссылка на издание сочинений, и только в статье о Херасковой Руссов ссылается на первоисточник.

Видимо, всё тем же стремлением сохранить знаковые имена объясняется и то, что Руссов добавляет «писательниц» – исторических личностей: Анну Ярославну, Ксению Ивановну (мать царя Михаила Федоровича), Марфу Борецкую, княгиню Ольгу, царевну Софью. Источником служит, прежде всего, «Галерея знаменитых россиян» [4; 5; 8, с. 32], откуда он берёт информацию об Анне Ярославне, Ксении

Ивановне, Марфе Борецкой. Действительно, в статьях о них, помещённых в «Галерею ...», упоминаются их заслуги в области просвещения, однако литературной деятельностью это назвать затруднительно. Со ссылкой на «Галерею ...» упомянуты также Евдокия Дмитриевна (жена Дмитрия Донского) и царица Наталья Кирилловна. Однако при том, что в «Галерею ...» их значение для распространения просвещения также отмечено, Руссов ставит под сомнение их литературные труды, а потому ограничивается упоминанием их имён в сноске [8, с. 16–17]. Таким образом, определить объективные критерии, по которым в каталог отобраны эти исторические персоналии, не представляется возможным.

В статье о княгине Ольге Руссов ссылается на жизнеописание Карамзина [8, с. 35]. В статье о царевне Софье упомянута статья в «Отечественных записках» (1822, ч. 32), однако в основном пишет её самостоятельно.

В статьях о Е.Р. Дашковой и Екатерине II Руссов упоминает публикации о них в «Друге просвещения». Речь идёт о нескольких опубликованных статьях словаря писателей митрополита Евгения (Болховитинова)³. При этом Руссов не опирается на текст Болховитинова, а делает акцент именно на подробной библиографии, особенно в отношении Екатерины II.

Трудно с уверенностью судить, в какой степени Руссов использует сведения, известные ему по сотрудничеству с Д.И. Хвостовым в работе последнего над словарём писателей в 1802 г.⁴ Веро-

¹ О писательницах в словаре Новикова см. [6].

² См. подробнее [2].

³ О писательницах в словаре Болховитинова подробнее см. [7].

⁴ Замысел не был осуществлён, и значительную часть материалов Хвостов затем передал

ятнее всего, из этого источника Руссову известно о К.Я. Державиной: заметка о ней имела в бумагах Хвостова¹.

В целом же можно сказать, что Руссов был нацелен на то, чтобы, с одной стороны, учесть предшествующие работы в данной области, а с другой – максимально широко зафиксировать имена всех дам, которые имели какое-либо отношение к сочинительству.

Так, в каталог включены авторы текстов, далёких от словесности: статья о производстве поташа (Броницкая), о способе делать пробки из древесных наростов (Луц), статья о приготовлении различных видов пастилы (Озерцовская А.Н.), статья о разведении огорода на Камчатке и внедрении там новых огородных культур (Рикорд Л.), статья об употреблении остатков (Шуберт Ф.). В том же ряду помещены более «научные» статьи: по истории Бессарабской области (Винтербергера А.), по истории городов Калужской области (Зелинская Е.Г.), статья об остатках славянской мифологии у белорусов (Черноцкая).

С точки зрения структуры, статьи, как правило, представляют собой указание имени, членства в литературных обществах, названия произведения и места публикации. В отдельных случаях (Бунина А.П., Вельяшева-Волынцева А.И., Ржевская А.Ф.) приведены некоторые биографические сведения. Кроме уже упомянутых статей, заимствованных у Новикова, их общая тональность нейтральная, хотя есть несколько исключений.

Об А.П. Буниной Руссов пишет: «... по превосходству своих творений имеет право занять первое место меж-

Болховитинову.

¹ См. об этом [1, с. 214].

ду российскими писательницами и паче стихотворицами» [8, с. 8]. Отметим, что это первое упоминание Буниной в кодифицирующих изданиях. В каталоге перечислены все сборники её стихотворений 1809–1812 гг. и упомянуто, что она публиковалась в журналах, однако собрание стихотворений в трёх частях (СПб, 1819–1821) не приведено.

Ещё одна писательница, чьё творчество Руссов выделяет, Мария Пospelова, «равные успехи оказала как в стихах, так и в прозе» [8, с. 36]. Впрочем, здесь Руссов ссылается на статью о ней в «Отечественных записках»².

При всех своих очевидных недостатках (отсутствие внятной методологии, небрежность в составлении, опечатки) книга очень полезна тем, что фиксирует некоторый срез времени. Примечательно, что спустя тридцать лет работу Руссова по составлению библиографии русских писательниц продолжил Н.Н. Голицын, в 1889 г. выпустив свой «Библиографический словарь», который содержал уже 1286 имён.

Каталог Руссова стал первой манифестацией интереса, наметившегося к истории женской литературы. Спустя всего четыре года на страницах «Дамского журнала» начала публиковаться серия статей М.Н. Макарова о русских писательницах³.

Приложение. Алфавитный указатель имён писательниц, включенных в «Библиографический каталог ...» Руссова⁴

Алфимова А.Е.; Анна Ярославовна; Алексеева; Антонова Татьяна;

² Отечественные записки, 1824, № 46–48.

³ По истории женской литературы см. [3; 11; 12].

⁴ Написание имён приводится в соответствии с источником.

Базилевичева Марья; Баскакова Елизавета; Бекетова К.; Болотникова; Бородина; Бровина Катерина; Броницкая; Бунина Анна Петровна;

Васильева Мария; Вельяшева-Волынцева Анна Ивановна; Вельяшева-Волынцева Пелагея; Винтербергерова; Воейкова Катерина; Волкова Анна Алексеевна; Волконская Е.П.; Волконская княгиня Зинаида Александровна;

Гладкова Мария; Готовцева Анна; Даргомыская Наталья; Дашкова К.Р.; Деламар (урожд Валериан); Демидова Елизавета; Державина К.Я.; Дерibas Настасья Ивановна;

Екатерина II; Елена Ивановна;

Жохова;

Заборовская Елизавета; Зелинецкая Елизавета Григорьевна; Зубова Мария Войновна;

Иваненкова И.; Извекова Марья;

Каменская Александра; Карамзина А.В.; Караулова Варвара; Келхнер Анна; Княжнина К.А.; Короставцевы Любовь и Людмила; Криденер баронесса; Кричевская Любовь; Кричевская; Ксения Ивановна (мать Михаила Федоровича); Кусовниковы девицы;

Луц; Лихарева Е.;

Марфа Борецкая; Меньшикова Катерина; Мещерская С.С.; Москвины девицы; Мурзина Александра;

Наумова Анна; Нилова М.;

Обтеперанцева; Озерецковская Анна Николаевна; Ольга княгиня; Орлова Марья;

Палицына; Петряева; Плещеева Настасья; Подшивалова А.; Поспелова Марья; Пучкова Катерина Наумовна;

Ржевская Александра Федоровна; Рикорд Людмила;

Свистунова Марья; Скульская; Софья Алексеевна; Сушкова Марья;

Титова Елизавета; Титова Наталья Ивановна; Толстая Прасковья Михайловна; Турчанинова Анна;

Уманова К.; Урусова Катерина Сергеевна; Урусова Анна Сергеевна;

Фрейтаг;

Харитоновна Авдотья; Хвостова Александра Петровна; Хераскова Елизавета Васильевна; Храповицкая Марья Васильевна;

Черноцкая;

Шуберт Фредерика Луиза; Шумлянская Глафира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грот Я.К. Переписка Евгения с Державиным. С приложением писем преосвященного к графу Хвостову и К.К. Гирсу // Сборник статей, читанных в отделении русского языка и словесности императорской академии наук. СПб: Типография Императорской академии наук, 1868. Т. 5. Вып. 1. С. 65–216.
2. Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб.: Типография Академии Наук, 1772. 264 с.
3. Николайчук Д.Г. Женская поэзия на страницах альманаха Н.М. Карамзина «Аониды» // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 67–76.
4. Плутарх для прекрасного пола, или Галерея знаменитых россиянок. М.: Университетская типография, 1819. Ч. 5. 138 с.
5. Плутарх для прекрасного пола, или Галерея знаменитых россиянок. М.: Университетская типография, 1819. Ч. 6. 185 с.

6. Пуряева Н.Н. Писательницы в первом словаре русских писателей Н.И. Новикова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016, № 3. С. 107–117.
7. Пуряева Н.Н. Писательницы в «Словаре русских светских писателей» митрополита Евгения (Болховитинова) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016, № 4, с. 131–145.
8. Смирнов А.В. Руссов, Степан Васильевич // Русский биографический словарь. Петроград: типография Акционерного Общества «Кадима», 1918. Т. 17. С. 627–633.
9. Руссов С.В. Библиографический каталог российским писательницам. СПб: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1826. 46 с.
10. Руссов С.В. О супруге французского короля Генриха I // Сын отечества. 1824, ч. 97, № 46, стр. 241–257; ч. 98, № 47, с. 3–24.
11. Hutton M. Remarkable Russian Women in Pictures, Prose and Poetry. Lincoln, Nebraska. 2013. 329 p.
12. Women's History in Russia: (Re)Establishing the Field. Edited by Marianna Muravyeva and Natalia Novikova. Cambridge Scholars Publishing. 2014. 253 p.

REFERENCES

1. Grot Ya.K. [Correspondence with Eugene Derzhavin. With letters to the count Khvostov, and K. Ghirs]. In: *Sbornik statei, chitannykh v otdelenii russkogo yazyka i slovesnosti imperatorskoi akademii nauk* [Collection of articles read in the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1868, vol. 5, no. 1, pp. 65–216.
2. Novikov N.I. *Opyt istoricheskogo slovaryia o rossiiskikh pisatelyakh* [Experience of historical dictionary of Russian writers]. St. Petersburg, printing house of the Academy of Sciences, 1772. 264 p.
3. Nikolaichuk D.G. [Female poetry in the pages of the almanac by N. Karamzin “Aonidy”]. In: *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistsika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism], 2014, vol. 14, no. 4, pp. 67–76.
4. *Plutarkh dlya prekrasnago pola, ili Gallereya znamenitykh rossiyanok* [Plutarch for the fine gender or Gallery of famous Russian women]. Moscow, University printing office, 1819. Part 5, 138 p.
5. *Plutarkh dlya prekrasnago pola, ili Gallereya znamenitykh rossiyanok* [Plutarch for the fine gender or Gallery of famous Russian women]. Moscow, University printing office, 1819. Part 6, 185 p.
6. Puryaeva N.N. [Female writers in the first dictionary of Russian writers by N. Novikov]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2016, no. 3, pp. 107–117.
7. Puryaeva N.N. [Female writers in the “Dictionary of Russian secular writers” by Metropolitan Eugene (Bolkhovitinov)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2016, no. 4, pp. 131–145.
8. Smirnov A.V. [Russov, Stepan]. In: *Russkii biograficheskii slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Petrograd, printing house of Joint Stock Company “Kadima”, 1918. Vol. 17, pp. 627–633.

9. Russov S.V. *Bibliograficheskii katalog rossiiskim pisatel'nitsam* [Bibliographic catalogue of the Russian female writers]. St. Petersburg, The printing house of the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs, 1826. 46 p.
10. Russov S.V. [On the wife of French king Henry I.] In: *Syn otechestva* [Son of the Fatherland], 1824, Vol. 97, no. 46, pp. 241–257; Vol. 98, no. 47, pp. 3–24.
11. Hutton M. *Remarkable Russian Women in Pictures, Prose and Poetry*. Lincoln, Nebraska. 2013, 329 p.
12. Muravuyeva M., Novikova N., ed. *Women's History in Russia: (Re)Establishing the Field*. Cambridge Scholars Publishing, 2014. 253 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пуряева Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: nadia_np@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda N. Puryaeva – PhD in Philological sciences, associate professor at the Department of the Russian Language for Foreign Students of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: nadia_np@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пуряева Н.Н. «Библиографический каталог российским писательницам» С.В. Руссова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 146–152
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-146-152

FOR CITATION

Puryaeva N.N. Bibliographic catalogue of Russian female writers by S. Russov. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 146–152
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-146-152

УДК 821.111

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-153-161

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ ПУСТЫНИ В РОМАНАХ А. КАРТЕР

Семенец А.В.*Литературный институт имени А.М. Горького**123104, г. Москва, ул. Тверской бульвар, д. 25, Российская Федерация*

Аннотация. В статье предпринята попытка всестороннего анализа образа пустыни в творчестве А. Картер. Для рассмотрения были выбраны романы «Ночи в цирке» и «Страсть новой Евы», в которых наиболее ярко представлен данный образ. В процессе работы учитывались теории экокритики, позволяющие по-новому посмотреть на значение пустыни как феномена в природе, так и её символику в литературном произведении, философские интерпретации функционирования художественных образов пустынных земель и литературоведческие наблюдения исследователей творчества А. Картер по данному вопросу. Проведённый анализ позволил прийти к выводу, что английская писательница использует пейзаж прежде всего для отображения внутреннего состояния героев произведения. Пустыня же, предполагающая некую пустоту, низводит личности персонажей до состояния “tabula rasa”. Таким образом, данный ландшафт становится катализатором духовных поисков и трансформаций главных героев.

Ключевые слова: художественный образ, пейзаж, символизм, идентичность, экокритика, пустыня, А. Картер.

THE INTERPRETATIVE POTENTIAL OF THE SPATIAL IMAGES OF DESERT IN A. CARTER'S NOVELS

A. Semenets*Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing,**25, Tverskoy Boulevard, Moscow, 123104, Russian Federation*

Abstract. The article made an attempt to comprehensively analyze the image of the desert in A. Carter's works. “Nights at the Circus” and “The Passion of New Eve” were chosen for the analysis as the novels in which this image is represented the most vividly. The work considers the theories of ecocriticism that give us an opportunity to take a fresh look at the meaning of desert as a phenomenon in nature and its symbolism in literature, philosophical interpretations of the literary images of desert lands and literary observations of the researchers of A. Carter's creativity on this issue. The analysis led to the conclusion that the English writer, first of all, uses the landscape to picture the mental state of the heroes of her work. The desert, assuming certain emptiness, reduces the personality of the characters to the position of “tabula rasa”. So this landscape becomes a catalyst of spiritual searches and transformations of the main characters.

Key words: literary image, landscape, symbolism, identity, ecocriticism, desert, A. Carter.

Образ пустыни как в русской, так и в зарубежной литературе постепенно становится всё более универсальным, распространяясь как метафора бесплодия, пустоты и заброшенности. Внимание писателей достаточно часто фиксируется на данном природном феномене, наделяя его настолько ёмким символическим значением, что позволяет ему проникнуть даже в названия художественных произведений (Т. Элиот «Бесплодная земля», Д. Буццати «Татарская пустыня», Ж.М. Леклезио «Пустыня», М. Рид «Жилище в пустыне»). Х. Шейхзаде в своей книге, предлагающей обзор литературы о пустыне, указывает, что данная природная зона представляет интерес не только для науки, но и для искусства. Особенно в художественных произведениях данный образ получил наиболее широкую трактовку [11, с. 1–2]. Литературоведческий интерес к данной проблематике также не ослабевает, потому что бесплодная территория всегда таит в себе загадку, имеет некое inferнальное начало. Так, исследовательница Н. Г. Федосеенко указывает, что «лексема “пустыня” ... прежде всего, это географическая пустыня, с песком и зноем, связанная либо с одиночеством человека, либо с его испытанием. В семантике слова заложена “пустота” “дотварного” мира, чистота» [4, с. 206]. Анализируя особенности репрезентации данного образа в литературе, Т.Г. Никитина отмечает, что «религиозно-философский потенциал пустыни способствовал концептуализации данного понятия» [2, с. 134].

Известная английская писательница А. Картер в своём творчестве воссоздаёт атмосферу пустыни как пространства, наделённого опреде-

лённой спецификой, подчёркивая её символичность. Наиболее ярко данный образ представлен в таких романах как «Страсть новой Евы» (*The Passion of New Eve*, 1977) об опыте гендерной трансформации Эвелина в Еву и «Ночи в цирке» (*Nights at the Circus*, 1984), рассказывающем о жизни воздушной гимнастки. Стоит отметить, что в первом случае пустыня представлена в своём классическом варианте как жаркая песчаная местность, во втором случае топографическая привязка данной территории отходит на задний план. В романе «Ночи в цирке» воссоздаётся заснеженная уединённая местность, которую А. Картер определяет следующим образом: «За окном проплывает невообразимая, всеми забытая бескрайняя пустыня» [1, с. 320]. В данном случае акцент делается скорее на том, что данное пространство – «место испытания человека, трудное для жизни» [4, с. 206].

Концептуальная поэтизация сочетается с долей мифологизации при описании пустынных земель в произведениях А. Картер. Так, рассмотрение и интерпретация данного образа с акцентом на бесплодность свойственна роману «Страсть новой Евы». Главный герой характеризует её таким образом: «Я добрался до пустыни, воплощения созданной стерильности» [7, с. 41], «океан песка с отбеленными скалами, безжизненная часть мира» [7, с. 38]. Данный ландшафт становится для Эвелина символом нулевой точки, одновременно безжизненной, но и способной в процессе замирания хранить прошлое и будущее как некий единый временной континуум, намекая на возможность перерождения.

Данное пространство дарует шанс протагонисту романа избавиться от своего прошлого негативного опыта и старой личности, которая успела превратиться в структурированный набор стереотипов и социальных ролей, сценариев, сдерживающих индивидуальное психологическое развитие и притупляющих эмоциональную сферу. Топос пустыни Эвелин рассматривает как нечто волшебное, способное как погубить, так и даровать спасение. Так, исследовательница Э. Филимон, которая занималась изучением разного рода гетеротопий в романах А. Картер, рассматривала безжизненную территорию как символ пустоты, пространство памяти, загадочную и неоднозначную по своим возможностям природную зону [9, с. 105].

В романе «Ночи в цирке» главная героиня Феверс, ещё находясь в поезде, разглядывая пейзажи за окном, впечатлена бесконечными белыми покровами, за которыми ничего не разобрать: «Всё укрыто снегом, белым, как новые простыни» [1, с. 320]. Девушка также обращает внимание на опустошённость этих земель и в конечном итоге определяет снежное царство как «центр того, что называется “нигде”» [1, с. 322].

В романе «Страсть новой Евы» главный герой решает отправиться в пустыню после того, как его отношения с новой знакомой Лейлой терпят крах. Испытывая угрызения совести за своё безответственное поведение, повлекшее бесплодие девушки, Эвелин стремится найти такое место, которое бы соответствовало его внутреннему состоянию. Героиня романа «Ночи в цирке» – воздушная гимнастка Феверс попадает на землю, скованную льдами,

в результате крушения поезда, следовавшего по бескрайним просторам Сибири. Таким образом, путешествие в пустыню – это побег не только от цивилизации, но и от себя. Эвелин его совершает добровольно, словно налагая на себя наказание. Феверс же вынужденно терпит изоляцию, что также представляется неким испытанием.

Образ пустыни в литературе часто был связан с духовными переживаниями, с внутренним миром героев. Данный пейзаж становится символичным в воображении Эвелина как лагуна очищения. Главный герой осознаёт: «Мне нужен свежий воздух и чистота, я отправился бы в пустыню. Там изначальный свет, не тронутый человеческим взглядом, очистит меня» [7, с. 38]. Данное понимание бесплодной части мира некоторым образом близко экокритике, в которой отведено значимое место изучению таких ландшафтов. Так, одной из книг, которые наиболее детально анализируют стратегии репрезентации концепта «безжизненных земель» в художественной литературе является «Век ранней экокритики» Д. Мазеля. Исследователь относит экокритику к области литературоведения, где художественное произведение изучается с позиции крайней важности окружающей среды и природы. Также автор указывает, что сам термин впервые был введён в употребление Уильямом Рукертом в 1978 г., но зарождалось данное направление на протяжении как минимум двадцати лет [10, с. 1].

Исследователь останавливается и на отдельных художественных произведениях, в которых ключевым становится эконравленность и отмечается яркая художественная образность при описании природы. Учёный не обхо-

дит стороной и пейзажи пустыни, он заключает, что стремление человека оказаться в данной природной зоне – один из способов отказа индивида от социализации и общения для того, чтобы посвятить себя духовному совершенству, понимая под данными территориями нетронутый, «изначальный мир», который способствует внутреннему росту [10, с. 176–177].

В данном ракурсе также интересна позиция Эдварда Эбби – известного американского писателя и философа, который стал яркой фигурой в природоохранном движении. В одной из самых популярных своих книг «Отшельник пустыни» автор рассматривает данную территорию как некую область, где личность может в наиболее полной мере раскрыть свои качества, не будучи связанной социальными установками. Индивид, таким образом, не ограниченный социальным договором, может обрести истинную свободу и тем самым познать и раскрыть свою истинную сущность. Так, замечает Э. Эбби: «Предельная яркость света в пустыне тождественна крайней индивидуальности её жизненных форм» [5, с. 29]. Обобщая, нужно отметить, что концепции представителей экокритики для понимания символической наполненности разного рода ландшафтов в творчестве А. Картер достаточно важны, потому как они указывают на отдельные значимые аспекты репрезентативных стратегий при описании природы в художественном произведении.

Попадая в пустыню, Эвелин находится в состоянии меланхолической экзистенциальной амбивалентности и не понимает, что именно данная местность станет свидетелем его пере-

рождения – местом, где его биологический пол и гендерная идентичность будут изменены. Вследствие этого ему придётся смириться с новой моделью реализации своей психологической сущности, не обращая внимания на предубеждения и социальные конструкции. Данное перевоплощение перенесёт героя в новый мир, разрушив сложившуюся в его сознании матрицу патриархального доминирования.

Эвелин рассматривает путешествие среди песков как возможность очищения от старого посредством исследования безжизненных просторов. Также главный герой надеется обрести здесь гармонию. Это территория одиночества и созерцания, которая притягивает людей, находящихся в поиске себя. Символическое значение пустыни подпитывается и религией. Так, как экокритик П. Барри отмечает, данное пространство ассоциируется с местом откровения: «Моисей восходит на гору, чтобы получить заповеди, Христос отправляется в пустыню, чтобы молиться» [6, с. 257]. Для Эвелины же пустыня становится эпицентром его перерождения. Хотя главный герой убегает в неё, чтобы очистить свои мысли, данная местность полностью изменит его, став символом утраченной и вновь обретенной идентичности.

Пустыня предстаёт как фантастическая земля чудес, порождающая химер и галлюцинаторные образы, которые материализуются и обретают в ней силу. Такое понимание особенностей данной территории согласуется и с концепциями П. Барри, который полагает, что первую ступень окружающей среды, являющейся связующим звеном природы и культуры представляют собой «пустыни, океаны, необитаемые

острова» [6, с. 255]. Действительно, в романе «Ночи в цирке» показательным является то, с каким трепетом относился местный народ к любому проявлению жизни сказочной пустоты: «пустыня, выглядящая листом белой бумаги для непосвящённого, всю жизнь прошедшего в городе глаза, была для них энциклопедией, к которой они прибегали ежедневно по любому поводу, до мелочей изучая ландшафт, словно инструкцию к универсальному знанию, подобному “внутреннему исследованию”» [1, с. 408].

Когда Эвелин почувствовал силу бесплодных земель, он смог выразить свои переживания так: «Я безнадежно потерялся посреди пустыни, без карты, гида или компаса. Пейзаж разворачивался вокруг меня, как старый веер, утративший весь свой разукрашенный шёлк и состоящий лишь из голых, пожелтевших палок слоновой кости» [7, с. 41]. Движение Эвелина к центру пустынной местности становилось изнуряющим, оно осложнялось и появлением галлюцинаций. Так, образ пустыни связан с воскрешением мифов, с обретением реальности иллюзорными образами. В романе «Ночи в цирке» именно на просторах снежной местности появляется шаман, создающий свой мир: «это мир, сон, пригрезившаяся идея или сформированное убеждение простиралось как вверх, в небеса, так и вниз, к самому сердцу земли, глубинам озёр и рек со всеми их обитателями» [1, с. 409].

Кажется целесообразным также уделить внимание одному из аспектов романа «Страсть новой Евы» – его алхимическому элементу, дающему возможность проиллюстрировать идею трансформации, возрождения и об-

новления, которая была реализована на фоне пространств с суровыми климатическими условиями. Атмосфера пустыни со своим засушливым климатом и высоким температурным режимом расходует психическую энергию главного героя, тем самым окуная его в бессознательные переживания. Жёлтый песок и жаркая погода дают понять, что на этих землях власть принадлежит Солнцу, которое является важнейшим алхимическим символом. «Металлопланетная символика, халдейско-вавилонско-античное происхождение которой несомненно, заимствуется всё же из Книги Бытия. Золото – Солнце, серебро – Луна. ... Солнце и Луна выступают в двух ролях: сера и ртуть как алхимические представители Аристотелевых начал, золото и серебро – предельные состояния совершенствования металлов» [3, с. 78].

Эвелин испытывает на себе влияние Солнца – жара, яркий свет, песок. В алхимии существует гипотеза, что даже неодушевлённая вещь таит в себе семя золота, и каждая песчинка обладает духовной природой. Данная наука не предполагает создание чего-либо из ничего, она лишь стремится напитать семена золота и взрастить их. Также и дух Эвелина, попав под власть Солнца, начинает свою трансформацию.

Пустыня становится также укромным местом, в котором творятся непонятные вещи – эксперименты по созданию нового человека. Данная территория вовлечена в сферу женского, в ней Эвелин чувствует себя неуверенно, неспособный проявить какую-либо психическую мобильность, он изначально не готов к познанию. Таким образом, пустыня становится одновременно и некой пространствен-

ной метафорой, отрицающей фаллоцентризм. Как только Эвелин покидает город и отправляется на незнакомую ему территорию, его сила, подпитываемая патриархальными установками, ослабевает. Именно здесь главного героя захватывают в плен воинственные женщины, которые приводят его в матриархальный мир Бьюлы. Таким образом, пустыня хоть и находится вне локуса гендерных отношений, изначально становится ближе к структуре женской идентичности.

Можно предположить, что атмосфера пустынной территории играет некую роль в попытках А. Картер деконструировать социально-половые роли, функционирующие в обществе. Пустыня воплощает недостаточность витальной энергии, бесплодие, некий переход от жизни к небытию. Здесь же происходит одно из ключевых событий в романе «Страсть новой Евы» – изменение биологического пола главного героя и начало его гендерной трансформации.

Так, сумасшедшие опыты, проводимые Матерью-жрицей по созданию идеальной женщины в романе скрываются от чужих глаз и требуют уединения, которое может предоставить только безжизненная природная зона. Однако всё же эксперименты предводительницы женщин заканчиваются фиаско, потому как пустыня не может в данном случае стать плодородным началом, какие бы технологические характеристики она ни приобрела. В романе «Ночи в цирке» данная территория используется также как отдалённая местность, сокрытая от посторонних взглядов, на которой могут происходить странные вещи, также включающие разного рода экспери-

менты. Так, некая графиня П. создаёт на снежных просторах необычное исправительное учреждение для женщин, которое функционирует строго по установленным ею правилам.

Изменение главных героев романа «Ночи в цирке» можно проследить на протяжении всего произведения, однако при переносе места действия в пустыню оно достигает своей кульминации: Феверс, лишённая возможности поддерживать свой привычный внешний образ при помощи косметических средств и повредившая крыло, начинает задумываться о будущем, а Уолсер, который потерял память, смотрит на мир как ребёнок.

Именно в пустыне, которую можно считать отображением внутреннего мира героев художественного произведения, действующие лица романа попадают в некую нулевую точку, их личность становится *tabula rasa*. Это также соотносимо и с героем романа «Страсть новой Евы» Эвелином, который не в состоянии разобраться в себе. Нужно отметить, что, по мнению исследовательницы Х. Йеандл, «доктрина “белого листа” была особенно важна в “Страсти новой Евы”, где гендерное конструирование Евы/Эвелина изображалось в соответствии с концепцией Д. Локка о “чистом листе”, которая также подпитывала непринятие А. Картер врождённой, эссенциалистской теории пола» [12, с. 100]. Однако хотелось бы подчеркнуть, что утрата главными героями романов старого мировосприятия таит в себе и возможность самоусовершенствования.

Заснеженные земли в романе «Ночи в цирке», словно обратная сторона песчаных ландшафтов из «Страсти новой Евы», предстают некой территорией

безвременья. Феверс сразу же настраивается против ледяных просторов, совершенно не видя возможности в них ужиться. Нужно отметить, что для воздушной гимнастки нахождение в данной местности – особое испытание: пребывая на территории, население которой весьма скудное, звезда цирка теряет привычный контакт со зрителями, которые частично и формировали её внешний образ и личность. Исследователь С. Димовиц по этому поводу замечает, что романы «Страсть новой Евы» и «Ночи в цирке» объединяет идея деконструкции женской идентичности под давлением патриархальных устоев [8, с. 137].

Также пустыня становится ещё и камерой пыток не только физических, но и психологических. Именно здесь Эвелин, который становится Евой, задумывается о своей сущности, примеряет на себя новые гендерные роли. В романе «Ночи в цирке» именно в снежной местности главные герои постепенно меняются, перестраивая свою личность: Феверс – посредством необычной обстановки без удобств и нового романтического чувства, а для Уолсера пустынная территория – это место, где он переживает свой личностный упадок, который впоследствии даёт ему возможность сформировать взрослую устойчивую личность.

Можно заключить, что А. Картер мастерски обыгрывает образ пустыни в своих романах, давая возможность рассматривать его во многих ракурсах и находить всё новые интерпретации. Топос пустыни становится исходной точкой, попадая в которую главные герои начинают свой путь самопознания и самоопределения. Таким образом, данная территория, создающая

в произведении определённую атмосферу и настроение, становится сложным символом. Автор использует её образ не только как некую метафору, но и, апеллируя к способности данной территории истощать человека и оживлять в его сознании галлюцинационные образы, наделяет её свойством портала, открывающего возможность перехода из материального мира в мир фантазии. Так, писатель может поставить под сомнение реальность событий, происходящих в дальнейшем с главными героями. Кроме того, изображая данную местность достаточно уединённой и малонаселенной, писательница, с одной стороны, даёт своим героям, попавшим сюда, большую свободу для духовных поисков, с другой стороны, переносит пустыню в сферу волшебного безвременья. Здесь могут появляться экстраординарные персонажи и происходить самые странные события.

В произведениях А. Картер акцент ставится на взаимосвязи природы с внутренним, духовным миром героев. Такое понимание данной проблемы характерно и для теоретиков экокритики. Можно предположить, что пустыня в романах английской писательницы представляет собой зеркальное отражение психологического состояния главных героев, будучи некой пустотой, она даёт возможность им самим стать *tabula rasa*, как это происходит с Эвелином и Джеком Уолсером. Так, данная территория хоть и показана как враждебная сила, сложное и многомерное пространство, но всё же, создавая условия для испытаний, она также даёт возможность каждому герою пройти их с достоинством и обрести своё истинное «Я».

ЛИТЕРАТУРА

1. Картер А. Ночи в цирке. СПб.: Амфора, 2004. 479 с.
2. Никитина Т.Г. Концепты «сад» и «пустыня» в романах Фрэнка Герберта серии «Дюна» // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2017. №3 (41). С. 134–140.
3. Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М.: Наука, 1979. 391 с.
4. Федосеенко Н.Г. Семантика пустыни в русской литературе эпохи романтизма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. Вып. 2. Ч. 2. С. 206–214.
5. Abbey E. *Desert Solitaire*. Tucson: University of Arizona Press, 1988. 255 p.
6. Barry P. *Beginning Theory: An Introduction to Literary and Cultural Theory*. Manchester: Manchester University Press, 2002. 290 p.
7. Carter A. *The Passion of New Eve*. London: Virago, 1982. 192 p.
8. Dimovitz S.A. *Angela Carter: Surrealist, Psychologist, Moral Pornographer*. London and New York: Routledge, 2016. 212 p.
9. Filimon E.C. *Heterotopia in Angela Carter's Fiction: Worlds in Collision*. Hamburg: Anchor Academic Publishing, 2014. 332 p.
10. Mazel D.A. *Century of Early Ecocriticism*. Athens and London: University of Georgia Press, 2001. 370 p.
11. Sheikhzadeh H. *A Short Way to Literature of the Desert: Poetry, Travelogue, Novel*. Pandeypur, Varanasi Publisher: Goyal Prakashan, 2017. 85 p.
12. Yeandle H. *Angela Carter and Western Philosophy*. London: Palgrave Macmillan, 2017. 215 p.

REFERENCES

1. Carter A. *Nochi v cirke* [Nights at the Circus]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2004. 479 p.
2. Nikitina T.G. [Concepts “garden” and “desert” in “Dune” serial novels by Frank Herbert]. In: *Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector of Science. Togliatti State University], 2017, no. 3(41), pp. 134–140.
3. Rabinovich V. L. *Alhimija kak fenomen srednevekovoj kul'tury* [The alchemy as a phenomenon of medieval culture]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 391 p.
4. Fedoseenko N.G. [Semantics of desert in the Russian literature of romanticism epoch]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 9. Philology, Asian Studies, Journalism], 2009, no. 2, iss .2, pp. 206–214.
5. Abbey E. *Desert Solitaire*. Tucson, University of Arizona Press, 1988. 255 p.
6. Barry P. *Beginning Theory: An Introduction to Literary and Cultural Theory*. Manchester, Manchester University Press, 2002. 290 p.
7. Carter A. *The Passion of New Eve*. London, Virago, 1982. 192 p.
8. Dimovitz S.A. *Angela Carter: Surrealist, Psychologist, Moral Pornographer*. London and New York, Routledge, 2016. 212 p.
9. Filimon E.C. *Heterotopia in Angela Carter's Fiction: Worlds in Collision*. Hamburg, Anchor Academic Publishing, 2014. 332 p.
10. Mazel D. *A Century of Early Ecocriticism*. Athens and London, University of Georgia Press, 2001. 370 p.
11. Sheikhzadeh H. *A Short Way to Literature of the Desert: Poetry, Travelogue, Novel*. Pandeypur, Varanasi Publisher, Goyal Prakashan, 2017. 85 p.
12. Yeandle H. *Angela Carter and Western Philosophy*. London, Palgrave Macmillan, 2017. 215 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенец Антонина Валерьевна – аспирант кафедры зарубежной литературы Литературного института имени А.М. Горького;
e-mail: tonjjas@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Antonina V. Semenets – postgraduate student at the Department of Foreign Literature, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing;
e-mail: tonjjas@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Семенец А.В. Интерпретационный потенциал пространственных образов пустыни в романах А. Картер // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 153–161
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-153-161

FOR CITATION

Semenets A.V. The interpretative potential of the spatial images of desert in A. Carter's novels. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 153–161
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-153-161

УДК 821.161.1(091)

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-162-173

СТАНОВЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО ЛЕРМОНТОВЕДЕНИЯ

Тан Дини*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119234, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, Российская федерация*

Аннотация. Статья посвящена процессу становления московской школы лермонтоведения. В ней рассматривается период 1840 – середины 1914 гг. Автор выдвигает тезис о том, что научное лермонтоведение зародилось в Московском университете в разборах романа «Герой нашего времени» и сборника «Стихотворения. Сочинения М. Лермонтова» профессором С.П. Шевырёвым и последовательно развивалось профессорами Н.С. Тихонравовым, В.О. Ключевским, П.Н. Сакулиным и Н.Л. Бродским. Автор отмечает факт, указывающий на традиции и преемственность в становлении московской школы лермонтоведения, который состоит в том, что каждый последующий учёный во время обучения в университете был учеником предыдущего. Названное обстоятельство позволяет проследить эволюцию взглядов на творчество Лермонтова в трёх перспективах: как выражение позиции конкретного учёного, как отражение исследовательского опыта в рамках научной школы и как углубление науки о Лермонтове в целом. Взгляды учёных московской школы рассматриваются по следующим параметрам: национальный характер лермонтовского творчества, его место в русской литературе, образ Печорина, народность.

Ключевые слова: Лермонтов, лермонтоведение, московская школа, С.П. Шевырёв, Н.С. Тихонравов, В.О. Ключевский, П.Н. Сакулин, Н.Л. Бродский.

FORMATION OF LERMONTOV STUDIES IN MOSCOW

Tang Dingyi*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the process of formation of so-called Moscow School of Lermontov Studies. The author seeks to trace the process from 1840 to the middle of 1914. The author argues that this scientific school originated within Moscow University starting with professor S. Shevyrev's analyses of the novel "A Hero of Our Time" and the book "Poems by M. Lermontov". This work was continued by professors N. Tikhonravov, V. Klyuchevsky, P. Sakulin and N. Brodsky. The author pays attention to the fact that each of the mentioned scholars was a student of his predecessor when studying literature at the University, which indicates the integrity of traditions and helps to follow the evolution in estimates that the legacy of Lermontov experienced. The latter can be viewed from three perspectives: as an expression of a position of a certain scholar, as the reflection of the views within the scientific school, and as the development of Lermontov studies in general. The views of the scholars are analyzed in the following areas: the national character of Lermontov's writings, his place in Russian literature, the image of Pechorin, national idea.

© CC BY Тан Дини, 2018.

Key words: Lermontov, Lermontov studies, Moscow school, S. Shevyrev, N. Tikhonravov, V. Klyuchevsky, P. Sakulin, N. Brodsky.

Известно, что первые журнальные отклики на произведения Лермонтова появились в 1838–39 гг. в журнале «Московский наблюдатель»¹. Авторство рецензий принадлежит В.Г. Белинскому, поэтому можно говорить о первенстве критика как родоначальника лермонтоведения в широком смысле этого понятия. Заметим, что, помимо рецензий Белинского, в 1839 г. появлялись ещё публикации о Лермонтове (короткие оценки стихотворений Лермонтова даются в следующих работах [16; 18; 19; 21; 22]). Однако, несмотря на огромное значение первоначальных заметок, мы должны констатировать, что речь в данном случае идёт о процессе, который мы называем литературной критикой. Собственно, научное изучение творчества Лермонтова

начинается под влиянием двух групп факторов: серьёзность, глубина, системность подхода к изучаемому материалу² и научная среда, в которой формировались концептуальные взгляды исследователей³. Задача настоящей статьи выделить основные вехи и имена в процессе становления московской школы лермонтоведения, занявшего, по нашему мнению, период с 1840-х – по середину 1910-х гг.

Что касается учёных Московского университета, научная деятельность которых определила развитие лермонтоведения как науки, в первую очередь мы должны назвать пять имён, представивших известную преемственность и этапность отмеченного выше процесса. Прежде всего, это профессор историко-филологического отделения в 1837–1857 гг. Степан Петрович Шевырёв, профессор русской словесности в 1870–1889 гг. Николай Саввич Тихонравов, профессор русской истории в 1883–1911 гг. Василий Осипович Ключевский, профессор русского языка и словесности в 1917–1930 гг. Петр Николаевич Сакулин и профессор кафедры истории русской литературы в 1926–1951 гг. Николай Леонтьевич Бродский. Показательно, что каждый последующий учёный был учеником предыдущего. Так, Тихонравов, учившийся в Московском универ-

¹ Московский наблюдатель – влиятельнейший историко-литературный журнал, издававшийся в Москве в 1835–1839 гг. Белинский начал сотрудничать с журналом с 1838 г. и сделался его неофициальным редактором.

В статье, посвящённой творчеству Бернета, Белинский упомянул поэму Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», дал ей высокую оценку и предрёк будущую роль поэта в русской литературе: «Мы прочли прекрасное стихотворение “Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова”, не знаем имени автора этой песни, которую можно назвать поэмою, в роде поэм Кириши Данилова, но если это первый опыт молодого поэта, то не боимся попасть в лживые предсказатели, сказавши, что наша литература приобретает сильное и самобытное дарование». См.: Белинский В.Г. Елена, поэма г. Бернета // Московский наблюдатель. 1838. Ч. 16. № 4. Кн. 2. С. 621–632.

В 1839 г. Белинский дважды отозвался о произведениях Лермонтова. Критик не только приветствовал поэта-Лермонтова, но и увидел в нём прозаический талант (см. [2; 3]).

² Основанием для указанного подхода явились роман «Герой нашего времени» и сборник стихотворений Лермонтова, поскольку благодаря тем изданиям появились их тщательные отдельные разборы (см. [4; 5; 7–9; 15; 28–30].)

³ Журавлёва считает, что этой средой был московский университет, выработавший для всей русской культуры XIX в. общий взгляд на мир [12].

ситете в 1850–1853 гг., посещал лекции Шевырева по русской словесности. А.С. Архангельский отмечает, что из всех профессоров будущий академик отмечал более всего занятия Буслаева и Шевырёва [1, с. 296]. Позже Сакулин в статье «В поисках научной методологии» охарактеризовал Шевырёва как националистического сентименталиста, Буслаева – как учёного-романтика, Тихонравова вместе с Пыпиным и Александром Веселовским – как представителя *научного реализма* [24; 25]. Время учёбы Сакулина пришлось на 1887–1891 гг., т. е. на последние годы работы Тихонравова в Московском университете. Как представитель культурно-исторической школы, Сакулин считается учеником и последователем Тихонравова.

Указывая на биографические и творческие сближения выше названных учёных-профессоров Московского университета – Шевырёва, Тихонравова, Сакулина, – мы не утверждаем совпадение или единство их взглядов, а стремимся показать, как эволюционировало московское лермонтоведение с момента зарождения по первую половину 1910-х гг.

Рассмотрим взгляды Шевырёва, Тихонравова, Сакулина по следующим параметрам: самобытность творчества Лермонтова, оригинальность дарования, полнота охвата русской жизни, субъективное начало в творчестве Лермонтова и отношение к общественной жизни, художественное мастерство Лермонтова, характеристика личности Лермонтова. Общее во взглядах Шевырёва, Тихонравова, Сакулина прежде всего проявилось в том, что они, безусловно, признавали западноевропейскую литературу в качестве

источника поэтики Лермонтова. Однако их суждения эволюционировали с течением литературного времени. Так, основные акценты в оценках Шевырева ставились на вопросах национальной самобытности и протеизма поэзии Лермонтова. Отметим категоричное и едва ли не безальтернативное высказывание Шевырёва, что Лермонтов – поэт не русской лиры [см.: 29, с. 540]. Второй вопрос – протеизма – касался не столько национального характера поэзии Лермонтова, сколько оригинальности и неподражаемости его таланта. Называя Лермонтова «стихотворцем-протеем», Шевырёв объяснял свой термин так: «Когда вы внимательно прислушиваетесь к звукам той новой лиры, которая подала нам повод к такому рассуждению, вам слышатся попеременно звуки то Жуковского, то Пушкина, то Кирши Данилова, то Бенедиктова; примечается не только в звуках, но и во всём форма их созданий; иногда мелькают обороты Баратынского, Дениса Давыдова; иногда видна манера поэтов иностранных – и сквозь всё это постороннее влияние трудно нам доискаться того, что, собственно, принадлежит новому поэту и где предстаёт он самим собою. Вот что выше назвали мы протеем» [29, с. 527]. Вместе с тем, Шевырёв отдавал должное поэзии Лермонтова, высоко оценивая «прекрасную» поэму Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», в которой, Лермонтов «так глубоко выразил чувство нашей древней семейной чести в лице купца Калашникова и иронию власти – историческую черту в характере Ивана Грозного, свидетельствуемую всеми его сочинениями.

Тут верный зародыш будущей Русской простотой ... Тут залог и того, что Лермонтов способен был усваивать себе все сокровища нашего русского языка, устного и письменного, и претворить бы их со временем в свою поэтическую собственность» [30, с. 503].

Тихонравов, соглашаясь с очевидным влиянием европейской поэзии на Лермонтова, в своей статье-некрологе «С.П. Шевырëв» делает попытку проследить истоки эстетических принципов Лермонтова и пишет в этой связи о рецепции Шевырëвым эстетики Л.И. Тика, В.Г. Вакенродера (а вслед за ним, конечно, должен был быть упомянут Лермонтов, учившийся в Московском благородном пансионе на 10 лет позже) и о воздействии на последующие поколения учащихся пансиона поэтической деятельности кружка Жуковского. Отголоском взглядов, составивших центр концепции о божественном источнике поэзии как сакрального творческого акта, мы полагаем ранний юношеский опыт Лермонтова (1828 г. «Поэт»), передавший дух отмеченного влияния:

*Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал,
Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!
Он скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И утомленный и немой
Он забывал огонь небесный.*

*Таков поэт: чуть мысль блеснёт,
Как он пером своим прольёт
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поёт, забывшись в райском сне,*

*Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Всё тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатления.*

В дополнение к сказанному приведём фрагмент из перевода Шевырëвым (совместно с Титовым и Мельгуновым) книги Тика и Ваккеродера: «(в Рафаэле) возсияло чудным светом пред сынами мира / Горнее, небесное искусство» [10, с. 197].

Позже, в юбилейной статье 1891 г. «Лермонтов в Москве»¹, Тихонравов характеризует период начала творческого роста Лермонтова как взаимодействие европейских литературных тенденций с их рецепцией просвещённой университетской аудитории. Учёный описывает время формирования поэтики Лермонтова так: «В преподавании Университетского пансиона преобладало литературное направление. Воспитанников знакомили с Клопштоком, Алфиери, с драматическими произведениями Гёте и Шиллера, с Оссианом. Влияние шиллеровских драм (“Разбойники”, “Коварство и любовь”) сильно сказалось на юношеской трагедии Лермонтова, он переводил из Шиллера несколько мелких произведений. В пансионе написано Лермонтовым стихотворение “Могила Оссиана”: оно напоминает поэту родину его предков, Шотландию.

¹ В 1891 г. по поводу 50-летия со дня кончины Лермонтова Тихонравов на собрании Общества Любителей Российской Словесности прочёл доклад «Лермонтов в Москве», который не был напечатан при жизни автора, и сохранился лишь кусочек, собранный в сочинениях Тихонравова 1898 г.

*Летит к ней дух мой усыпленный
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять.*

Университетский пансион ввёл Лермонтова в общение с великими творениями европейской поэзии; влияние Пушкина стало ослабевать» [27, с. 218].

Таким образом, суждения Тихонравова о Лермонтове, их историко-литературные охват и глубина, объективность ценны для нас тем, что они показывают эволюцию, которую претерпевала наука о Лермонтове, учитывая, что с момента написания текста доклада до первых пансионатских шагов поэта прошло чуть более 60 лет, то есть достаточно времени, чтобы многие сведения уточнились. В заключение суждений о национальном характере феномена Лермонтова приведём слова Тихонравова: «К Москве Лермонтов привязался всею силою своей *русской души* и сохранил эту любовь до могилы» (курсив мой. – Т. Д.) [27, с. 217].

Среди всех работ Сакулина о Лермонтове особо выделим статью «Земля и небо в поэзии Лермонтова». В ней, в контексте обсуждения национального характера творчества Лермонтова, для нас важно следующее высказывание: «Его творческую фантазию на первых же порах населяют байронические образы ... Для нас безразлично, откуда зашли к нему эти образы, от Пушкина, от Байрона или ещё откуда-нибудь. Он слился в ними. Они стали его собственными созданиями» [23, с. 22–23]. Примечательно, что Сакулин сводит все европейские влияния на Лермонтова к Байрону, тем самым как бы

утверждая их относительную незначительность, ставя их в один ряд с воздействием Пушкина, т. е. отвлекается от вопроса «национальности» поэзии Лермонтова. Главное в высказывании Сакулина – самобытность поэтики и её роль и место в нашем читательском восприятии («Он слился в ними. Они стали его собственными созданиями»). Таким образом, ко времени столетнего юбилея Лермонтова (статья Сакулина открыла юбилейный сборник 1914 г.) вопросы о национальном характере поэзии Лермонтова, о её самобытности и оригинальности более не составляли проблемы, и в этом заслуга как всего XIX века, так и московских учёных – Шевырёва, Тихонравова, Ключевского, Сакулина, Бродского и др.

Следующая важнейшая, если не сказать ключевая заслуга Лермонтова, – это вклад, сделанный им в развитие русской поэзии, другими словами, то, что принесла его поэзия, образовало новое течение по сравнению с пушкинским периодом. Наиболее остро этот вопрос вставал в 1840–1850-е гг. Так, Шевырёв после первого разбора лермонтовских текстов (1841 г.) не раз возвращался к теме оригинальности Лермонтова как художника.

Придерживаясь взгляда, что в творчестве Лермонтова «не образовался оригинальный и решительный характер» [см.: 29, с. 525], Шевырёв не признал нового поэтического направления Лермонтова. Говоря о том, сделали ли Лермонтов шаг вперёд в сравнении с прежней поэзией, Шевырёв пишет: «... в стихотворениях г. Лермонтова мы слышим отзвуки уже знакомых нам лир – и читаем их как будто воспоминания русской поэзии последнего двадцатилетия ... или это протезизм

есть личное свойство самого поэта?» [29, с. 535].

В рецензии на стихотворение Лермонтова «Валерик» Шевырёв предполагал, что «Со временем, когда изгладятся воспоминания современников, можно будет под этими стихами подписать имя Пушкина 1820-х годов, и никто не отгадает», поскольку «отсюда не можем отгадать, какое новое направление принял бы талант Лермонтова» [31, с. 181]. В той же статье Шевырёв резко отверг суждения о том, что в поэзии Лермонтова существует новая тенденция, отличающаяся от пушкинской традиции, заявляя: «поэзия Русская в лице Лермонтова не сделала ни шагу вперёд против Пушкина» [31, с. 182].

С одной стороны, неприятие Шевырёвым нового поэтического течения у Лермонтова было вызвано тем, что критик не увидел в молодом поэте художественной зрелости, самобытности. С другой стороны, Шевырёв ценил связь, которой Пушкин объединяет все его предыдущие и новые поколения, и прозрел в этой связи «основу всего будущего развития нашей Словесности». Кто хотел бы рвать эту связь, тот стал бы «врагом прекрасного и Поэзии отечественной» [31, с. 182]. Очевидно, Шевырёв выбрал для русской словесности пушкинский, а не лермонтовский путь развития. Чуть позже Шевырёв указал, что дальнейшее развитие Лермонтова, судьба которого неожиданно прервалась, «как поэта Русского, зависит от того, как бы повторился над ним тот процесс развития, который так естественно совершился в Пушкине. Есть одно стихотворение у Лермонтова, которое служит нам верной порукой в том, что

это сделалось бы впоследствии» [30, с. 503]. Шевырёв здесь имеет в виду «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

Вместе с тем, отметим, что время признания Лермонтова приходило: например, в 1862 г. Ап. Григорьев написал статью «Лермонтов и его направление». Само название статьи указывает на то, что говорить о направлении Лермонтова уже было возможно и нужно. А, спустя примерно полтора века, А.И. Журавлёва, исследуя литературное время 1830–1840-х гг., подвела своего рода итог: «Если никто не прокламировал задачу “московской школы” так открыто и настойчиво, как Шевырёв, то едва ли кто решил эту задачу так убедительно, как Лермонтов» [11, с. 57–58].

Большое место в исследованиях московских учёных занимал вопрос о субъективном начале в творчестве Лермонтова и объективной, а значит, и его общественной проекции.

Примечательно, что Шевырёв весьма рано обратил внимание на вопрос субъективного начала в творчестве Лермонтова. По мнению Шевырёва, «в некоторых стихотворениях обнаруживается какая-то особенная личность поэта, не столько в поэтической форме выражения, сколько в образе мыслей и чувствах, данных ему жизнью» [29, с. 536]. Учёный высоко оценил те стихотворения, в которых, например, передаются личные переживания, «чувства религиозные» (две «Молитвы»), «чувства дружбы» («Памяти А.И. Одоевского») и т. д. Однако вместе с тем Шевырёв резко отрицательно отзывался о стихах, которые «обдают сердце каким-то холодом» («И скучно

и грустно», «Дума»). Шевырёв считает, что такие произведения Лермонтова, как «Дума» и «И скучно и грустно», являются «мгновенными плодами какой-то мрачной хандры», они нарушают «гармонию чувства, совершенно против миру прекрасного» [29, с. 537–538]. Шевырёв утверждал, что роль субъективности в творчестве Лермонтова неоднозначна. Она трогает душу читателей и вызывает в ней отклик. Лермонтов, по Шевырёву, как бы виноват в том, что он нередко выражает в своей поэзии то, что не должно выражаться, поэтому с таким пристрастным подходом Шевырёв не мог трезво оценить субъективное начало и «дисгармонию» в творчестве Лермонтова. Видимо, над ним довлело недопонимание той особенности внутреннего мира Лермонтова, которая стала основанием субъективного начала его поэзии, которую отметил Тихонравов, процитировав лермонтовский стих 1828 г.:

Я рождён с душою пылкой.

Сакулин признавал сближение Пушкина и Лермонтова в области поэзии, однако вместе с тем особо подчеркнул различие в психологии поэтов. Говоря о Лермонтове, он заявил, что «это уже совсем другой психологический тип, чем Пушкин» [25, с. 154].

Лермонтов, по мнению учёного, отличается от Пушкина «могучей и мятежной натурой». В отличие от пушкинской поэзии, для которой характерна «гармония», в поэзии Лермонтова выражается всё его «тревожное настроение», его «дисгармония жизни» [см.: 25, с. 154–161]. Осознавая значительную роль субъективного начала в творчестве Лермонтова, Сакулин полагал: «Лермонтов, лирик по преимуществу, стремится объективи-

ровать своё настроение, хочет создать тип интеллигента того времени» [25, с. 160]. Тем самым Сакулин говорит, что Лермонтова мучают те же вопросы, что и его современников, т. е. в его произведениях отражается дух времени. Настроение Лермонтова – это рефлексия интеллигенции. Сакулин отмечал: «Лермонтов был поэтом интеллигентской рефлексии, выразителем нравственных мук, какие переживала русская интеллигенция 1830-х годов» [25, с. 159]. Этот тезис позже развил Сакулин в статье «Земля и небо в поэзии Лермонтова» (в книге «Венок Лермонтову») при исследовании отношения поэта к земле.

Надо заметить, что в том же «Венке Лермонтову» 1914 г. московский лермонтовед, будущий профессор Московского университета Н.Л. Бродский опубликовал статью «Поэтическая исповедь русского интеллигента 30–40-х годов», отметив этой публикацией и крепнущее понимание общественного значения творчества Лермонтова и продолжение традиций лермонтоведов Московского университета¹.

Объективность творчества Лермонтова, его общественная, социальная составляющая, безусловно, связаны с проблемой охвата в его произведениях русской действительности. Наиболее эффективным представляется обращение к роману «Герой нашего времени», самому представительному в этом отношении произведению, тем более, что романы «Вадим» и «Княгиня Лиговская» не только остались не-

¹ Н.Л. Бродский в годы учёбы в Московском университете слушал лекции П.Н. Сакулина и В.О. Ключевского, бывших учеников Тихонравова. См.: [14].

завершёнными, но и были неизвестны в течение большей части XIX в.

Первоначальная, впрочем, как и последующая критика, а вслед за ней и анализ романа сосредоточивались на двух сферах: образ главного героя Печорина и русская жизнь во всём многообразии её проявлений. Другими словами, всё: герои, отношения, быт, нравы и т. д. – рассматривалось в применении к уже названным главным вопросам. Шевырёв замечал в Печорине, в основном, две стороны его образа: «Печорин, за исключением одной его апатии, которая была только началом его нравственной болезни, принадлежит миру мечтательному, производимому в нас ложным отражением Запада» [28, с. 537]. Последнее замечание вполне органично Шевырёву, если учесть его погружение в западную литературу и широкие знания о ней, однако названное обстоятельство отражалось и на некоторых неоправданных сближениях разных литератур, и на неточных суждениях. С другой стороны, говоря об апатии Печорина, Шевырёв называет её «нравственной болезнью», т. е. не выделяет её (болезни) национальные корни, так что о *русскости* образа Печорина в статье «Герой нашего времени. Сочинения М. Лермонтова» речь не идёт. Напротив, «Печорин не имеет в себе ничего существенного, относительно к чисто Русской жизни, которая из своего прошлого не могла извергнуть такого характера. Печорин есть один только призрак, отброшенный на нас западом, тень его недуга...» [28, с. 536]. Всё в романе принесено Печорину в жертву, и это существенный недостаток произведения. Зато, обращаясь к собственно русскому в романе, Шевырёв отталки-

вается, прежде всего, от персонажа, парного Печорину, – Максима Максимыча, давая ему высочайшую оценку: «Вот тип характера, в котором отзывается наша древняя Русь!»¹. Важны также слова о «коренном Русском быте», свидетельствующие о том, что Шевырёв видел в образе Максима Максимыча не только отражение, но и находил изображение русского быта. Заметим, что оценки романа Шевырёвым соответствовали духу времени, если можно так выразиться, его историко-культурной, интеллектуальной компетенции. Вспомним в этой связи отзыв Николая I после прочтения романа Лермонтова: «Я дочитал “Героя” до конца и нахожу вторую часть отвратительной, вполне достойной быть в моде. Это то же самое преувеличенное изображение презренных характеров, которое имеется в нынешних иностранных романах. Такие романы портят характер. Ибо хотя такую вещь читают с досадой, но всё-таки она оставляет тягостное впечатление, потому что в конце концов привыкаешь думать, что весь мир состоит из подобных людей...» [32, с. 424].

В.О. Ключевский на исходе XIX в. в статье «Грусть» писал, что «личное чувство поэта (Лермонтова) ... отвечает настроению народа ... становится явлением народной жизни, историческим фактом ... Это русское настроение, не восточное, не азиатское, а национальное русское ... поэзия Лермонтова служит формулой русского религиозного настроения: *да будет воля Твоя*. Никакой христианский народ своим бытом, всею своею историей не прочувствовал

¹ К этому утверждению надо относиться как к авторитетному, поскольку Шевырёв занимался древнерусской литературой.

этого стиха так глубоко, как русский, и ни один русский поэт доселе не был так способен глубоко проникнуться этим народным чувством и дать ему художественное выражение, как Лермонтов» [13, с. 17–18].

Развитие линии Печорин – русская действительность в рамках традиции московского лермонтоведения особенных изменений в XIX – начале XX вв. не претерпело. Так, Сакулин в статье «Земля и небо в поэзии Лермонтова» («Венок Лермонтову») пишет: «Лицо русской жизни Лермонтов видит теперь во всём разнообразии её подлинных красок и тонов; он хорошо различает её действительные контуры, и его наблюдения претворяются в типические образы. Теперь он в состоянии трезво и критически разобратся в “героях нашего времени”; рядом с Печориным он ясно разобрал фигуру Грушницкого, заметил скромного Максима Максимыча» [23, с. 51].

Как видно, инерция взглядов Шевырёва 1840-х гг. сохраняется, по-прежнему это касается оценки образов Печорина и Максима Максимыча, однако утверждение о знании и изображении народной жизни звучит твёрже и яснее: образ Максима Максимыча показывает, что «Лермонтов сумел бы, понять и народную душу, сумел бы изобразить убогий быт нашего крестьянина» [25, с. 160].

Заметим, что в юбилейном сборнике «Венок Лермонтову» (собственно московском) число статей, посвящённых охвату русской жизни Лермонтовым, ширится и достигает по меньшей мере половины (см. [6; 17; 23; 26]), из них две (П.Н. Сакулин «Земля и небо в поэзии Лермонтова» и С.В. Шувалова «Религия Лермонтова») направлены на изучение перспективной проблемы лермонтоведения – духовности творчества Лермонтова [20], что свидетельствует об укреплении традиций московского лермонтоведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский А.С. Николай Саввич Тихонравов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Типография Акционерного Общества «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон. 1901. Т. XXXIII. С. 295–298.
2. Белинский В.Г. [Рецензия] // Московский наблюдатель. 1839. Ч. 1. № 2. Отд. 5. С. 31–59.
3. Белинский В.Г. Русские журналы // Московский наблюдатель. 1839. Ч. 2. № 4. Отд. 4. С. 100–138.
4. Белинский В.Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова (две части) // Отечественные записки. 1840. Т. X. № 6. отд. V. С. 27–54; Т. XI. № 7. отд. V. С. 1–38.
5. Белинский В.Г. Стихотворения М. Лермонтова // Отечественные записки. 1841. Т. XIV. № 2. Отд. V. С. 35–80.
6. Бродский Н.Л. Поэтическая исповедь русского интеллигента 30–40-х годов // Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Изд. т-ва «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 56–110.
7. Булгарин Ф.В. [Рецензия] // Северная пчела. 1840. 30 окт. № 246. С. 981–983.
8. Бурачок С.О. [Рецензия] // Маяк. 1840. Ч. 4. гл. 4. С. 210–219; ч. 5. гл. 4. С. 1–22.
9. Бурачок С.О. [Стихотворения М. Лермонтова]: Письмо к автору // Маяк. 1840. Ч. 12. гл. 4. С. 149–171.
10. Ваккенродер В.Г. Об искусстве и художниках: Размышления отшельника, любителя изящного / пер. с нем., с послесловием и примеч. П.Н. Сакулина. М.: К.Ф. Некрасов. 1914. 308 с.

11. Журавлёва А.И. «Московская поэтическая школа» и проблема альтернативных путей в литературе // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2000. № 6. С. 53–58.
12. Журавлёва А.И. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М.: Прогресс-Традиция. 2002. 285 с.
13. Ключевский В.О. Грусть // Русская мысль. 1891. № 7. С. 1–18.
14. Крестова Л. Николай Леонтьевич Бродский // И.С. Тургенев: Новые материалы и исследования / АН СССР. Институт мировой литературы имени А.М. Горького. Ред. А.Н. Дубовиков, И.С. Зильберштейн. М.: Наука, 1967. Т. 76. С. 735–744.
15. Межевич В.С. [Рецензия] // Северная пчела. 1840. 16 дек. № 284. С. 1134–1135; 17 дек. № 285. С. 1138–1140.
16. Мельгунов Н. Журнальные выдержки. Ст. 2 // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1839. 13 мая. № 19. С. 414–416.
17. Мендельсон Н.М. Народные мотивы в поэзии Лермонтова // Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Изд. т-ва «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 165–195.
18. Менцов Ф.Н. Обзорение русских газет и журналов за первые три месяца 1839 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. Ч. 23, отд. 6. С. 76–77.
19. Менцов Ф.Н. Обзорение русских журналов и газет за третье трёхмесячие 1839 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. Ч. 24, отд. 11. С. 179–181.
20. Москвин Г.В. К вопросу духовности творчества М.Ю. Лермонтова: Обзор критики 1840–1914 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 2. С. 78–88.
21. Надеждин Н.И. Русская литература в 1838 году // Отечественные записки 1839. № 1. отд. 7. С. 1–60.
22. Полевой Н.А. Летопись русских журналов за 1839 год // Сын Отечества. 1839. Т. VII. № 1. Отд. IV. С. 38–51; № 2. Отд. IV. С. 84–100.
23. Саккулин П.Н. Земля и небо в поэзии Лермонтова // Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Изд. т-ва «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 1–55.
24. Саккулин П.Н. В поисках научной методологии // Голос минувшего. 1919. № 1–4. С. 25.
25. Саккулин П.Н. Русская литература после Пушкина. М.: типо-литография И.Х. Кавыкина, 1912. Часть I. 194 с.
26. Соловьёв И.М. Поэзия одинокой души // Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Изд. т-ва «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 111–134.
27. Тихонравов Н.С. Лермонтов в Москве (отрывок) // Тихонравов Н.С. Сочинение. М.: М. и С. Сабашниковы. 1898. Т. 3. ч. 2. С. 217–218.
28. Шевырёв С.П. «Герой нашего времени. Соч. М. Лермонтова» // Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 2. С. 515–538.
29. Шевырёв С.П. Стихотворения М. Лермонтова // Москвитянин. 1841. Ч. I. № 4. С. 525–540.
30. Шевырёв С.П. [Рецензия] // Москвитянин. 1843. № 6. С. 501–533.
31. Шевырёв С.П. Критический перечень русской литературы 1843 года // Москвитянин. 1843. № 3. С. 175–194.
32. Эйхенбаум Б.М. Николай I о Лермонтове // О прозе: Сборник статей / сост. и подгот. текста И. Ямпольского. Л.: Художественная литература, 1969. С. 423–426.

REFERENCES

1. Arkhangel'skii A.S. [Nikolai Tikhonravov]. In: *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* [Encyclopedic dictionary Brockhaus and Efron]. St. Petersburg, Printing house of the Joint-Stock Company "Publishing", Brockhaus-Efron. 1901. Vol. XXXIII. pp. 295–298.
2. Belinskii V.G. [Review]. In: *Moskovskii nablyudatel'* [The Moscow Observer], 1839, iss. 1, no. 2, dep. 5, pp. 31–59.
3. Belinskii V.G. [Russian magazines]. In: *Moskovskii nablyudatel'* [The Moscow Observer], 1839, iss. 1, no. 4, dep. 4, pp. 100–138.
4. Belinskii V.G. [A hero of our time. Essay by M. Lermontov (two parts)]. In: *Otechestvennye zapiski*. [Domestic notes], 1840, vol. 10, no. 6, dep. V, pp. 27–54; .vol. XI, no. 7, dep. V, pp. 1–38.
5. Belinskii V.G. [M. Lermontov's poems]. In: *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 1841, vol. XIV, no. 2, dep. V, pp. 35–80.
6. Brodskii N.L. [A poetic confession of a Russian intellectual in 30-40s]. In: *Venok M.Yu. Lermontovu: Yubileinyi sbornik*. [A wreath for M. Lermontov: Anniversary Collection.]. Moscow, Petrograd, Editorial office "V.V. Dumnov, the heirs of br. Salayev", 1914. pp. 56–110.
7. Bulgarin F.V. [Review]. In: *Severnaya pchela* [Northern Bee], 1840. 30 oct., no. 246, pp. 981–983.
8. Burachok S.O. [Review]: In: *Mayak* [Mayak], 1840, Part 4, chapter 4, pp. 210–219; Part 5, chapter 4, pp. 1–22.
9. Burachok S.O. [M. Lermontov's poems: Letter to the author]. In: *Mayak* [Lighthouse], 1840, Part 12, Chapter 4, pp. 149–171.
10. Vakkenroder V.G. *Ob iskusstve i khudozhnikakh: Razmyshleniya otshel'nika, lyubitelya izyashchnogo* [On art and artists: Reflections of a hermit, a lover of fine]. Moscow, K.F. Nekrasov Poetry, 1914. 308 p.
11. Zhuravleva A.I. ["Moscow poetic school" and the problem of alternative ways in the literature]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology], 2000, no. 6, pp. 53–58.
12. Zhuravleva A.I. *Lermontov v russkoi literature. Problemy poetiki* [Lermontov in epy Russian literature. Problems of poetics]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2002. 285 p.
13. Klyuchevskii V.O. [Sadness]. In: *Russkaya mysl'* [Russian thought], 1891, no. 7, pp. 1–18.
14. Krestova L. [Nikolai Brodsky]. In: *I.S. Turgenev: Novye materialy i issledovaniya* [I. Turgenev: New materials and research]. Moscow, Nauka Publ., vol. 76, pp. 735–744.
15. Mezhevich V.S. [Review]. In: *Severnaya pchela* [Severnaya Pchela], 1840. 16 dec., no. 284, pp. 1134–1135; 17 dec., no. 285, pp. 1138–1140.
16. Mel'gunov N. [Journal extracts. Art. 2]. In: *Literaturnye pribavleniya k "Russkomu invalidu"* [Literary additions to the "Russian invalid"], 1839. 13 may, no. 19, pp. 414–416.
17. Mendel'son N.M. [Folk motifs in the poetry of Lermontov]. In: *Venok M.Yu. Lermontovu: Yubileinyi sbornik* [A wreath of M. Lermontov: Commemorative collection]. Moscow, Petrograd, Editorial office "V.V. Dumnov, the heirs of br. Salayev", 1914. pp. 165–195.
18. Mentsov F.N. [Review of Russian Newspapers and magazines in the first three months of 1839]. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of national education], 1839, iss. 23, dep. 6, pp. 76–77.
19. Mentsov F.N. [Review of Russian magazines and newspapers for the third three-month period of 1839]. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of national education], 1839, iss. 24, dep. 11, pp. 179–181.
20. Moskvina G.V. [On Lermontov's spirituality: overview of literary criticism of 1840–1914]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Russkaya filologiya"* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2016, no. 2, pp. 78–88.
21. Nadezhdin N.I. [Russian literature in 1838]. In: *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 1839, no. 1, dep. 7, pp. 1–60.

22. Polevoi N.A. [Chronicle of the Russian journals for 1839]. In: *Syn Otechestva* [Son of the fatherland], 1839. Vol. VII, no. 1, dep. IV, pp. 38–51; no. 2, dep. IV, pp. 84–100.
23. Sakkulin P.N. [Earth and sky in the poetry of Lermontov]. In: *Venok M.Yu. Lermontovu: Yubileinyi sbornik*. [A wreath of M. Lermontov: Commemorative collection]. Moscow, Petrograd, Editorial office “V. Dumnov, the heirs of br. Salayev”, 1914. pp. 155.
24. Sakkulin P.N. [In search of scientific methodology]. In: *Golos minuvshego* [The voice of the past], 1919, no. 1–4, pp. 25.
25. Sakkulin P.N. *Russkaya literatura posle Pushkina* [Russian literature after Pushkin]. Moscow: tipo-lithography of I.H. Calycina, 1912. Part I, 194p.
26. Solov'ev I.M. [Poetry of a lonely soul]. In: *Venok M.Yu. Lermontovu: Yubileinyi sbornik*. [A wreath of M. Lermontov: Commemorative collection]. Moscow, Petrograd, Editorial office “V. Dumnov, the heirs of br. Salayev”, 1914. pp. 111–134.
27. Tikhonravov N.S. [Lermontov in Moscow (excerpt)]. In: *Sochinenie* [Essay], Moscow, M. and S. Sabashnikov Publ., 1898, vol. 3, pp. 217–218.
28. Shevyrev S.P. [“A hero of our time. Works of M. Lermontov”]. In: *Moskvityanin* [Moskvityanin], 1841, Part 1, no. 2, pp. 515–538.
29. Shevyrev S.P. [M. Lermontov's poems]. In: *Moskvityanin* [Moskvityanin], 1841, Part II, no. 4, pp. 525–540.
30. Shevyrev S.P. [Review]. In: *Moskvityanin* [Moskvityanin], 1843, no. 6, pp. 501–533.
31. Shevyrev S.P. [Critical list of Russian literature in 1843]. In: *Moskvityanin* [Moskvityanin], 1843, no. 3, pp. 175–194.
32. Eikhensbaum B.M. [Nicholas the First on Lermontov]. In: *O proze: Sbornik statei*. [On prose: Collection of articles]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1969. pp. 423–426.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тан Дини – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: ginnetang@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tang Dingyi – postgraduate student at the Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: ginnetang@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тан Дини. Становление московского лермонтоведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 162–173
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-162-173

FOR CITATION

Tang Dingyi. Formation of Moscow school of Lermontov studies. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 162–173
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-162-173

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 81'373.7

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-174-176

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ ФРАЗЕОЛОГИИ В XXI ВЕКЕ» (ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Л.Н. ТОЛСТОГО, ТУЛА, 17–19 МАЯ 2018 Г.)

Ю.В. Архангельская

*Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого
300026, г. Тула, проспект Ленина, д. 125, Российская Федерация*

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “MULTI-PARADIGMAL CONTEXTS OF PHRASEOLOGY IN 21ST CENTURY” (TULA STATE LEV TOLSTOY PEDAGOGICAL UNIVERSITY, TULA, MAY 17–19, 2018)

Ju.V. Arkhangelskaya

*Tolstoy Tula State Pedagogical University
125, Lenin ave., Tula, 300026, Russian Federation*

17–19 мая 2018 г. в Тульском государственном педагогическом университете имени Л.Н. Толстого состоялась международная научная конференция «Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке». Мероприятие было организовано с целью определения особенностей и векторов развития фразеологии в условиях полипарадигмальности, обсуждения комплекса вопросов, связанных с задачами, предметом, методами, метаязыком изучения фразеологизмов на основе интеграции с разнообразными лингвистическими направлениями.

Конференция проводилась при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (научный проект № 18-012-20022 Г). Руководитель проекта – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка Г.В. Токарев. Перед началом конференции был издан одноимённый сборник трудов её участников.

Проведение конференции «Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке» было обусловлено необходимостью актуализации в условиях развития современной лингвистики отечественного и мирового опыта анализа фразеологиз-

мов как наиболее трудных для интерпретации и научного осмысления языковых знаков; разработки новых подходов к их исследованию; возможностью обсуждения новых, перспективных направлений в этой области лингвистического знания, основанных на лучших традициях отечественной и мировой науки.

В задачи конференции входило устранение лакун, имеющих в современной фразеологии и связанных с такими фундаментальными аспектами, как определение места фразеологии в современной лингвистике, углубление понятия фразеологического состава национальных языков, их системности и взаимодействия с родственными и неродственными языками; расширение знаний о семантической и грамматической типологии, парадигмальных свойствах фразеологических единиц как особых знаках языка; аккумулирование взглядов фразеологов по ключевым проблемам теории фразеологии, функционирования фразеологизмов в современных дискурсах, взаимодействия их с другими языковыми знаками; способствование обмену мнениями по ключевым вопросам, связанным с методами исследования фразеологических объектов; объединение усилий учёных-фразеологов в реализации новых подходов к изучению фразеологических единиц и осмыслению их в категориях смежных гуманитарных дисциплин, таких как философия, культурология, психология, социология; обсуждение и апробация новых направлений исследования фразеологизмов (в частности, когнитивно-импретационного, лингвокультурологического); расширение базы для подготовки фундаментальных работ в области фразеологии.

Кроме того, в задачи конференции входило привлечение внимания к научному потенциалу Тульского региона, поскольку конференция проводилась в ТГПУ имени Л.Н. Толстого – одном из центров исследования фразеологии, начиная с 60-х гг. XX в., когда заведующим кафедрой русского языка в данном вузе стал один из патриархов отечественной фразеологии В.Л. Архангельский – основатель тульской фразеологической школы. Продолжил его дело в Туле ученик В.Л. Архангельского известный фразеолог В.Т. Бондаренко. В настоящее время фразеологические конференции в ТГПУ имени Л. Н. Толстого проводятся регулярно.

О высоком статусе конференции говорят некоторые статистические данные. В конференции участвовали исследователи из самых разных регионов России (из Астрахани, Белгорода, Брянска, Волгограда, Ельца, Иванова, Ижевска, Казани, Костромы, Москвы, Нижнего Новгорода, Орла, Пензы, Пскова, Санкт-Петербурга, Саранска, Симферополя, Старого Оскола, Тулы, Челябинска), а также из стран Ближнего и Дальнего Зарубежья, в числе которых Болгария, Германия, Индонезия, Китай, Польша, Словакия, Таджикистан, Украина. Более половины участников – доктора филологических наук, профессора; три четверти – оспенённые специалисты. Как положительную черту конференции следует отметить участие в ней и молодых, начинающих исследователей – аспирантов, магистрантов, студентов.

Тематически все доклады, представленные на конференции, можно разделить на шесть направлений: фразеология и грамматика; фразеология и когнитивно-семантическая парадигма; фразеология и когнитивно-дис-

курсивная парадигма; фразеология и лингвокультурологическая парадигма; фразеология и фразеография; фразеология и лингводидактическая парадигма.

Особое внимание участников конференции привлекли следующие доклады, представленные на пленарном заседании: «Систематизация концентра в “Полном фразеологическом словаре русских народных говоров”» (В.М. Мокиенко), «Единицы языка и единицы лингвокультуры» (Г.В. Токарева), «Личное имя в русском паремиологическом дискурсе» (М.Л. Ковшовой), «Фразеология в современном лексикографическом пространстве» (В.Д. Черняк).

В рамках конференции было проведено два круглых стола («Современные

методы и приёмы изучения фразеологии», руководители – Г.В. Токарев и М.Л. Ковшова; «Перспективы фразеологии», руководитель – В.М. Мокиенко), на которых выступили ведущие отечественные языковеды, авторы словарей и монографий по проблемам фразеологии. На круглых столах были обсуждены наиболее острые и спорные вопросы фразеологии. Проведение круглых столов, в которых задействованы все участники конференции, способствует созданию научных ориентиров в мире фразеологии для молодых исследователей, что, в свою очередь, положительно влияет на пополнение фразеологических школ молодыми учёными.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Архангельская Юлия Владимировна – старший научный сотрудник Тульского государственного университета имени Л.Н. Толстого
e-mail:

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Julia V. Arkhangelskaya – senior researcher, Tula Tolstoy State Pedagogical University
e-mail:

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Архангельская Ю.В. Международная научная конференция «Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке» (Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого, Тула, 17–19 мая 2018 г.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 174–176

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-174-176

FOR CITATION

Arkhangelskaya Ju.V. International scientific conference “Multi-paradigmatic contexts of phraseology in 21st century” (Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, may 17–19, 2018). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 174–176

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-174-176

УДК 801.6/.83

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-177-188

**«...ЧЬЯ МУЗА ДО КОНЦА ДОБРУ И КРАСОТЕ НЕ ИЗМЕНЯЛА»
(ЮБИЛЕЙ ПРОФЕССОРА Е.Н. КОЛОКОЛЬЦЕВА)****Никитин О.В.***Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация***“...WHOSE MUSE SERVED THE GOOD AND THE BEAUTY TILL THE END?”
(PROFESSOR E. KOLOKOLTSEV'S ANNIVERSARY)****Nikitin O.V.***Moscow State Region University,
10A ulitsa Radio, Moscow 105005, Russian Federation*

*Бессмертен тот, чья муза до конца
Добру и красоте не изменяла,
Кто волновать умел людей сердца
И в них будить стремление к идеалу...*

А.Н. Плещеев

Имя Евгения Николаевича Колокольцева – человека Божьего обаяния, большого и скромного филолога, искусствоведа, философа и методиста, уже стало историей. Он – Учитель поколений отечественных словесников. Чуткий знаток живописи и литературной классики, наш коллега открыл для читателей потаённый мир художественного творчества, высоких духовных идеалов Рафаэля и Рембранта, Андрея Рублёва и Дионисия, Боровиковского и Врубеля, Пушкина и Толстого, Лермонтова и Некрасова, Гумилёва и Брюсова. Кажется, его перу подвластны все интонации и стили «изографов», поэтов и писателей – созидателей и охранителей филологии духа. Эту науку Е.Н. Колокольцев всегда понимает по-своему. Он не стоит в оппо-

© СС ВУ Никитин О.В., 2018.

зиции к существующим методикам и не пытается изобрести модное направление, а просто живёт этим искусством как вдохновенный просветитель и настоящий любомудр, которому для счастья не требуется ни лгать себе, ни тешить себя сказками, ни даже надеяться на везение. Он наделён какой-то глубинной житейской истиной, имеющей божественное происхождение. Но представить его в облике традиционного мудреца – человека преклонного возраста с седыми волосами и бородой, убаюкивающего нудными наставлениями, – нельзя. А всё потому, что Евгений Николаевич совершает свой каждодневный педагогический подвиг очень незаметно, находясь «внутри мыслящих миров» и воспаряя над тленом обыденности со своими выстраданными ценностями. Спокойно, без надрыва и поучений, он вживляет их в души своих учеников, приоткрывает дверцу в намоленную мастерскую филологии, где звучит ладное пение, воздаётся хвала Господу и низко кланяются всем подвижникам словесного искусства, широко крестясь, то и дело поднимая глаза к небу. Там и он ищет истину, которую невозможно проверить – она просто существует, парит в залах Третьяковки или Пушкинского музея, подглядывает за посетителями, направляет их робкие шаги по пути настоящего творчества.

В филологическом искусстве Е.Н. Колокольцева гармонично пребывают и пресловутые «стандарты», и свободолюбивые стихии, и академическая наука. В нём живёт божественное начало почти детской любви к слову как прозрению, будто кто-то свыше движет им, касаясь тонкой линией небесной радуги удивительного дара

Мастера видеть исторические картины русской культуры в классических текстах. Они словно оживают под его талантливым самобытным пером и начинают светиться... А древний «Музеон» из прошлого летописной поступью незаметно переходит в настоящее и здесь творит неведомые чудеса.

Любая книга Е.Н. Колокольцева, особенно учебник, изумляет с первого же взгляда, с начальных строк не только глубоким, продуманным текстом и уважительным отношением к маленькому читателю, но и своей «сценографией» – репродукциями картин, акварелей и живописными сюжетами совсем разных жанров: пейзажа, индивидуального и группового портретов... В его работах представлены эскизы декораций, политический плакат, графика и скульптура. Высокий смысл придаёт автор русской иконе, несущей в символике своих образов Господний лик и земные «фотографии» жизни Богоматери. Е.Н. Колокольцев начинает незабываемое путешествие по «добротворивой» словесности вместе со школьниками с первых веков православной культуры на Руси до полотна второй половины XX в. От славянских духовных мотивов, получивших философский смысл в произведениях русских классиков, до реализма, импрессионизма, модернизма, примитивизма и сюрреализма – таков временной диапазон языка живописи на уроках словесности Е.Н. Колокольцева. Мимо этого созвездия красок невозможно пройти просто так...

Русский язык и словесная культура соединяются в книгах учёного в единый замысел, в идеал, а порой и в эстетический ребус, и в увлекательное задание, которое не тянет за душу – за

него хочется ухватиться обеими руками, впитывать все тайны изобразительных фантазий художников и забыть с таким учебником всё на свете.

Несколько подобных книг Мастера лежало на моём столе, и мне невольно на память пришли дидактические пособия педагогов и гуманистов прошлого. Один из них, великий Я.А. Коменский, в 1658 г. создал первый иллюстрированный учебник «Мир чувственных вещей в картинках». И у нас, на Руси, очарованный словом Иван Фёдоров издаёт «Азбуку» (1574), появляются удивительный по красоте и замыслу «Букварь» (1694) Кариона Истомина, «Краткий российский летописец с родословием» (1760) М.В. Ломоносова, «Родное слово» (1864) К.Д. Ушинского – какие высокие образцы учебной книжности, любви к пытливым умам всезнаек-«пайдес» и увлекательной литературе и истории сотворили наши учителя! Это искусство корнями уходило в эпоху Возрождения, служило надёжным подспорьем в педагогическом ремесле, призывало к свободе мысли и душевного выражения, нежно воспитывало личность своим «зрением»... Шли времена, многое менялось: безжалостно вмешивалась идеология в творчество, возникла и давила нас «коммунистическая нравственность», а затем и вовсе мы чуть было не потерялись в начале 1990-х, забыв о главном предназначении такого труда. Учебник – не конструктор и не «полицейские правила», как писал ещё Ф.И. Буслаев, а живая книга, проникающая в самое сердце человека, вразумляющая его. Она «будит стремление к идеалу ...».

Серия учебников Е.Н. Колокольцева под названием «Развитие речи: Русский язык. Русская словесность.

Литература: произведения изобразительного искусства» для 8–9 (М., 2007) и 10–11 (М., 2005) классов и другие руководства, где пространство и время без расстояний уносят своих читателей к тайнам словесных «аполлонов», и есть «мир чувственных вещей», настоящее искусство художественного слова. Здесь и эпос, и лирика, и драма – одно необъятное море живописи литературы. А её кормчий, Е.Н. Колокольцев, надёжно стоит у руля и правит этим штурвалом уже полвека. Работа рулевого непроста: здесь надо быть и специалистом в навигации, в выборе пути, знать все ветра и течения, глубины и мели – быть Мастером и отвечать за могучий корабль.

Не случайно лейтмотивом одного из учебников стали слова замечательного стихотворения Н.А. Заболоцкого:

*Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано,
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно. <...>*

Перед взором восторженных читателей проплывают подлинные шедевры минувших веков. Икона Божией Матери «Владимирская»... Её незримая сила до сих пор оберегает нас от гибели – врагов поганых, нечисти, духовной скверны и нашествия бесов. Это – первообраз Богоматери. «К Владимирской иконе всегда относились с трепетом и почтением, – пишет Е.Н. Колокольцев, – просили у неё помощи и совета. Её стали называть покровительницей Руси. “Богоматерь Владимирская” является нетленным образцом икон, которые получили название “Умиление” (с греческого – *милолюбивая*). Мать и Христос-младенец,

соприкасаясь щеками, являют всему миру взаимную нежность, трогательную заботу друг о друге». К описанию её небесного образа Евгений Николаевич подошёл с каким-то потаённым откровением, исповедальностью и в то же время с исторической достоверностью: «В несколько условных чертах лица Богоматери безвестный художник передал полную благородства и сдержанности человеческую скорбь Марии, которая провидит будущее Сына – смерть на кресте. Её тёмные продолговатые глаза полны глубокой печали. Ласково смотрит на Деву Марию Сын, словно безмолвно утешает её. В Евангелии о Деве Марии, которая в трагический день смерти Сына была рядом с ним, сказано совсем немного. ... Но икона – это образ Идеи, и зритель вовсе не ищет сходства апокрифического “портрета” с изображением Божией Матери на иконе, где Она предстаёт воплощением одухотворённости и страдания, благородства и святости, кротости и нежности. По глубине художественной выразительности и строгой красоте икона не имеет себе равных».

Затем следуют вопросы и задания ученикам, в которых выражены и чувства самого автора, будто он впервые разгадывает лик и старается проникнуть в скрытый смысл цветописы: «золотой ... обозначал самого Бога, красный, – цвет любви и жизни, белый – символ чистоты и святости, синий – вечного мира, зелёный – надежды и обновления, коричневый – цвет всего временного и тленного, чёрный – зла и смерти». Мастер поясняет: «В иконах краски создавали *говорящий* (курсив наш. – О. Н.) образ». И наконец, просит поразмышлять: «Исполъ-

зуя имена прилагательные, выразительные средства языка, покажите, как колорит помогает раскрыть символику произведения».

Рассказывая далее о канонах в изображении Богоматери: Одигитрия, Оранта, Знамение, – Е.Н. Колокольцев медленно, очень аккуратно, почти с придыханием обращается к своим ученикам: «Вчитайтесь в названия типов икон, воссоздающих образ Богоматери. С какими из них вы встретились впервые? Как в этих названиях передано отношение людей к Деве Марии?».

«Спас Нерукотворный» Симона Ушакова... Легенда и быль... Царь Авагарь и чудесный лик Христа... Слова Е.Н. Колокольцева как бы продолжают вместе с нами рассматривать икону: «Изображая Христа, живописец следовал христианским преданиям, в которых Спаситель предстал человеком величавым, средних лет, с длинными волосами и небольшой бородой. Сохраняя элементы иконописной условности, художник стремился к реалистической трактовке лица: он правильно передаёт строение глаз, заставляет зрителя почувствовать теплоту щёк, мягкость волос изображённого. Лицо Иисуса Христа, согласно канону, выражает страдание и понимание. Его мудрый и печальный взор проникает в самую душу». Евгений Николаевич доносит до своих учеников главное: икона – это язык символов, а значит, высшее искусство.

В удивительных альбомах-учебниках Е.Н. Колокольцева есть немало и других жизненных образов – новых и знакомых нам с детства. Вот он представляет самобытного живописца XIX в. Н.А. Ярошенко, почти с натурализмом изображавшего городской быт:

одиноким бездомным людей («Невский проспект ночью»), духовный разрыв поколений и псевдопафос революционных идей («Студент», «Курсистка»). Психологические портреты художника реалистичны и содержат какую-то чуткость души их автора, готовность служить идеалам и... внутреннюю замкнутость. Это образ-олицетворение целого поколения. Евгений Николаевич описывает самые мелкие детали портрета: волосы студента, цвет сюртука, шляпа... Он передаёт умонастроение молодёжи тех лет, их интеллектуальные порывы и желание противопоставить себя закоснелым порядкам. «Не случайно полотно вызывает литературные ассоциации», – философствует Е.Н. Колокольцев. И тут же спрашивает своих питомцев: «С какими литературными персонажами вы готовы соединить героя полотна и почему?», «К какому типу речи можно отнести помещённый выше текст о художнике Ярошенко и его картинах (описание, повествование, рассуждение, смешанный тип изложения)? Докажите свою точку зрения».

А дальше целая плеяда великих художников, иллюстрировавших роман Л.Н. Толстого «Война и мир». Е.Н. Колокольцев погружает своих учеников в святая святых искусства – рассказывает о том, как оно творится. Мы читаем переписку Льва Николаевича с мастером книжного рисунка М.С. Башиловым: «*Нельзя ли смягчить, убавив карикатурности и прибавив нежности и доброты?*» В другом фрагменте: «*Старый князь очень хорош... Это именно то, что я желал...*» Или такой отклик Л.Н. Толстого: «*Портрет князя Василья – прелесть...*» А заключительная ремарка писателя призывает и новое

поколение ХХI в. войти в сокровенный мир искусства: «*Пересмотрел все рисунки и не мог оторваться от них*».

Плавным переходом в ХХ в., учёный знакомит школьников с кубической манерой живописи – угловатостью, готическими складками, чеканностью линий, статичностью силуэта. Такова Анна Ахматова в изображении художника Н.И. Альтмана – «печальная красавица, казавшаяся скромной отшельницей, наряженной в модное платье светской прелестницы!», – сказал о ней Ю.П. Анненков. «И эта чарующая грусть, – продолжал он в книге «Дневник моих встреч», – делала её лицо особенно красивым. Всякий раз, когда я видел её, слушал её чтение или разговаривал с нею, я не мог оторваться от её лица: глаза, губы, вся её стройность были символами поэзии». Дыхание образа А.А. Ахматовой передаётся и читателям, а Е.Н. Колокольцев снова призывает слушать звукопись её слога: «Сопоставьте стихотворение А. Ахматовой “На шее мелких чётков ряд...” с изображением поэтессы на полотне художника Н. Альтмана. Какие строки стихотворения “оживляют” портрет, наиболее созвучны ему? В чём близко портрету и воспоминаниям о поэтессе стихотворение А.А. Блока “Анне Ахматовой” (1914)? Что добавляет к вашему пониманию портрета слова самой поэтессы: “Как в зеркало глядела я тревожно на серый холст, и с каждой неделей все горше и страннее было сходство моё с моим изображением новым”?»

В другом учебнике снова возникает... таинство, когда Е.Н. Колокольцев рассказывает о картине М.В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею» – живописном образе Сергея Рад-

нежского. Здесь он отрок, совсем ещё ребёнок, ищет пропавших жеребят и встречается под деревом молившегося старца. Тот его благословил и спросил, чего он хочет. «Варфоломей, – пишет далее Е.Н. Колокольцев, – отвечал, что более всего он хотел бы получить разум к учению». Пересказывая известный сюжет «Жития Сергия Радонежского», написанного Епифанием Премудрым, автор книги описывает будущее призвание отрока. И живые картины святого пути проповедника и защитника Земли Русской сразу воскресают из небытия другой жизни: «В пугающей бледности лица и исхудалой фигурке мальчика, погружённого в созерцание, чутко, выразительно передано состояние тихого душевного ожидания, предчувствие неведомого и непостижимого. С просветлённым чувством устремил мальчик свой взгляд на таинственную фигуру монаха с чудесным сиянием вокруг головы. Старец бережно держит в своих руках дароносицу..., которая в картине предвещает будущее преображение отрока. Трепетом внутренней жизни наделён в картине и мир природы. Тонкие полевые стебли, цветы, юные деревца в своём порывистом ритме как бы соединяются с настроением участников события, усиливают их эмоциональную характеристику».

Как замечательно, ясно и высоко – промыслительно – говорит об этом Е.Н. Колокольцев! Сколько в его словах истинности, непритворного видения, ожившей под небесным обликом Христа земной стихии и человеческой души!

Какую бы книгу Е.Н. Колокольцева мы ни взяли, она – живая! Вот перед нами пособие для учащихся

«А.С. Пушкин в портретах и иллюстрациях» (М., 1999). Казалось бы, чего мы не знаем о великом поэте? Чем может нас покорить автор? Сердечным проникновением в душу творца, в «физиологию» его текстов, которые, по мнению Е.Н. Колокольцева, невозможно понять, лишь заучив четверостишие. Их надо увидеть в несбыточно-дальней заре, услышать в лесной пестроте птичьих трелей, почувствовать сверканье белоснежной мечты и в конце концов стать поэтом – осязать «волшебство воздушных пятен» и разрывать власть вещей с «её триадой измерений».

Евгений Николаевич всегда готов помочь погрузиться в художественно-биографическое пространство Пушкина и свято верит, что изобразительное искусство – тот самый фантастический инструмент, который выпускает любого в загадочный мир поэзии неземных струн. Восторги, страсти, муки – всё, что звучит в бессмертных стихах неугасающих лучей русского гения. Оно связывает былые времена, историю с современностью и создаёт эффект «вечно живущего», по В.Г. Белинскому, явления. Особенно ценны портреты Пушкина, выражающие глубокий внутренний мир – «миг чудесный».

Филологически красивы такие вроде бы очевидные и мудрые признания Е.Н. Колокольцева: «В изобразительном искусстве портрет – всегда диалог художника и его модели. Портретист стремится передать на холсте не только индивидуальный облик человека, но и его внутренний мир, его чувства и мысли. В чертах внешнего облика невольно угадывается то, что сокрыто в тайниках души, что заставляет вос-

принимать портрет как характеристику, как биографию».

Перелистывая работы учёного, опубликованные в журнале «Литература в школе» – наверное, единственном сейчас оплоте традиционного просветительства и преданном наставнике учителей-словесников, поражаешься тому, насколько методически точно, просто в своём изяществе, по-научному доступно и филологически безукоризненно написаны его статьи. Они разные: от анализа былины «Вольга и Микула Селянинович» до идеографической поэзии Бродского, но тема Пушкина в них основная. Здесь почтенный автор ищет и находит истоки пейзажной лирики, которая так созвучна миру цветов и звуков, эмоций и очеловеченных движений. Такие стихи, по мнению Е.Н. Колокольцева, призывают к чуткости слова, создают оригинальные образы-картины – грустные, светлые, бодрящие. Их надо уметь, как размышляет учёный, читать «про себя», с паузами разной длительности, наблюдая за звукописью стихотворения. Тогда в тягучих у пушкинской «Зимней дороги» – *загляжусь, круг, докучных, лунный* – мы почувствуем не простой вокализм, случайность, а сознательную настойчивость поэта показать свои душевные переживания – печали и тревоги. Е.Н. Колокольцев очень медленно, тактично следует за «вихрем строф» Пушкина, сочетает в своих наблюдениях определённую закономерность языковых деталей и высокую живописность в изображении родной природы. Она есть гармония духа на земле...

Художественное совершенство Пушкина побуждает Мастера открывать ученикам талант гения с разных

сторон. Исторические «зарисовки» поэта – его подступы к летописи родной страны, погружение в «холм крутой», походы Олега на Царьград – не просто «картинки», а целая эпопея. Е.Н. Колокольцев, разбирая композицию этого произведения, отмечает самые глубокие эпизоды: отношение князя Олега к своему коню, путь героя, разговор с волхвом. Он обращает внимание школьников на эпитет *вещий*, то есть «мудрый», которым называют Олега – защитника Родины. В предсказании кудесника слышится близкая для Пушкина тема неизбежности судьбы. Вспоминаются страницы из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Синтаксис и ритмика поднимают читателей к правде и свободе.

Анализ композиции пушкинской баллады «Песнь о вещем Олеге» сопровождают репродукции картин В.М. Васнецова «Тризна по Олегу», «Боян», воссоздающие былинные сюжеты ратных подвигов русского народа и позволяющие сегодняшним читателям увидеть и почувствовать дух веры и запечатлеть почти документальный эпос. Сила искусства вызывает к патриотизму, гордости за военные удаи князя Олега и воскрешает народные предания. История и вымысел, поэзия и миф сливаются на полотнах художника в единый замысел. Слова великого Пушкина вновь ожили и зазвучали вечными пророчествами кудесников...

Кто не знает хрестоматийного «Я вас любил...»? Но именно Е.Н. Колокольцев задумался над описанием эстетики звуков и рисунков этого стихотворения – «романа сердца», как называл его С.А. Фомичёв в книге «Поэ-

зия Пушкина. Творческая эволюция». Казалось бы, в этом восьмистишии нет ярких изобразительных деталей, но есть нравственная возвышенность и «необыкновенное искусство немногими чертами обозначить весь предмет» (Н.В. Гоголь). «...простота языка, отсутствие тропов, по мысли Е.Н. Колокольцева, компенсируется ... поразительно тонкой ритмико-интонационной, синтаксической и звуковой структурой...» Обращение ко времени, образ-переживание, любовь как символ благоговения – оттенки пушкинских строф говорят о духовном преображении, просветлённости, истинности чувств. Всё стихотворение удивительно гармонично. Это достигается, по мнению Е.Н. Колокольцева, в том числе и рифмующимися словами, которые, несмотря на их «будничность» (выражение Д.Д. Благого) – *может – тревожит, совсем – ничем*, выполняют «музыкальную задачу»: «Во всех нечётных рифмах сильно звучит звук “м” а во всех чётных рифмах – звук “ж”». В другом стихе «То робостью, то ревностью томим» трижды повторяется *то*, а звуковые повторы «*р, т, с* являют своего рода внутреннюю рифму». Учёный обращает внимание читателей на автографы этого стихотворения Пушкина с его стилистической правкой, а рисунки на полях наполняют художественное пространство образа «мемориями» и подлинными чувствами.

Мы не случайно так подробно остановились на «изобразительной Пушкиниане» в исполнении Е.Н. Колокольцева. В ней его большое сердце – сказочное, как герои поэмы «Руслан и Людмила», народно-поэтическое с «котом учёным» в призрачном лукоморье,

сопереживающее, как в «Капитанской дочке», с его высокой верой и любовью к подлинным открытиям, трепетное и нежное, как в «Евгении Онегине», озорное и по-мальчишески резвое, как первые стихи, по-христиански смиренное, задумчивое и бесконечно щедрое, как у Божьих избранников, идущих и в XXI в. неизведанными тропинками небесного света, озаряя им обычных путников – неутомимых учеников, наблюдательных студентов, строгих учителей и всех, кто прикасается к «медному всаднику» и бродит по набережной Невы вместе с творцом.

В книгах Е.Н. Колокольцева, богато и со вкусом украшенных картинками Кипренского, Васнецова, Репина, Айвазовского, Фаворского, Бенуа и других классических и современных русских и западноевропейских художников, мы словно преодолеваем угрозу небытия, берём в руки свой дивный карандаш и рисуем мысли поэта, дышим его образами, высоко поднимаем «хоругви» – священные знамёна искусства – и играем словесными интонациями. Картины древнерусской живописи, эти нерукотворные ангелы и святые с мудрым и печальным взором несут в себе «вечно существующие» христианские предания, а непонятные слова *нимб, канон, икона оглавная, оплечная, поясная, в полный рост* незаметно входят в сознание ученика. Их хочется видеть и живописать.

Рядом, на других страницах учебников Е.Н. Колокольцева, Э. Мане с его красочным многоцветьем, хрустальным бокалом с розами – такой «призрачный» и «переменчивый». Он говорит «языком простым и точным». Евгений Николаевич показывает контрраст полотна и окружающего мира,

размышляет о «случайных» деталях, о полифонии жанров натюрморта, портрета, интерьера, бытовой картины и просит всё это перенести в словесное описание полотна: «Сопоставьте “Портрет А.П. Струйской” Ф.С. Рокова с пастельным рисунком Э. Моне “Сюзон, модель для “Бара в Фоли-Бержер”. Разные эпохи, несхожие натуры, неоднородные техники исполнения! Придумайте три-четыре сложноподчинённых предложения с союзами *не только..., но и...; как, будто, словно, чем, нежели* и др., основой которых являлось бы сопоставление этих двух портретов». Он раскрывает нам не просто образы художников, а говорит о мотиве зыбкости бытия, светлой печали и радости, о «преображении» второго плана, напряжённой драматической симфонии. А женский образ натурщицы, «его белокурая героиня, красивая и нежная, покоряет своим обаянием и одухотворённостью».

В личности Е.Н. Колокольцева много необычного. Он – философ «изнутри». Несуетный, как бы любующийся миром своих героев и помогающий им раскрыться в творческом воображении учеников такими вроде бы неприметными вопросами: «Какие черты духовного облика Пушкина нашли воплощение в портрете работы художника Тропинина, утверждавшего, что “портрет человека пишется для памяти ему близких людей, людей, его любящих”»?; «Какие детали поэтического описания места и времени действия нашли воплощение на иллюстрации»?; «Почему, отбирая материал для натюрморта, художник, несомненно исследовавший творчество поэта, отдал предпочтение именно рукописям «Евгения Онегина»?; «Какие страницы жизни

Пушкина связаны с Московской?»; «Почему художник запечатлел в “Пушкинской Москве” медаль-барельеф в память Отечественной войны 1812 года, выполненную известным скульптором Ф. Толстым, и значок с изображением Георгия Победоносца»?; «Какими мыслями и чувствами делится художник со зрителем?». Евгений Николаевич как будто следует за поэтом, наполняет его биографию оттенками реального быта, балами и маскарадами, лицами подлинных героев. Если Пушкин наделил их композицией, повествованием, конфликтами и звукописью, то Е.Н. Колокольцев создал галерею изобразительных рассказов о Пушкине. Его «очень милые стихи», «росчерки и наброски пером» в альбомах и учебниках Мастера преобразились и донесли сквозь пепел времени отголоски противоречивого XIX в. и трепет человеческих отношений. И в этом искусстве Е.Н. Колокольцева нет ничего назидательного. Евгений Николаевич – это читатель-друг: он «думает только о том, что ему говорит поэт, становится как бы написавшим данное стихотворение, напоминает его интонациями, движениями. Он переживает творческий миг во всей его сложности и остроте...»

Е.Н. Колокольцев – философ в том смысле, что изобразительное искусство для него есть обращение к мудрости духа, способность познавать «интимы грамматики», проникать в мировоззрение писателя или поэта, обретать вместе с ним разум. Эта философия, как бы она ни была сложна для школьников, в творчестве Евгения Николаевича получает оригинальное воплощение и сочетается со всем внутренним портретом произведения.

И старый, хрестоматийный текст, по выражению Н.В. Гоголя, превращается в «бездну пространства». Здесь даже «терпенья изумляющий народ» в эпиграфе Н.А. Некрасова к «Железной дороге» – некая сценка, задающая интонационный рисунок стихотворению, разгадать который может лишь мыслитель Александрийской школы. Пусть он живёт в другом времени, у него своя графика, но и непередаваемая палитра словесных красок. Открыть их школьнику, помочь ему научиться мыслить живописью звуков и слов – формулировать речь и вплетать её в культурную символику текста – это и есть настоящая философия педагогики, высшее искусство.

Он – поэт и всегда чувствует природу образа – те самые «романтические цветы», которые и тонки, и изысканны, и наполнены «запахом немых трав». Его лирический слух чуток, он «дрожит» над каждой рифмой, проникает в совершенство непознанного мира творчества и оттуда поёт свои баллады о любви и мечтает о новой литературной сказке. Он всегда стремится к идеалу... Евгений Николаевич и искусство – это «обнявшиеся близнецы».

В нём есть что-то и от билибинских героев – тот зримый портрет, который приближает иное пространство и время, и краски событийности сливаются с живыми голосами портрета. Они начинают творить свою историю... Для него *литература* – эстетика слова, воплощённая в любой гармоничной художественной форме – в живописи, графике, скульптуре, но обязательно «со стилистическим единством иллюстраций, шрифта и всех элементов оформления». И лермонтовские кня-

зья, стольники, опричники в «Песне про царя Ивана Васильевича ...» – «народ русский» – превращаются в осязаемую пластику, обрастают архитектурными деталями, заставками, характерами. Вот виднеются купола заснеженного храма Василия Блаженного, боярин сурово зачитывает царский указ... И расходится сюжетная ткань – возникает бархатное слово, а неожиданный рисунок вновь остановит внимание читателя. Он уже мыслит образами. А Евгений Николаевич с христианским смирением и восторгом, не уловимым для остальных, любит этим чудом прозрения: кто-то впервые открыл язык художника, смог перевести искусство слова в изобразительное «кино» и приобщился к удивительному миру «библей». А он счастлив!

«Обычная» повесть Л.Н. Толстого «Детство» – первое печатное произведение писателя, появившееся в некрозковском «Современнике» в 1852 году, – у Е.Н. Колокольцева предстаёт как эпопея литературных картин, сюжетов и реальных жизней. Он рассказывает не просто историю имени. Это – «роман человека умного, чувствительного и заблудившегося, он будет поучителен...». К раскрытию фабулы Евгений Николаевич готовится основательно: листает дневники писателя, воспоминания его современников, читает Руссо и Диккенса, классиков-литературоведов и, конечно же, художественные миры книги, без которых он не представляет себе образ героя. Проникнуть в его индивидуальность, в движение духа, манеру, увидеть «мою душечку» Николеньку – создать прекрасно-поэтический образ матери, увлечь учеников сентиментальными путешествиями, встреча-

ми, проверить их восприятие – этому могут научить портреты художников. Особенно хорош Ф.С. Рокотов – гений русского Просвещения. Вот как пишет о нём Е.Н. Колокольцев, когда вводит историческую «парсуну» живописца на уроке в VII классе: «В портрете кисти Ф.С. Рокотова привлекает ласковое лицо молодой женщины с устремлённым на зрителя мягким взглядом и тенью улыбки, которая прячется в уголках губ». А рядом полотна О.А. Кипренского и К.Е. Маковского, они отмечены «лирической проникновенностью, поэтической духовностью...» Их изучение на уроке по литературе, по мнению Е.Н. Колокольцева, «в сопряжении с художественным текстом разбудит творческую фантазию школьников и обогатит их представления о герое литературного произведения». Каждая часть главы, абзац, небольшой, но значимый для художественного пространства текста эпизод обыгрывается Мастером как словотворцем: вот «шумный смех» сменился молчанием, а здесь холодная погружённость в свой мир; на других иллюстрациях – мальчишеский кураж, вроде бы смешно и весело, но стоит задуматься, и несчастный Иленька вызывает тревогу и боль, а его «гонители» – осуждение. Всё это передаётся подыскиванием невидимых слов, вхождением в образ.

Е.Н. Колокольцев – знатный книголюб и книгочей. Он обладает уникальным даром видеть не только портрет – обложку, а всегда изучает её как живописец. Эта мозаика видна лишь Мастеру. В ней всё имеет смысл: и цветовая гамма, и росчерк застывшего пера, и переплёт, и формат, и вес. Свойства настоящей книги для него – неотъемлемая часть педагогики, если

угодно, авторский воспитательный приём, которому он приучает своих студентов на лекциях. Евгений Николаевич приобщает их к прекрасному искусству, позволяет дотронуться до сокровищницы духа. Да-да! Книга пахнет! Её аромат не сравним ни с чем. Он немного пряный, чуть сладковатый, иногда едкий от пыли, с отпечатками чужих пальцев – это тоже история. Книжки дышат стариной и притягивают своей магией времени. Каждая уникальна! Потому на занятия Евгений Николаевич часто приносит то альбомы с иллюстрациями, то редкие издания военных лет, то совсем древние фолианты, которых чуть ли не касалась рука Пушкина. Это целое чудодействие! А сколько здесь романтики и необъяснимой силы искусства, которая манит любого, необязательно филолога, к ней надо только прикоснуться. И этот обет Е.Н. Колокольцев совершает как молитвенное призывание. Он всю жизнь находится на учительской службе и взывает к Высшему. А книга для него – своеобразный проводник в художественный мир, тайна, без которой невозможна полноценная биография. Это – живое существо, оно имеет свою душу. Евгений Николаевич с каким-то сокровенным трепетом, будто священник, склоняется над книгой и произносит свои молитвы. Его словесный патерик горит вдохновением и святой верой в волшебный звук и сказочный «синематограф» – шелест страниц и калейдоскоп картинок, открывающихся, как в детстве, в книжках-раскладушках.

Евгений Николаевич – не просто наш Учитель. Он – творец! Он – неуловимый странник в мире искусства, кочующий по своим мирам и обрета-

ющий покой только тогда, когда «ко- душу вдохновенного искателя и живо-
локольчик среброзвонный» тихо поёт го свидетеля века русской литературы.
сердцу, не дразнит и не цепляется за Пусть он длится как можно дольше.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета;
e-mail: ov.nikitin@mgou.ru; olnikitin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Nikitin – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of History of Russian Language and General Linguistics, Moscow Region State University;
e-mail: ov.nikitin@mgou.ru; olnikitin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никитин О.В. «...чья муза до конца добру и красоте не изменяла» (юбилей профессора Е.Н. Колокольцева) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 177–188
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-177-188

FOR CITATION

Nikitin O.V. "... Whose muse served the good and the beauty till the end?" (Professor E. Kolokoltsev's anniversary). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 177–188
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-177-188

РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1(091)'01

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-189-192

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ Н.В. ТРОФИМОВОЙ «ИСТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» (М.: МПГУ, 2017, 83 С.)

Киселева И.А., Поташова К.А.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

REVIEW OF THE N. TROFIMOVA'S TEACHING GUIDE "HISTORY OF THE OLD RUSSIAN LITERATURE" (M.: MSPU, 2017. 83 P.)

I. Kiseleva, K. Potashova

Moscow Region State University

10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation

Учебно-методическое пособие «История древнерусской литературы», изданное в 2017 г. доктором филологических наук, профессором, профессором кафедры русской литературы МПГУ Н.В. Трофимовой, предназначено для изучения курса русской литературы XI–XVII вв. студентами академического бакалавриата по направлению подготовки «Педагогическое образование», «Филология», «Журналистика». Ценность настоящего учебного издания заключается в оригинальном методологическом подходе к преподаванию данного периода русской литературы в вузовской практике – изучение памятников древнерусской словесности сопряжено с текстологией и проводится с опорой на традицию устного народного творчества.

Рецензируемое учебно-методическое пособие отвечает требованиям, предъявляемым к современной учебно-методической литературе, призванной обеспечить реализацию компетентностного и системно-деятельностного подходов при обучении бакалавров. В данном учебном издании содержится необходимый минимум теоретических сведений, составлены задания, связанные с формированием необходимых компетенций будущих специалистов филологов, учителей-словесников и журналистов, собраны тренировочные материалы для отработки навыков анализа памятников древнерусской словесности, представлены

рекомендации по использованию различных образовательных технологий. Ценностью настоящего учебного пособия является подобранный учебный материал для выработки практических навыков работы с памятниками литературы и культуры средневековой Руси – в пособие включены учебная и научная литература, цифровые ресурсы.

Структура предлагаемого учебно-методического пособия отличается логичностью и последовательностью. Пособие открывается методическими рекомендациями для студентов, в которых разъясняются особенности работы с данным учебным изданием. Основная часть пособия представлена двумя разделами – в разделе «Содержание курса» автором составлен тематический план лекций и дан обзор изучаемых тем, в разделе «Практические занятия» сделана подборка заданий к 27 занятиям курса. В двух последующих разделах собраны контрольные оценочные средства – для текущего контроля (список источников для конспектирования, тематика рефератов) и промежуточной аттестации (вопросы к зачёту). Завершается учебное пособие справочно-библиографическим разделом, в котором представлен перечень рекомендуемой литературы.

Логику построения лекционного курса определил исторический принцип – изучение жанровой специфики и идейного содержания памятников древнерусской литературы с опорой на традиционную историко-литературную периодизацию. Автором тезисно представлен обзор каждого этапа развития древнерусской литературы и культуры. Композиционно выверенный принцип изложения

теоретического материала позволяет студентам проследить развитие историко-литературного процесса средневековой Руси. Стоит отметить и то, что в представленном необходимом теоретическом минимуме автор пособия удачно сочетает критерии научности и доступности в изложении учебного материала.

Особого внимания заслуживают разработанные практические занятия. Широкий спектр представленных тем и их разноплановость (как-то: узкая проблема занятия 7 «Историческая основа “Слова о полку Игореве” по летописным повестям» или обзорная тема занятия 9 «“Слово о полку Игореве” как литературный памятник») позволит преподавателю, использующему в своей практике данное издание, самостоятельно выстраивать логику изучения курса. Каждой теме соответствует набор вопросов и заданий, которые могут выполняться студентами в аудитории под руководством преподавателя или самостоятельно при подготовке к практическому занятию. Составленные автором задания способствуют успешной организации работы студентов, ориентированных на изучение круга наиболее значимых произведений древнерусской литературы, формирование целостного представления об историко-литературном процессе XI–XVII вв., уяснение специфики эпохи Средневековья на Руси.

Подход к составлению заданий, принятый Н.В. Трофимовой, существенно отличает данное учебное пособие от иных учебных изданий по дисциплине. Автором собраны оригинальные задания, направленные на отработку навыков чтения и анализа памятников древнерусской письмен-

ности – вопросы для самопроверки с целью диагностики верного понимания произведения, словарная работа, задания на отработку теоретических понятий, задания на установление исторической и фактографической основы памятника, самостоятельная подготовка научных работ. Несомненным достоинством пособия является доступность заданий для студентов с различным уровнем подготовки, использованная автором система условных обозначений заданий разной степени сложности поможет студентам в разработке индивидуального образовательного маршрута. Каждое практическое занятие снабжено справочно-сопроводительным аппаратом, состоящим из рекомендованных изданий текстов и научной литературы.

Актуальность и практическая значимость учебно-методического пособия «История древнерусской литературы» не вызывает сомнений. Учебно-методическое пособие ориентирует обучающихся на изучение основ национальной культуры, сохранение национальной идентичности в ценностях и традициях. Система знаний, связанных с изучением древнерусской литературы, приобретение навыка самостоятельного анализа памятников древнерусской словесности являются необходимыми для филологов и учителя-словесника. В этой связи значимыми представляются разработанные для студентов, обучающихся

по направлению подготовки «Педагогическое образование», дополнительные задания, связанные с особенностями преподавания данного курса в школе.

Предложенный Н.В. Трофимовой метод построения учебной деятельности студентов, синтезирующий научность и практикоориентированность делают учебное пособие по настоящему актуальным для современного образовательного процесса. К достоинствам настоящего пособия следует отнести и тот факт, что оно может служить методическим обеспечением не только курса «Истории русской литературы», но и стать дополнительным материалом для специального изучения курса «Устное народное творчество», а также может использоваться в школьной практике преподавания.

Учебное пособие Н.В. Трофимовой «История древнерусской литературы» соответствует актуальным требованиям Федерального государственного стандарта высшего образования и будет востребовано при освоении программ академического бакалавриата, магистратуры и аспирантуры по направлениям подготовки «Филология», «Педагогическое образование», «Журналистика» в рамках широкого спектра профилей, а также при разработке курса древнерусской литературы преподавателями вузов и учителями-словесниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трофимова Н.В. История древнерусской литературы : учебно-методическое пособие. М.: Московский педагогический государственный университет, 2017. 83 с.

REFERENCES

1. Trofimova N.V. Istoriya drevnerusskoi literatury [History of the Old Russian literature]. M., Moscow State Pedagogical University, 2017. 83 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киселева Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: 7909227849@yandex.ru

Поташова Ксения Алексеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Kiseleva – Doctor in Philological Sciences, professor, Head at the Department of the Russian classical literature, Moscow Region State University;
e-mail: 7909227849@yandex.ru

Ksenia A. Potashova – PhD in Philological Sciences, Senior Lecturer at the Department of the Russian classical literature, Moscow Region State University
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Киселева И.А., Поташова К.А. Рецензия на учебно-методическое пособие Н.В. Трофимовой «История древнерусской литературы» (М.: МПГУ, 2017, 83 с.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 189–192
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-189-192

FOR CITATION

Kiseleva I., Potashova K. Review of the N. Trofimova's teaching guide "History of the Old Russian literature" (M.: MSPU, 2017. 83 p.). In: Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 3, pp. 189–192
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-189-192

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2018. N 3

Над номером работали:

Литературные редакторы Т.Е. Шаповалова, М.С. Тарасова
Переводчик И.С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка – Д.А. Заботина

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 12,75, усл. п.л. 12,25.
Подписано в печать: 29.06.2018 г. Дата выхода в свет: 04.07.2018 г. Заказ № 2018/06-07.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А